

ЛУИ-ФЕРДИНАНД

СЕЛИН

**СМЕРТЬ
В КРЕДИТ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Луи-Фердинанд Селин

Смерть в кредит

«Издательство АСТ»

1936

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Селин Л.

Смерть в кредит / Л. Селин — «Издательство АСТ»,
1936 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-116432-4

Луи-Фердинанд Селин – классик литературы XX века, писатель с трагической судьбой, имеющий репутацию человеконенавистника, анархиста, циника и крайнего индивидуалиста. Обвиненный в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями в годы Второй мировой войны, Селин вынужден был бежать в Германию, а потом – в Данию, где провел несколько послевоенных лет: сначала в тюрьме, а потом в ссылке...

Одна из самых шокирующих его книг – «Смерть в кредит» (1936). В ней писатель, не стесняясь в выражениях, жестко и надрывно описал все уродства жизни парижского дна, которые он наблюдал в юности. Читая о воинствующем аморализме, вы всеми порами ощутите мерзость окружающей обстановки с ее беспросветной безысходностью и ложью. Однако роман вызывает неоднозначные эмоции. С одной стороны, картины абсурда и несправедливости пробуждают чувство негодования и протеста. А с другой – вызывает удивление какое-то почти мазохистское упоение автора хаосом. Но в этом и есть весь Селин, произведения которого до сих пор вызывают яростные споры и разноголосицу мнений. Книга содержит нецензурную брань. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-116432-4

© Селин Л., 1936

© Издательство АСТ, 1936

Содержание

Предисловие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Луи-Фердинанд Селин

Смерть в кредит

© Editions Gallimard, Paris, 1952

© Климова Маруся., перевод на русский язык

© Оформление. ООО «Издательство «АСТ»

* * *

Предисловие

Потребовалось почти шестьдесят лет, чтобы «Смерть в кредит» была опубликована в России. Благодаря таланту и упорству переводчицы Маруси Климовой русская публика сможет наконец открыть для себя это важнейшее произведение Селина, которое единодушно считается одним из самых значительных французских романов XX века.

Чтобы лучше понять, почему между публикацией романа в Париже в мае 1936 года и выходом этого шедевра на русском языке минуло столько лет, нужно постараться до конца представить, кто же такой Селин, а для этого придется немного углубиться в историю.

Селин (настоящее имя Луи Детуш) родился в пригороде Парижа 27 мая 1894 года. Его детство прошло в одном из парижских кварталов среди мелких торговцев, всю жизнь пытавшихся разбогатеть. Его мать содержала маленькую лавочку, в которой продавались старинные кружева и антиквариат, и была великой труженицей, безропотной и забитой, в то время как отец, скромный служащий страховой компании, постоянно «вопил» о несправедливостях судьбы, евреях, о бездушии технократической цивилизации и всего современного мира.

Будучи единственным сыном в семье, свое детство Селин провел в среде эгоистической и унылой, постоянно наблюдая дичайшие проявления социального неравенства. Чуть позже ему довелось участвовать в первых сражениях войны 1914–1918 годов, он стал свидетелем одной из самых великих исторических боен и вернулся с нее убежденным пацифистом, до конца своих дней сохранив и в своем теле (Селин был ранен. – *Прим. переводчика.*) и в душе отметины ужасов пережитой им трагедии. Несколько лет спустя, после длительного пребывания в Африке, где Селин столкнулся с нищетой туземцев и бесчинствами колонизаторов, он поступил на службу врачом в диспансер одного из парижских пригородов, где опять-таки вынужден был постоянно соприкасаться с болезнями и страданиями людей. Имея за плечами подобный опыт, мог ли Селин избежать увлечения коммунистическими идеями? В то время все обездоленное человечество верило, что пролетариат, придя к власти, воспользуется ею таким образом, что среди народов раз и навсегда установится мир, сила и оружие отступят, и будет наконец-то построено свободное и справедливое общество. К несчастью, судьба распорядилась иначе.

Испытывая потребность писать, Селин опубликовал в 1932 году в Париже роман «Путешествие на край ночи», который произвел большой переполох и даже, можно сказать, что-то вроде революции во французской литературе. Французские писатели-коммунисты поспешили причислить Селина к «своим», увидев в нем последователя Барбюса, тоже ветерана Первой мировой войны. Арагон, проникшись к писателю дружескими чувствами, обращался к нему в журнале «Коммюн»: «Когда настанет час неизбежного сражения, я надеюсь увидеть вас на стороне эксплуатируемых, а не эксплуататоров». Супруга Арагона Эльза Триоле перевела «Путешествие...» на русский язык, его исковерканная версия была опубликована в Москве в 1934 году с предисловием Ивана Анисимова, который увидел в книге «гигантскую фреску современной жизни» и «настоящую энциклопедию умирающего капитализма».

Книга вызвала большой резонанс, хотя среди интеллигенции мнения о ней полярно разделились. Так, на Первом съезде советских писателей, состоявшемся в Москве в 1934 году при участии Луи Арагона и Андре Мальро, Максим Горький заявил: «Герой этой книги, Бардамю, человек без родины; он презирает людей, называет свою мать «сучкой», а любовниц – шлюхами, он безразличен к любому преступлению и, не имея никаких данных «примкнуть» к революционному пролетариату, вполне созрел для принятия фашизма». (Здесь и далее цитаты из русских авторов переведены с французского текста. – *Прим. переводчика.*)

Наивысших похвал Селин удостоился от Льва Троцкого, который, после того как поприветствовал «зрелого мужа, искушенного в медицине и искусстве, наделенного абсолютным

презрением к академизму и исключительным чутьем к жизни и языку», написал о нем в 1933 году из своей ссылки на Принкипо: «Селин такой, каким мы его знаем, происходит из французской реальности и французского романа. И ему не приходится за это краснеть. Французский гений нашел в романе свое несравненное выражение. Ведя свое начало от Рабле, который, кстати, тоже был врачом, за четыре века своего существования великолепная французская проза простерлась от жизнеутверждающего смеха до отчаяния и опустошения, от ослепительного рассвета до края ночи».

«Смерть в кредит», опубликованная в Париже в мае 1936 года, была довольно-таки холодно встречена французской критикой и еще хуже – советской. Почти все отмечали отталкивающий анархизм Селина, грубость некоторых его тем и его «презрение к человечеству».

Селин интересовался буквально всем, ему хотелось все увидеть и прочувствовать самому, поэтому в сентябре 1936 года он на короткое время приезжает в Ленинград, откуда возвращается с убеждением, что коллективизм может принести стране лишь несчастья и нищету. Тогда-то и был написан короткий и резкий антисоветский памфлет «*Mea culpa*» («Моя вина»), опубликованный издательством Денюэля в конце 1936 года. Так закончился медовый месяц между писателем и коммунистами, отныне он становится для них олицетворением «темных сил».

Селин ненавидел любые повторения, среди них – неизбежные пробуждения ненависти и насилия, сопровождающие все революции, так же как и периодически повторяющиеся войны между народами, между социальными классами, между людьми, которых он сам хотел бы видеть живущими в мире и согласии.

Селин обладал удивительным даром предчувствия катастроф, он инстинктивно чувствовал их приближение задолго до начала тридцатых годов. По своему темпераменту он не имел себе равных во французской литературе XX века и потому не мог спокойно наблюдать разыгрывающуюся в Европе трагедию, которая была лишь предвестником жесточайшей бойни, охватившей вскоре почти весь мир. Он был не в состоянии сдержаться и не выразить ту ненависть, которую испытывал к самой ненависти, в выражениях настолько резких и разрушающих общепринятые нормы, что это и сегодня сохраняет за ним репутацию писателя отверженного и проклятого, несмотря на прошедшие с тех пор десятилетия.

Селин был одинок и свободен, и в этом главный источник его силы, равно как одиночеству и свободе он обязан своей странной славой предвестника, провидца и революционера.

Без него французская литература, без сомнения, безмятежно продолжала бы шествовать своей дорогой, а французские писатели нынешнего века продолжали бы писать так, как это делали их отцы в прошлом веке.

Селин оказался способен продвинуть французский роман на сто лет вперед, создав произведения в высшей степени сильные, оригинальные и актуальные. Читая роман «Смерть в кредит», каждый сам может убедиться в том, что на книге, написанной почти полвека назад, до сих пор не появилось ни одной морщинки. Свежесть стиля, богатейший мир чувств и образов, юмора и нежности, что присутствуют на каждой странице книги, делают роман поразительно современным.

Мне хотелось бы, чтобы все русские читатели сумели оценить и полюбить эту книгу. Я также искренне надеюсь, что в ближайшее время будут переведены и напечатаны книги, написанные Селином после Второй мировой войны. Тогда читатель откроет для себя «Из замка в замок», «Север», «Ригодон» – восхитительную трилогию, созданную лишенным иллюзий человеком, который познал все человеческие беды, прошел войну, тюрьму, больницу, ссылку, одиночество и тоску, которого травили, как бешеную собаку, и который, смеясь надо всем этим, дает тем, кто его читает, не только урок превосходного стиля и юмора, но и впечатляющий урок гуманизма, жизненной силы и гениальности.

*Франсуа Жибо
Париж, 18 июля 1993 года*

Люсьену Декаву

*Вставай! Бери свои штаны!
То коротки, а то длинные.
И куртку грубую!
Рубашку, скомканный берет.
Ботинкам этим сносу нет,
Носи до гроба их!..*

Тюремная песня¹

Вот опять я один. Это так тяжело, так ужасно, так мучительно... Скоро я стану старым. И все это наконец закончится. Множество людей побывало здесь, в моей комнате. Они о чем-то говорили. Я даже не помню о чем. Их больше нет. Разбросанные по всему свету, они составились, обрюзгли и опустились.

Вчера в восемь часов умерла мадам Беранж, консьержка. Из ночной темноты поднимается ураган. Здесь, на самом верху, мы чувствуем, как трясется дом. Она всегда была так добра, внимательна и преданна мне. Завтра ее хоронят на улице Соль. Ей было уже много лет, в самом деле, очень много. Я сказал ей в первый же день, когда она закашляла: «Ни в коем случае не ложитесь! Сидите в кровати!» Я опасался худшего. А потом... Стало совсем плохо...

Я ведь не постоянно занят этой дерьмовой медициной. Я напишу, что мадам Беранж умерла, тем, кто знал меня, кто знал ее. Где они?..

Я хотел бы, чтобы ураган становился все сильнее и сильнее, чтобы обвалилась крыша, чтобы весна больше не пришла, чтобы наш дом исчез.

Мадам Беранж знала, что все огорчения приходят вместе с письмами. Я даже не представляю, кому написать... Все эти люди далеко... Они уже совсем не те, они слишком забывчивы и непостоянны, им не до того...

Бедная мадам Беранж, ее одноглазую собаку заберут, уведут...

Все горе, принесенное письмами, вот уже почти двадцать лет копилось у нее. Оно там, в запахе недавней смерти, в ее невыносимом остром привкусе... Горе вышло наружу... Оно там... Рыщет... Оно знает нас, теперь мы тоже знаем его. Оно не уйдет больше никогда. Надо погасить в комнате свет. Кому я буду писать? У меня больше никого нет. Никого, с кем я мог бы спокойно встретить благородный дух смерти... а потом спокойно поговорить... Ты один и надейся только на себя!

Под конец моя бедная старушка не могла даже говорить. Она задыхалась, хватала меня за руку... Вошел почтальон. Он видел, как она умирает. Легкая икота. Все. Когда-то многие заходили к ней спросить обо мне. Все они далеко, очень далеко, они растворились, разъехались в поисках счастья. Почтальон снял кепку. Я мог бы выразить свою ненависть прямо сейчас. Это я умею. Но всему свое время. А пока я буду рассказывать. И расскажу такое, что со всех концов света они приедут только для того, чтобы меня убить. Тогда с этим будет покончено, и я буду удовлетворен.

¹ Селин не является автором песни. Это третий куплет одной из песен заключенных, собранных аббатом Крозе, бывшим исповедником тюрьмы «Гранд Рокетт» с 1860 по 1870 г. Песня посвящается новичкам, которые впервые надевают на себя тюремную робу.

* * *

В больнице, где я работаю, при институте Линюси, у меня уже были неприятности из-за моих рассказов... Мой кузен Гюстен Сабайо категоричен: мне следовало бы изменить стиль. Он тоже врач, но на другом берегу Сены, в Шпель-Жонксьон. Вчера у меня не было времени сходить к нему. Я как раз хотел поговорить с ним о мадам Беранж. Но я немного опоздал. Консультировать – тяжелое ремесло. К вечеру он тоже устает. Почти все люди задают утомительные вопросы. Торопиться бесполезно, все равно им приходится повторять все предписания по двадцать раз. Им доставляет удовольствие мучить тебя, заставлять говорить... Они и не подумают следовать твоим советам. Но они подозревают, что ты недостаточно усердствуешь, и для большей уверенности требуют: банки, рентген, анализы... Чтобы их простукали сверху донизу... Чтобы все измерили... Артериальное давление и тупость... Гюстен занимается этим в Жонксьон уже тридцать лет. А я своих придурков в один прекрасный день пошлю в Вилетт² пить теплую кровь. Надеюсь, это утомит их уже с самого утра. Я еще толком не знаю, что бы такое сделать, чтобы их отвадить...

Позавчера я наконец смог пойти навестить Гюстена. Его дыра в двадцати минутах ходьбы от моей, сразу же за Сеной. Погода была не очень. Все же я собрался. Я решил поехать на автобусе. Заканчиваю прием. Удираю через перевязочную. Но тут какая-то баба вцепляется в меня. Она растягивает слова, как и я. Это от усталости. У нее силпый голос, это уже от пьянства. Она ноет, тащит меня куда-то. «Доктор, идемте, я вас умоляю!.. Моя доченька, моя Алисочка!.. Это на улице Рансьен!.. В двух шагах!..» Я не обязан туда идти. В конце концов, я уже закончил прием!.. Она настаивает... Мы уже вышли. Мне осточертела эта херня... Я починил сегодня уже тридцать мудил... Не могу больше... Пусть они кашляют! Харкают кровью! Развалятся на части! Пусть их вывернет наизнанку! Пусть они улетят на собственных газах!.. Мне наплевать на это!.. Но плакальщица хватает меня, бесцеремонно вешается на шею, дышит на меня своим отчаянием. Оно здорово отдает «бормотухой»... У меня нет сил сопротивляться. Она не отстает от меня. Может быть, на улице Касс, длинной и без фонарей, я дам ей ногой под жопу и смоюсь... Все же я слизняк... Я уже сник... И снова начинается та же песня: «Моя доченька!.. Я вас умоляю, доктор!.. Моя Алисочка!.. Вы же знаете ее?..» Улица Рансьен не так уж близко... Ну и влип же я... Я знаю, где это. За кабельным заводом. Я слушаю ее как в тумане... «Мы получаем только восемьдесят три франка в неделю... а у нас трое детей!.. И мой муж так ужасно со мной обращается!.. И сказать стыдно, дорогой доктор!..»

Я знаю наизусть всю эту дребедень. Воняет сгнившим зерном, в ее дыхании клокочет мокрота...

Вот и конура...

Я вхожу. Наконец могу сесть... Малышка в очках.

Я располагаюсь у ее кровати. Она вяло играет с куклой. Я пытаюсь ее развлечь. Я могу быть забавным, если постараюсь... Соплячка не так уж плоха... Она тяжело дышит... Все ясно, это воспаление... Я смешу ее. Она задыхается. Я успокаиваю мать. Эта корова хочет воспользоваться тем, что я попал в ее хлев, и тоже проконсультироваться. По поводу множества синяков на ляжках. Она задирает юбки: прожилки, как на мраморе, и даже глубокие ожоги. От кочерги. Вот каков ее безработный. Я даю совет... При помощи веревочки я заставляю ходить безобразную куклу... Она поднимается, опускается, доходит почти до дверной ручки... Все-таки это лучше, чем разговаривать.

Я слышу множество хрипов. В конце концов, это не так уж страшно... Я снова ее успокаиваю. Два раза повторяю одно и то же. Это начинает надоедать... Девочка уже смеется. И

² Вилетт – район в окрестностях Парижа, где раньше находились городские бойни. Теперь там устроен большой парк.

опять начинает задыхаться. Я пытаюсь помочь. Она синее... Может, это дифтерит? Надо бы посмотреть... Взять мазок?.. Завтра!..

Приходит папаша. На свои восемьдесят три франка он может нажраться только сидром, на вино не хватает. «Я здорово пью. От этого хочется ссать!» – сообщает он мне сразу же. Пьет из горлышка. Показывает мне свой член... Мы пьем за то, что малыш не так уж плох. Меня больше интересует кукла... Я слишком устал, чтобы заниматься взрослыми и диагнозами. Все взрослые – настоящие сволочи! До завтра я не хочу видеть больше ни одного.

Мне плевать, что меня не принимают всерьез. Я пью еще за здоровье. Моя помощь бесплатна и к тому же сверхурочна. Мать опять напоминает мне о своих ляжках. Я даю последний совет. И спускаюсь по лестнице. По улице ковыляет маленькая собачонка. Она увязывается за мной. Сегодня ко мне все цепляются. Собачонка – крошечный фокс, черный с белым. Мне кажется, она потерялась. Эти наглые безработные меня даже не проводили. Уверен, что они уже начали драться. Слышны вопли. Пусть же он запихнет свою кочергу целиком ей в задницу! Чтобы образумить эту шлюху! Это ее отучит беспокоить меня!

Я иду налево... Точнее говоря, по направлению к Коломб. Собачонка бежит за мной... За Аньер находится Жонксон³, там мой кузен. Но собачонка сильно хромает. Она смотрит на меня. Не могу видеть, как она тащится. Пожалуй, лучше вернуться. Возвращаюсь через мост Бине и заводскую окраину. Больница еще не закрыта... Я говорю мадам Органз: «Покормим собачку. Пусть кто-нибудь купит мяса... Завтра позвоним... За ней приедут из „Общества защиты“. На ночь ее нужно запереть». И ухожу, успокоившись. Но собачонка оказалась очень пугливой. Ее, наверное, сильно били. Улица жестока. На следующий день, едва мы открыли окно, она не стала ждать, а выпрыгнула наружу, нас она тоже боялась. Она думала, что ее хотят наказать. Она ничего не понимала. И никому уже не верила. И это было ужасно.

* * *

Гюстен прекрасно меня понимает. Когда он голоден, от него можно услышать замечательные вещи. Ему доступен самый высокий стиль. Его мнению можно доверять. Он совершенно не завистлив. Он не требует от жизни слишком много. Когда-то он пережил разочарование в любви и не хочет с ним расставаться. Он говорит об этом очень редко. Это была легкомысленная женщина. Гюстен – исключительный человек. Он всегда остается верен себе.

А пока он пьет...

Сон для меня – мучение. Если бы я всегда хорошо спал, я никогда бы не написал ни строчки...

«Ты мог бы, – говорит Гюстен, – рассказать что-то приятное... иногда... В жизни не одна только грязь...» В определенном смысле это довольно верно. Мною владеет настоящая мания, я необъективен. А ведь было время, когда у меня постоянно гудело в ушах, когда меня лихорадило гораздо чаще, чем теперь, и я не был столь пессимистичен... Меня посещали прекраснейшие мечты... Моя секретарша мадам Витрув тоже делает мне замечания на этот счет. Она хорошо осведомлена о причинах моих страданий. Когда человек одарен, он невнимателен к своим шедеврам, способен их потерять. Я говорю себе: «Эта шлюха Витрув наверняка где-то их припрятала...» Настоящие жемчужины... куски Легенды⁴... просто бесподобные... Я настроен всерьез заняться ими... Для большей уверенности я перерываю все свои бумаги...

³ Коломб, Аньер, Жонксон – ближайшие пригороды Парижа.

⁴ Легенда – многочисленные документы указывают на то, что Селин в 1930-е гг. собирался написать, и даже начал, средневековый роман из народной жизни. Правда, романа не получилось, вместо него он начал писать легенду о короле Крогольде, которая так и не была завершена и опубликована. В самом начале работы над «Смертью в кредит» Селин пишет своему издателю Деноэлю: «Как только вернетесь, пришлите мне мою Легенду, она лежит у вас. Я хочу как-нибудь ее использовать».

И ничего не нахожу... Я звоню Делюмелю⁵, моему агенту, и крою его, на чем свет стоит... Я хочу, чтобы он скрежетал зубами от злости... Чтоб он сдох! Ему на это наплевать! Он миллионер. Он мне советует взять отпуск... Наконец приходит моя Витрувиха. Я не доверяю ей. У меня для этого достаточно оснований. Куда ты девала мое гениальное произведение? – сразу нападаю я на нее. У меня есть по меньшей мере сотня причин подозревать ее...

Больница Линюси находилась около Порт Перейр. Она приходила туда почти ежедневно к концу приема и приносила мне то, что напечатала. Маленькое временное здание давно снесли. Мне там не нравилось. Все было расписано буквально по минутам. Линюси, крупный миллионер, создавший больницу, хотел, чтобы все лечились и выздоравливали бесплатно. Чертовы филантропы. Меня бы больше устроила работа в муниципальной больнице... Прививки... Справочки... Даже душ с ванной... В общем, лафа. Совсем другое дело. Но я не какая-нибудь важная птица, не франкмасон, даже не студент педагогического института и не умею как следует преподнести себя, я слишком много трахаюсь, к тому же у меня плохая репутация... Уже пятнадцать лет вся округа наблюдает, как я барахтаюсь: эти паршивые люмпены добились всяческих свобод и глубоко меня презирают. Еще счастье, что меня не выгнали. Я могу отвести душу только в литературе. Грех жаловаться. Мамаша Витрув печатает мои романы. Она ко мне привязалась. «Послушай, – говорю я ей, – дорогая мамуля, я последний раз повторяю! Если ты не найдешь мою Легенду, можешь считать, что нашей дружбе конец! Больше не будет трогательного сотрудничества!.. Ни кайфа!.. Ни выпивки!.. Конец всему!..»

Тут она раздражается жалобами. Она в равной мере отвратительна, эта Витрувиха, и как человек, и как работник. Просто наказание. Она села мне на шею еще в Англии. Я дал клятву. Мы знакомы с ней уже давно. В Лондоне ее дочь Анджела заставила меня поклясться, что я буду всегда помогать ей. Надо сказать, что я это делал. Я сдержал обещание. Я поклялся Анджеле. Это было еще во время войны. К тому же она многое умеет. Ладно. В общем-то, она не болтлива, только любит предаваться воспоминаниям... Ее дочь Анджела была личностью. Глядя на ее мерзкую мамашу, в это трудно поверить. Анджела плохо кончила. Я расскажу все, если уж начал. У Анджелы была еще сестра, Софи-Лапша, она устроилась в Лондоне. А здесь жила ее племянница Мирей, такая же, как и все, – настоящая шлюха высокого класса.

Когда я переехал из Ранси в Порт Перейр, они обе последовали за мной. Теперь в Ранси все по-другому, уже нет ни крепостной стены, ни Бастиона⁶. Огромные черные развалины торчат из мягкой насыпи, как остатки гнилых зубов. И это не предел – город уничтожает свои старые десны. Через развалины, как ураган, проносится скорый поезд. Скоро везде будут только новые полунебо-полуземле-скребы. Вот увидите. Мы постоянно ругались с Витрувихой из-за перенесенных несчастий. Она все время пыталась доказать, что много страдала. Я этого не выношу. Но морщин у нее, конечно, больше, чем у меня! Бесчисленные морщины, отвратительные следы плотских наслаждений прошлых лет. «Наверное, это Мирей куда-то дела ваши бумаги!»

Я иду с ней, провожаю по набережной Миним. Они живут вместе около шоколадной фабрики Битронель, в так называемом отеле «Меридьен».

Их комната – невероятная груда хлама, разная дребедень, белье, все самое плохое и самое дешевое.

Мадам Витрув и ее племянница – обе потаскухи. У них есть три инъектора, куча разных приспособлений и резиновое биде. Все это размещается между двумя кроватями, и плюс огромный пульверизатор, прыскать из которого они так и не научились. Я не хочу сказать

⁵ Делюмель – намек на Робера Деноэля, первого издателя Селина.

⁶ Бастион – окружавшая Париж крепостная стена (в народе называвшаяся «укреплениями»), на которой было девяносто четыре бастиона. Ее начали разрушать в 1920 г. Это разрушение местами сопровождалось расширением границ города. Так на границе с Клиши в 1930 г. к Парижу были присоединены район бывших укреплений и кладбище Батиньоль («город уничтожает свои старые десны»). С тех пор Париж, ранее ограниченный Бульваром Маршалов, расширился до дороги Револьт.

ничего плохого о Витрувихе. Возможно, она страдала в жизни гораздо больше меня. Это заставляет меня быть снисходительным. Иначе я вообще не дал бы ей спокойно жить. В глубине камина она прячет «ремингтон», так и не оплаченный до конца... Естественно... Я недорого плачу за печатание, всего шестьдесят пять сантимов страница. Но к концу эта сумма утраивается... Особенно, когда большой объем.

Что касается косоглазия Витрувихи, то я никогда не видел ничего подобного. На нее было страшно смотреть.

Когда она гадала, ее дикое косоглазие придавало ей значительность. Она сулила своим клиентам шелковые чулки... будущее... все в кредит. Впадая в безразличие или задумчивость, она водила глазами по картам, как настоящая лангуста.

Она приобрела влияние в округе только благодаря лотерее. Она знала всех рогносцев. Показывала мне их через окно, и даже троих убийц: «У меня есть доказательства!» Я подарил ей старый аппарат Лобри для измерения артериального давления и научил делать массаж при расширении вен. Это пополнило ее побочные доходы. Но подлинной ее страстью были аборт, от них она отказалась бы разве что ради участия в кровавой революции, о которой бы все говорили и писали в газетах.

Наблюдая, как она роется в своем барахле, я испытывал отвращение, которое невозможно передать. А тем временем во всем мире вполне приличные люди попадают под грузовики... От мамыши Витрув исходил острый запах. У рыжих это бывает. Я думаю, что рыжие чем-то схожи с животными, их скотство по-своему трагично и предопределено их мастью. Я полностью в этом убедился, выслушав ее откровения... У нее постоянно жгло в заднице, и поэтому ей было трудно получить удовлетворение. Во всяком случае, с пьяным мужчиной. Даже когда было очень темно, ей не везло! Мне было ее немного жаль. Я в области высоких чувств достиг гораздо большего. Ей же это казалось несправедливым. Но когда придет мой час, я смогу умереть, ни о чем не жалея. Вся жизнь я был на содержании у Красоты. Я трахал ее в задницу, и делал с ней что хотел... Я должен в этом исповедаться. Я познал абсолютно все.

У нее не было сбережений, а стоит ли говорить, как быстро улетучиваются деньги. Чтобы жрать и продолжать наслаждаться жизнью, ей нужно было веселить или хотя бы удивлять клиентов. Это был настоящий ад.

Как правило, после семи часов эти жирные твари возвращаются домой. Жены моют посуду, а самцы запутываются в радиоволнах. Тогда-то Витрувиха и оставляла мой очередной роман, чтобы заняться кое-чем поинтересней. То на одной, то на другой лестничной площадке она демонстрировала свои чулки в сеточку и бесформенные вязаные кофты. Перед кризисом ее еще выручал кредит и способность заставить врасплох клиентов, теперь же она была вынуждена довольствоваться жалкой подачкой, которую в качестве компенсации обычно получают назойливые неудачники, проигравшиеся в карты. Это было уже слишком. Я пытался объяснить ей, что все это из-за япошек... Она мне не верила. Я сказал ей, что она нарочно выбросила мою замечательную Легенду на помойку...

– Это шедевр! – добавил я. – Зато теперь я уверен, что ее найдут!

Она просто завралась... Мы вместе рылись в куче хлама. Наконец с большим опозданием пришла племянница. Ее ляжки надо видеть! Просто туши свет... юбка в складку... Стиль выдержан до конца. Гармошка с разрезом... Все выставлено напоказ. Безработные всегда отчаявшиеся, чувственные и слишком бедные, чтобы платить. Липнут. «Ну и жопа!» – орут они ей... Прямо в лицо. Просто чтобы лишний раз подрочить в коридоре. Юнцы с тонкими, незаматеревшими чертами лица тоже стараются быть как все и раствориться в потоке жизни. Это уже гораздо позже она опустила до самозащиты!.. После множества неприятностей... А тогда это ее забавляло...

Она тоже не смогла найти мою прекрасную Легенду. Она плевала на «Короля Крогольда»... Это волновало только меня. Она получила воспитание в «Корзиночке», клубе в Порт Брансьон, недалеко от железной дороги.

Когда я впадал в бешенство, они не спускали с меня глаз. Как «трахнутый», по их определению, я был вне досягаемости! Онанист, застенчивый, интеллектуальный и все такое. Но сейчас, к моему удивлению, они боялись, что я сбегу. Если бы я решился на это, интересно, что бы они стали делать? Я уверен, что тетка размышляла на эту тему довольно часто. Как только я заикался о путешествиях, по их лицам пробегали судорожные усмешки...

У Мирей, кроме удивительной задницы, были еще и романтические глаза, проникновенный взгляд, но при этом внушительный нос, шнобель, настоящее проклятие. Когда я хотел ее немного унизить, я говорил: «Кроме шуток! Чтоб мне пусто было, Мирей! У тебя совершенно мужской нос!..» Она умела замечательно рассказывать и любила плести небылицы, как моряк. Сначала она выдумывала всякую всячину, чтобы доставить мне удовольствие, а потом – чтобы меня позлить. Послушать хорошие истории – моя слабость. Она дурачила меня, вот и все. Наши отношения нужно было прекратить любым способом, ведь она уже тысячу раз заслужила взбучку, и именно от меня. Она наконец ее дождалась. Я действительно был очень великодушен... Я наказал ее за дело... Все это говорили... Те, кто был в курсе...

* * *

Не умаляя достоинств Гюстена Сабайо, я могу повторить еще раз, что ему не приходилось рвать на себе волосы из-за неправильных диагнозов. Он ориентировался по облакам.

Выходя из дома, он первым делом смотрел вверх. «Фердинанд, – сообщал он мне, – сегодня точно разыграется ревматизм! Ставлю сто су!..» Он говорил все это в небо и никогда сильно не ошибался, потому что досконально знал все о температуре и темпераментах.

– А! Вот внезапная сильная жара после холода! Запомни! Понадобится каломель⁷, можно сразу сказать! Желтуха уже витает в воздухе! Погода меняется!.. Ветер дует с запада! Дождь холодный капает!.. Бронхит в течение пятнадцати дней! Не стоит особенно волноваться, пусть они сами лезут вон из кожи! Если бы это было в моей власти, я выписывал бы рецепты, лежа в кровати!.. По сути дела, Фердинанд, когда они приходят, начинается сплошная болтовня!.. Тем, кто на этом делает деньги, это прощительно... но нам... Врачу не врачу!.. Знаешь, с чем это рифмуется?.. Я бы лечил их не глядя, этих придурков! Прямо отсюда! Они не будут задыхаться ни больше, ни меньше! Они не будут больше блевать, не будут менее желтыми, менее красными, менее бледными, менее скотоподобными... Такова жизнь!..

По правде говоря, Гюстен был абсолютно прав.

– Ты думаешь, что они больны?.. Они стонут... они рыгают... они хромают... они покрываются гнойными прыщами... Ты хочешь очистить свою приемную? Моментально? Даже от тех, которые хрипят от удушья?.. Предложи им бесплатное кино!.. аперитив!.. Увидишь, сколько их тогда останется... Они цепляются к тебе только от скуки. Ведь никого из них ты не увидишь перед праздниками... Несчастливым, запомни мои слова, не хватает занятий, а не здоровья... Все, что они хотят, – это чтоб ты их развлекал, возбуждал, интересовался их отрывками, газами... похрустыванием в костях... чтобы ты обнаружил у них лихорадку, изжогу... урчание и бульканье... что-то небывалое!.. Чтобы ты прогнулся перед ними... жаждал им помочь!.. Для этого тебе дали диплом... Забавляться со своей смертью и самому ее приближать – таков Человек, Фердинанд! Они сами пестуют свой триппер, свои сифилитические язвы, все свои опухоли. Они им нужны! А то, что у них протекает мочевого пузыря и жжение в заднепроходном отверстии, не имеет значения! Но если ты хлопочешь о них, если ты сможешь их

⁷ Каломель – хлористая ртуть, в медицине применяется как желчегонное и противомикробное средство.

заинтриговать, они будут ждать тебя и перед самой смертью – вот заслуженная благодарность! Они не отвяжутся от тебя до конца.

Когда снова начал лить дождь на трубы электростанции, он мне объявлял: «Фердинанд, вот и ишиас!.. Если их сегодня придет меньше десяти, я готов сдать свой диплом!» Когда же на нас с Запада налетала сажа, с самого сухого склона над печами Битронель, он растирал сажу на носу: «Я согласен, чтобы меня выебли в жопу! ты слышишь? если сегодня ночью все плевротики не будут харкать кровью! Черт побери!.. Меня еще двадцать раз разбудят!..»

Вечером он действовал просто. Он залезал на лесенку перед огромным шкафом. Происходила совершенно бесплатная и далеко не торжественная раздача лекарств...

– Сердечко пошаливает? Эй ты, оглобля? – спрашивал он у бесцветного существа. – Да нет вроде!.. – У вас нет жжений? А несварение?.. – Да! немного... – Тогда принимайте это, я думаю... На два литра воды... Это принесет вам огромное облегчение!.. А связки? Не болят?.. У вас нет геморроя? А как стул?.. В порядке?.. Вот свечи Пепе... Глисты тоже? Заметили?.. Вот двадцать пять чудесных капель... И в постель!..

Он предлагал на выбор все свои полки... Там были средства от всех расстройств, любых диатезов и маний... Больной, как правило, ужасно жаден. Стоит бросить ему в кулечек любую гадость, и он не попросит больше ничего, он хочет только смыться и очень боится, чтобы о нем не вспомнили.

Еще замечательней были консультации, которые проводил Гюстен. Он ограничивал их десятью минутами, тогда как они могли бы длиться два часа, если бы велись по всем правилам. Но мне не надо было учиться сокращать. У меня была своя отработанная система.

Я хотел поговорить с ним именно о моей Легенде. Ее начало нашлось под кроватью Мирей. Я очень разочаровался, когда прочел его. Моя поэма ничего не выиграла с течением времени. После годов забвения все это выглядело как прошедший праздник, плод большого воображения... У Гюстена обо всем было свое собственное мнение.

– Гюстен, – сказал я ему, – ты не всегда был так туп, как сейчас. Тебя задавили обстоятельства, работа, нереализованные желания, губительные наставления... Можешь ли ты хоть на мгновение возродить в себе поэзию?.. Ощутить небольшой подъем в сердце или хотя бы в члене? Чтобы выслушать феерическую, немного трагическую, но возвышенную... эпопею?.. Ты способен на это?..

Гюстен продолжал дремать на своей скамеечке перед лекарствами в широко распахнутом шкафу... Он и слова не вымолвил... он не хотел меня прерывать.

– Речь идет, как я уже говорил, о Гвендоре Великолепном, Принце Христиании... Начнем... Он испускает дух... в этот самый миг, когда я с тобой разговариваю... Кровь течет из двадцати ран... Армия Гвендора только что потерпела сокрушительное поражение... Сам король Крогольд отыскал Гвендора во время боя... Он разрубил его пополам... Крогольд не чистоплюй... Он сам вершит правосудие... Гвендор его предал... Смерть надвигается на Гвендора, и его конец близок... Послушай немного!

«Шум битвы стих вместе с последними проблесками дня... Вдали скрылись полки короля Крогольда... Тьму пронизывают хрипы огромной агонизирующей армии... Победители и побежденные как могут прощаются с жизнью... Тишина постепенно подавляет крики и хрипение, которые становятся все слабее и реже...»

Погребенный под кучей соратников, Гвендор Великолепный еще истекает кровью... На рассвете перед ним предстает Смерть.

– Ты понял, Гвендор?

– Я понял, о Смерть! Я понял уже в начале этого дня!.. Я почувствовал в моем сердце, и в моих руках, и в глазах моих друзей, даже в походке моей лошади грустное и медленное очарование сна... Моя звезда угасла в твоих ледяных руках... Все исчезает! О Смерть! Столько

угрызений совести! Я чувствую стыд!.. Посмотри на этих несчастных!.. Тишина вечности не может его облегчить!..

– В этом мире нет облегчения, Гвендор! Нигде, только в сказках! Все царства заканчиваются сном!..

– О Смерть! Дай мне немного времени... день или два! Я хочу знать, кто меня предал...

– Все предают, Гвендор... Страсти не принадлежат никому, особенно любовь, это лишь цветок жизни в саду молодости.

И Смерть совсем бесшумно забирает принца... Он не сопротивляется. Он сделался невесомым... А потом прекрасный сон овладевает его душой... Сон, который он часто видел, когда был маленьким, в меховой колыбели, в комнате для Наследников, около своей моравской кормилицы, в замке короля Рене...»

У Гюстена руки свисали между колен...

– Разве это не прекрасно? – спросил я его.

Он был осторожен. Не хотел снова становиться молодым. Он защищался. Необходимо, чтобы я ему еще раз изложил... Все «почему?». И все «как?». Это не так легко... Это хрупко, как бабочка. Вдруг рассыпается, пачкает вас. Что толку? Я не настаивал.

* * *

Чтобы завершить мою Легенду, я мог бы обратиться к людям утонченным... которым знакомы чувства... тысячи различных оттенков любви...

Я предпочитаю выпутываться сам.

Часто утонченными становятся люди, не способные получить удовлетворение. Им приходится прибегать к самобичеванию. Подобное никогда не проходит даром. Я опишу вам замок короля Крогольда:

«...Восхитительный монстр в гуще леса, затаившаяся, подавляющая, высеченная в скале громада... окаменевший водопад... колонны, истерзанные фризами и уступами... разные башни... Издалека, от самого моря... вершины деревьев волнуются и разбиваются о стены замка...

Часовой, которого заставляет тарашить глаза страх быть повешенным... Еще выше... На самом вершине... На вершине Моранда, на Башне Королевской Казны, под порывами ветра трепещет стяг... На нем королевский герб. Перерубленная у шеи кровотокающая змея! Горе предателям! Гвендор испускает дух!..»

Гюстен не мог выдержать больше. Он спал... Он даже похрапывал. Я сам закрыл его завешивание. Я сказал ему: «Пошли! Прогуляйся вдоль Сены!.. Тебе будет лучше...» Он предпочитал не двигаться... Я настаиваю, и он наконец соглашается. Я предлагаю ему пойти в маленькое кафе на другом конце Собачьего Острова... Там, несмотря на кофе, он тоже засыпает. И правильно, около четырех часов самое время поспать в бистро... В эмалированной вазе торчат три искусственных цветка. Все заботы оставлены на набережной. Даже старый пьяница у стойки примирился с тем, что хозяйка больше его не слушает. Я оставляю в покое Гюстена. Первый же буксир его, конечно, разбудит. Кот оставил свою даму и пришел поточить когти.

Когда Гюстен спит, он выворачивает руки ладонями вверх, и можно легко определить его будущее. Здесь есть решительность и твердость. У Гюстена наиболее сильна линия жизни. У меня, пожалуй, сильнее линия удачи и судьбы. Для меня осталась неясна продолжительность моей жизни... Я спрашиваю себя, когда это будет? У самого основания моего мизинца – бороздка... Может быть, маленькая артерия разорвется в мозгу? На изгибе Роландовой извилины?.. В складочке третьей доли?.. Мы с Метипуа часто рассматривали в морге это место... Это слегка шокирует... Небольшое отверстие, как след от булавочного укола, в серых бороздах... Через него вышла душа, фенол и все остальное. А может, это будет, увы, неофунгозное

образование в прямой кишке... Я бы много дал за маленькую артерию... Что вам больше нравится?.. Метипуа был настоящим знатоком, мы провели с ним много выходных, рассматривая борозды... определяя причины смерти... Это воодушевляло старика... Он хотел немного помечтать. Он явно отдавал предпочтение внезапному славному разрыву двух сердечных желудочков, когда пробьет его час... Он был слишком избалован!..

«Самая восхитительная смерть, запомните это хорошенько, Фердинанд, это та, что поражает нас в наиболее чувствительных тканях...» Он говорил жеманно, изысканно, тонко, этот Метипуа, как люди времен Шарко⁸. Ему очень пригодилось исследование Роландовой извилины, третьей доли и серого вещества... Он умер в конце концов от сердца, при далеко не славных обстоятельствах... от приступа грудной жабы, криз продолжался двадцать минут. Он хорошо держался сто двадцать секунд, одолеваемый своими классическими воспоминаниями, намерениями, примером Цезаря... но восемнадцать минут он вопил, как хорек... Что ему вырывают диафрагму... Что ему в аорту вставляют десять тысяч бритвенных лезвий... Он пытался нам их выблевать... Это были не шутки. Он ползал по залу... Он разрывал себе грудь... Он скулил в ковер... Несмотря на морфий. Скулеж и вопли разносились по этажам и были слышны даже на улице... Он кончился под роялем. Когда маленькие артерии миокарда разрываются одна за другой, получается необыкновенная арфа... К несчастью, от грудной жабы не оправляются. А то на всех хватило бы мудрости и вновь обретенных познаний.

Нужно было кончать с размышлениями, приближалось время венерических. Они приходили в Пурнев, на той стороне Гаренны. Мы отправлялись туда вдвоем. Как я и предполагал, загудел буксир. Пора было идти. Обычно венерические очень изобретательны. В ожидании уколов больные гонореей и сифилитики делились своими познаниями. Сначала смущенно, потом с удовольствием. Как только зимой становилось темно, они сразу же собирались около скотобойни в конце улицы. Эти больные всегда очень нетерпеливы, они боятся, что больше не смогут, что у них не будет семьи. Когда мамаша Витрув пришла ко мне, она это сразу усекла... Подхватив свой первый триппер, эти милые молодые люди становятся очень грустными и огорченными. Она ждала их у выхода... Она играла на их чувствах... на их трогательном одиночестве... «У тебя очень сильно жжет, мой маленький?.. Я знаю, что это... я лечила... Я знаю удивительное средство... Пойдем ко мне, я тебе сделаю...» Еще две или три чашки кофе с молоком, и юнец давал ей отсосать. Однажды вечером у стены произошел скандал: один араб, возбужденный, как осел, трахал маленького кондитера, как раз около будки полицейского. Этот легавый, привыкший к детишкам, все слышал: шепот, жалобы и, наконец, вопли... Паренек бился, его держали четверо... Он все же вырвался и бросился в вонючую конуру, чтобы его защитили от этих мерзавцев. Тогда тот закрыл дверь. «Он дал себя кончить! Это точно!» – уверяла Витрувиха, комментируя происшедшее.

«Я видела легаша через жалюзи! Они там поймали кайф вдвоем! Что большой, что маленький – один черт!..»

Она не верила в чувства. Она судила заземленно и была близка к истине. Чтобы попасть в Пурнев, мы должны были сесть на автобус. «У тебя есть еще пять минут!» – сообщил мне Гюстен. Он совсем не спешил. Мы уселись на скамейку у перил моста.

Именно на этой набережной в доме № 18 мои добрые родители влачили унылое существование зимой девяносто второго года, что отбрасывает нас далеко в прошлое.

Тогда еще существовал магазин «Шляпы, цветы и перья». В витрине красовались всего три модели, мне об этом часто рассказывали. В том году Сена замерзла. А я родился в мае. Я

⁸ Невропатолог Жан-Мартен Шарко (1825–1893) возглавлял медицинский факультет парижского университета. Один из его учеников, известный писатель Леон Доде, хорошо знавший Селина, уделяет ему значительное место в своих мемуарах. Вот как он описывает консультации Шарко: «Внезапно им овладевает рассеянность, он рассказывает вам о похожем случае, цитирует строки Расина, Мольера, своего любимого Шекспира, вспоминает картину Хальса или Веласкеса, и весь этот живописный спектакль навсегда врезается в вашу память».

– это весна. Пусть это неизбежно, но так тяжело стареть, видеть, как изменяются дома, трамваи, люди и их головные уборы. Короткое платье или шляпка колоколом, колесный парход, аэроплан в небе – всегда одно и то же! Заставляет вас расчувствоваться. Я не хочу больше меняться. Я мог бы пожаловаться на многое, но я уже свыкся со всем, я грущу и люблю себя так же, как и гниением Сены. Тот же, кто заменит загнутый крючком фонарь на углу у двенадцатого номера, доставит мне большое огорчение. Все тленно – это факт, но мы уже достаточно «растлились» для нашего возраста.

Вот баржи... У каждой есть сердце. Оно бьется в полную силу, большое и тяжелое, в темном отзвуке арок моста. Этого достаточно, я раскисаю. Я уже не жалею. Но не надо больше меня трогать. А в этом гнусном мире не стоит никогда слишком сильно вдохновляться, иначе можно умереть от перебора с поэзией. В каком-то смысле это было бы даже удобно. В отношении соблазнов и самых незначительных увлечений Гюстен придерживался моего мнения, только для достижения полного забвения он предпочитал выпивку. Пусть... В его галльских усах всегда оставалось немного браги и горечи...

Лечение венерических в основном заключалось в линиях, которые мы постепенно вычерчивали на большом листе бумаги... Этого было достаточно. Красная полоса: свежак... Зеленая: ртуть!.. И поехали! Навык довершал остальное... никаких проблем... Оставалось только колоть приправу в ягодицы, в сгибы рук... Для придурков это было как бальзам... Зеленый!.. Рука!.. Желтый!.. Ягодицы!.. Красный!.. два раза ягодицы!.. Ни черта не получилось! Опять в ягодицу! Висмут! Блядь! Вена течет! Черт!.. Жопа!.. Тампон!.. Не сбиться с ритма. Дежурства и снова дежурства... Очередям не видно конца... Обвисшие члены! На любой вкус! Головки в каплях! Сочащиеся! Гноящиеся! Плотное накрахмаленное белье, жесткий картон! Гонорея! Вперед! Королева мира! Задница ее трон! Греет летом и зимой!

Холодно только тому, кто сперва осторожничает! А потом доверяется тысячам блядских способов, чтобы влипнуть еще сильнее! Больше!.. Ведь Жульена в этом ничего не смыслит... Не возвращаться... Солгать нам! Вопя от радости... В мочеиспускательном канале иглы! Растянутая мотня! Член в рот! Впереди дырка!

Вот «История болезни-34», служащий в черном пенсне, застенчивый маленький хитрец, он специально ловит свою спирохету каждые шесть месяцев в публичном доме, чтобы искупить грехи собственным членом... он наполняет бритвенными лезвиями мочевые пузыри своих случайных знакомых, найденных им по объявлению в газете... «Она сама хотела!» – как он любит говорить... Этот «34» – огромный микроб! Он написал в нашем сортире: «Я гроза влагилиц!.. Я трахнул в задницу свою старшую сестру... Я был женат 12 раз!» Это пациент спокойный и не тяжелый, и он всегда счастлив, когда возвращается к нам.

Для нашего брата это просто подарок, во всяком случае, гораздо легче, чем делать железнодорожную насыпь.

Когда мы приехали в Пурнев, Гюстен выдал мне: «Скажи все же, Фердинанд... пока я спал, не пытайся мне врать... ты рассматривал линии на моей руке... Что же ты увидел?»

Я отлично знал, что его беспокоит печень, уже давно чувствительный выступающий край, и ужасные кошмары по ночам... У него начинался цирроз...

Часто по утрам я слышал, как его рвет в раковину... Я старался внушить ему, что для волнений нет причин. Помочь ему уже было нельзя. Важно, чтобы он не бросал работу.

В Жонксон он почти сразу получил место в Бюро Благотворительности. После окончания учебы, благодаря небольшому аборт, иначе не скажешь, сделанному близкой подруге муниципального советника, бывшего в то время большим консерватором... Там он и пристроился, этот Гюстен, как крыса в норке. Все шло прекрасно. Его рука еще не дрожала. В следующий раз это случилось с женой мэра. Опять успех!.. В благодарность его назначили врачом для бедных.

Сначала в этой должности он понравился, причем всем. А потом, в один прекрасный момент, он перестал нравиться... Им надоела его рожа и его манеры... Они не могли больше его выносить. Тогда в ход было пущено все... Они доставляли ему неприятности. В свое время все прикладывались к его склянкам; теперь же его обвиняли практически во всем: что у него грязные руки, что он ошибается в дозах, что он не знает ядов... Что, наконец, у него пахнет изо рта... Что у него ботинки на пуговицах... Только когда его затравили до такой степени, что ему стыдно было выйти, и несколько раз повторили, что из него могут сделать мокрое место, все вдруг изменили мнение, его стали терпеть, без какого бы то ни было повода, только потому, что устали считать его таким противным и ленивым...

Вся мерзость, похоть, короста округа проходила перед ним. Он чувствовал желчную злобу канцелярских крыс из своей конторы. Утренняя изжога 14 000 алкоголиков этого округа, мокрота, изнурительные задержки мочи, которые не удавалось прекратить у 6422 больных гонореей, разрывы яичников у 4376 климактеричек, любопытствующая тоска 2266 гипертоников, непримиримое презрение 722 желчных, страдающих мигренями, подозрительное упорство 47 носителей солитеров, потом 352 мамы аскаридных детей, беспокойная орда, сброд мазохистов с разными причудами. Экземные, белковые, сахаристые, зловонные, трясущиеся, вагинозные, бесполезные, «слишком», «недостаточно», страдающие запорами, поносами, кающиеся, вся грязь, весь мир в восприятии подонков выплеснулся ему прямо в лицо и маячил перед его пенсне тридцать лет, день и ночь.

В Жонксон он влачил такое же жалкое существование, прямо над рентгеновским кабинетом. Там, в доме из обтесанного камня, у него были три комнаты, без перегородок, как и по сей день. Чтобы защищаться от жизни, нужны были плотины в десять раз выше Панамской и маленькие невидимые шлюзы. Он жил там со времен Большой Выставки, с прекрасных дней Аржантейля.

Теперь большие «билдинги» стоят вокруг этого учреждения.

Время от времени Гюстен еще пытался отвлечься... Он приглашал какую-нибудь девочку, но это случалось не часто. Как только появлялось чувство, к нему возвращалось его великое разочарование. После третьей встречи... Он предпочитал напиваться... На другой стороне улицы было бистро: зеленый фасад, по воскресеньям банджо, жареный картофель, хозяйка его прекрасно готовила. Спирт сжигал Гюстена, а я даже не пытался пить с тех пор, как у меня начало гудеть в ушах днем и ночью. Это убивает меня, вид у меня становится как у чумного. Иногда Гюстен меня осматривает. Он не говорит мне того, что думает. Это единственная запретная тема. Надо сказать, у меня тоже не все в порядке. Он знает об этом и старается меня подбодрить: «Валяй, Фердинанд, почитай мне эту, как бишь ее! читай, только не слишком быстро! Не жестикулируй. Это тебя утомляет, а на меня напускает туману...»

«Король Крогольд, его витязи, его брат Архиепископ, духовенство, весь двор после битвы отправились под сень шатра посреди бивака. Тяжелый золотой полумесяц, дар Халифа, не был обнаружен на месте во время передышки... Он венчал королевский балдахин. Капитан каравана, ответственный, был нещадно бит. Король ложится, он хочет уснуть... Он еще страдает от ран. Он не спит. Сон не идет к нему... Он ругает храпящих. Встает. Перешагивает, потирает руки, выходит... Снаружи так холодно, что он ежится. Хромает, но все же идет. Длинная цепь повозок окружает лагерь. Стража уснула. Крогольд идет вдоль защитных рвов... Он говорит сам с собой, спотыкается, опять восстанавливает равновесие. В глубине рва что-то блеснуло, огромное мерцающее лезвие... Там мужчина, который держит в руках переливающийся предмет. Крогольд бросается на него, опрокидывает, скручивает его (это солдат), перерезает ему горло, как свинье, своим коротким ножом... „Хо! Хо!“ – кудахчет вор через дыру. Он весь обмяк. Конечно. Король наклоняется, подбирает полумесяц Халифа. Он снова поднимается на край рва. Он засыпает там, в тумане... Вор наказан».

* * *

Ко времени кризиса мне угрожало увольнение из диспансера. Еще и из-за сплетен.

Я был предупрежден об этом через Люси Керибен, которая устроилась модисткой на бульваре Монконтур. У нее было огромное количество знакомых. Которые много сплетничали. Она приносила мне очень мерзкие сплетни. До такой степени отвратительные, что могли исходить только от Мирей... Я не ошибался... Ясно, откровенная клевета... Говорили о том, что я устраиваю пьяные оргии с клиентами из квартала. В общем, кошмар... Люси Керибен втайне была довольна, что я немного подмочил свою репутацию... Она была завистлива.

Итак, я жду Мирей, я притаился в тупике Вивиан, она обязательно там пройдет. Я не скопил еще достаточно денег, чтобы позволить себе быть писателем... Я мог впасть в нищету. Мои дела были плохи. Я вижу, как она идет... подходит. Я отпускаю ей такой пинок под зад, что она слетает с тротуара. Она сразу же поняла меня, но это не заставило ее говорить. Она просто собиралась встретиться со своей теткой. Она не хотела сознаваться, падаль. Ни в чем.

Больше всего меня волновало, зачем распространяются эти небылицы. И на следующий день я решил во всем разобраться.

Грубость ничего не давала. Особенно с Мирей, она становилась только еще более подлой, ей хотелось замуж. За меня или все равно за кого. Ей уже надоели заводы. К шестнадцати годам она успела побывать на семи в Западном пригороде.

«С меня хватит!» – говорила она. На «Хэппи Сьюс», на заводе английских конфет, она накрыла директора, когда его пердолил подмастерье. Ах! Славный завод! В течение шести месяцев она бросала всехдохлых крыс в большой чан с глазурью. В Сент-Уэне баба – главный мастер – взяла ее в оборот и приставала к ней в туалетах. Они вылетели оттуда вместе.

Капитализм и его законы – Мирей поняла их, когда у нее еще не начались месячные. В лагере в Марти-на-Уазе были мастурбации, свежий воздух и красивые речи. Она хорошо развилась. Каждый год в День федератов, воздавая почести Благотворительному обществу, именно она потрясала Лениным на конце длинного шеста от Куртин до Пер-Лашез. Легавые не могли прийти в себя, такая она была крутая! Ее великолепная задница поднимала за собой бульвар не хуже, чем «Интернационал»!

На танцульках, которые она посещала, «коты» даже не отдавали себе отчета в том, что у них в руках. Эта малолетка уже питала недоверие к «нравственности». В настоящий момент она гуляла с Робером, Жеженом и Гастоном. Но эти мальчишки были обречены. Она бы с удовольствием отделалась от них.

С Витрувихой и ее племянницей приходилось быть готовым к чему угодно, старуха знала слишком много, чтобы однажды этим не воспользоваться.

Я давал ей деньги, но крошка хотела больше, она хотела все. Если я начинал говорить с ней нежно, ее это настораживало. Я повезу ее в Лес⁹, говорил я себе. Она затаила злобу против меня. Нужно ее заинтриговать. В Лесу у меня были свои планы, я расскажу ей занятную историю, польщу ее тщеславию.

«Спроси у своей тетки, – говорю я ей... – Ты вернешься до полуночи... Жди меня в кафе „Бизанс“!»

И вот мы отправились вдвоем. Когда мы прошли Порт-Дофин, ее физиономия засветилась от удовольствия. Она любила богатые кварталы. Клопы в отеле «Меридьен» ужасали ее. Когда она снимала рубашку, оставаясь где-нибудь на ночь, ей было стыдно за следы укусов. Такие, как она, знали, каковы волдыри от клопов... Они все хорошо разбирались в разных

⁹ Лес – имеется в виду Булонский лес, большой парк на западной окраине Парижа. Там расположены ипподромы Лонгшам и Отей, парки Багатель и Пре-Катлян, Ботанический сад.

дезинфицирующих средствах для прижиганий... Мечтой Мирей была комната без паразитов. Если бы она сейчас смылась, тетка бы снова ее впутала. Тетка рассчитывала, что та будет ее кормить, но я знал, что у нее уже есть «котик», который тоже претендует на это, Бэбер из Валь де Грас. Он кончил на кокаине. Он читал «Путешествие»...

Когда мы подошли к «Каскаду», я начал излияния...

«Я знаю, что у тебя есть почтовый служащий, который берет за плетку каждый раз, когда...»

Поначалу она была довольна, кокетничала со мной и откровенничала. Она рассказала мне все. Но когда мы добрались до Катлан, она не осмелилась идти вперед, темнота пугала ее. Она думала, что я позвал ее, чтобы в Лесу отомстить. Она ощупала мой карман, чтобы узнать, не взял ли я револьвер. У меня ничего не было. Она щупала мой член. Сославшись на проходящие автомашины, я предложил ей поехать на Остров, где можно было побеседовать спокойно. Она была настоящей шлюхой, ей трудно было получить наслаждение, а опасность ее завораживала. Гребцы на борту действовали беспорядочно, все время запутывались в ветках, ругались, падали, сбивали свои маленькие фонарики.

– Послушай, как утки в воде задыхаются от мочи!

– Мирей, – сказал я ей, едва мы уселись, – я знаю, ты сильна врать... правда тебя не волнует...

– Ну уж, – ответила она, – если бы я повторяла хоть четверть того, что слышу!..

– Хорошо, – остановил я ее, – я чувствую к тебе сострадание и даже симпатию... Не из-за твоего тела... не из-за твоего носа... Только твое воображение привлекает меня к тебе... Я вуайер! Ты будешь мне рассказывать разные гадости... Я посвящу тебе часть прекрасной Легенды... Хочешь, подпишемся вместе?.. Фифти-фифти? Ты заработаешь!..

Она любила разговоры о деньгах... Я рассказал ей, в чем дело... Я гарантировал ей, что кругом будут принцессы и настоящие бархатные шлейфы... и сплошь расшитые подкладки... меха и драгоценности... Столько, что их перестаешь замечать... Мы прекрасно договорились обо всех мелочах и украшениях, и даже о костюмах. И наконец, началась наша история.

«Мы находимся в Бредонне, в Вандее... Пора Турниров...»

Город готовится к приему... Вот галантные маски... Вот нагие борцы... скоморохи... Их тележка проезжает, рассекает толпу... Вот жарятся блинчики... Группа рыцарей, облаченных в доспехи из дамасской стали... они приехали издалека... с Юга... с Севера... бросают друг другу мужественные вызовы...

Вот Тибальд Злой, трувер, он подходит к воротам города на закате дня, тащится по тропинке. Он доведен до изнеможения. Он прибыл в Бредонн искать убежища и крова... Он приехал к Жоаду, угрюмому сыну прокурора. Он собирается напомнить ему грязную историю, убийство лучника в Париже, у моста Менял, когда они были еще студентами...

Тибальд приближается... На переправе Сен-Женевьев он отказывается заплатить десятую часть франка и дерется с паромщиком... Прибегают лучники... валят его на землю... волокут. И вот его, со связанными руками, разъяренного, в лохмотьях, тащат к Прокурору. В бешенстве он отбивается, выкрикивает ему в лицо эту мерзкую историю...»

Мирей понравился стиль, она хотела еще что-нибудь добавить. Уже давно мы так хорошо не понимали друг друга. Наконец пришло время возвращаться.

В аллеях Багатель¹⁰ гуляло лишь несколько парочек. Мирей была довольна. Ей захотелось понаблюдать за ними. Забыв про мою замечательную Легенду, она пустилась в рассуждения о том, всегда ли женщины согласны удовлетворить друг друга... Например, если бы Мирей захотелось поразвлечься со своими приятельницами?.. трахнуть их?.. особенно малень-

¹⁰ Багатель – см. примеч. выше.

ких, хрупких, настоящих газелей?.. Мирей, которая, как атлет, покачивала при ходьбе плечами и тазом...

«Да у них, кажется, искусственные члены! Да они ж ради этого хотят, чтобы мы посмотрели! Вблизи, как они кончают! А вдруг это их еще больше заведет? Чтоб их вывернуло! Чтобы они там себе все разорвали, суки! Умылись собственной кровью! Захлебнулись собственным скотством!..»

Она прекрасно знала весь этот сказочный мир, Мирей, моя крошка! Она развлекалась, как могла... Внезапно я сказал ей: «Если ты расскажешь об этом в Ранси... я заставлю тебя съесть твои туфли!..» И схватил ее за горло под газовым фонарем... У нее уже был торжествующий вид. Я чувствую, она разнесет повсюду, что я веду себя как вампир!.. В Булонском лесу! Меня душит ярость... Подумать только, опять я оказался в дураках! Я отвечаю ей несколько оплеух... Она хихикает, она меня не боится.

Из леса, из кустов, отовсюду появляются люди, чтобы посмотреть на нас, по двое, по трое, целыми группами. Мужчины держат свои хреновины в руках, юбки у дам задраны спереди и сзади. Наглые, насмешливые, бесцеремонные...

«Давай, Фердинанд!» – подбадривают они меня. Ужасный шум. Он доносится из леса. «Отделай как следует эту шлюху! Ее все равно ничем не прошибешь!» Ободряющие крики вынуждают меня быть грубым.

Мирей удирает, испуская пронзительные вопли. Тогда я догоняю ее, я стараюсь изо всех сил... Я пинаю ее ногами под зад. Звуки получаются тяжелые и глухие. К развратникам присоединяются новые, они толпятся сзади и спереди...

Они заняли все лужайки, их уже тысячи в аллее. И все время из темноты появляются новые... Все платья изорваны... сиськи трясутся... отрываются... маленькие мальчики без штанов... Кувыркаются, прыгают, подсакивают на лету... Некоторые повисают на деревьях... зацепившись задом... Старая карга, англичанка, таращится на меня из своего автомобильчика... Никогда ни у кого я не видел таких счастливых глаз... «Ура! Ура! Славный мальчик! – кричит она мне в радостном порыве. – Ура! Ты проткнешь ей матку! Люди окажутся среди звезд! Ты выпустишь из нее вечность! Да здравствует Христианская наука!»

Я прибавляю шагу. Я обгоняю ее машину. Я отдаю все силы, истекаю потом! В спешке я продолжаю думать о своей работе... Точно, я ее потеряю. Дрожь проходит у меня по коже при мысли об этом: «Мирей! Пощади! Я обожаю тебя! Подождешь ли ты меня, грязная тварь? Поверишь ли мне?»

Когда мы прибываем к Триумфальной арке, толпа начинает бег по кругу. Вся орда преследует Мирей. Везде уже полно мертвецов. Некоторые вырывают у себя органы. Англичанка одной рукой крутит над головой автомобиль! Ура! Ура! Она сбивает им автобус. Три ряда вооруженных солдат преграждают движение. Так нас торжественно встречают. Платье слетает с Мирей. Старая англичанка прыгает на нее, вцепляется в грудь, брызги, все течет, все в красном. Все валятся, барахтаются, задыхаются. Всеобщее беснование.

Пламя из-под Арки поднимается и поднимается, отрывается, рассекает звезды, рассыпается по небу... Везде пахнет копченой ветчиной... Вот и Мирей, она говорит мне на ухо: «Фердинанд, дорогой, я люблю тебя!.. Мы договоримся, у тебя так много идей!»

Падает огненный дождь, все хватают огромные огненные куски... Запихивают себе в ширинки, они трещат, клубятся. Дамы украшают себя огненными букетами... Все засыпают, свалившись друг на друга.

25 000 агентов очистили площадь Конкорд. Там больше никто не валяется. Невыносимое жжение. Дым. Это ад.

* * *

Моя мать и мадам Витрув волнуются, ходят взад-вперед по комнате в ожидании, когда у меня спадет жар. Меня привезла машина «скорой помощи». Я лежал на решетке проспекта Мак-Магон. Меня заметили полицейские на роликах.

Даже когда нет жара, у меня постоянно до такой степени гудит в ушах, что я уже готов ко всему. Это у меня с войны. Безумие преследовало меня все двадцать два года. Оно заигрывало со мной, испробовало пятнадцать тысяч шумов, ужасный гвалт, но я неистовствовал больше, чем оно, я не сдавался и опередил его у финиша. Вот! Я победил его и заставил оставить меня. Но настоящий мой враг – это музыка. Она застряла и гниет в глубине моего котелка... Не прекращая агонизировать... Она глушит меня звуками тромбона, защищается день и ночь. Все шумы природы, звуки ниагарской флейты... Я прогуливаюсь по барабану и горе тромбонистов... Целыми днями я играю на треугольнике... Мой горн вселяет в меня отвагу. У меня есть целый вольер, и в нем 3527 маленьких птичек, которые постоянно щебечут... Я – орган Вселенной... Мне уже не принадлежат плоть, рассудок и дыхание... Часто у меня бывает изнуренный вид. Мысли спотыкаются и валятся. Я не могу с ними справиться. Я сочиняю Оперу Потопа. Падают занавес, полуночный поезд подходит к вокзалу... Стекло крыша наверху разбивается вдребезги и рушится... Пар вырывается через двадцать четыре клапана... рычаги подскакивают вверх... В открытых настежь вагонах триста пьяных музыкантов сотрясают воздух всеми сорока пятью аккордами...

Уже двадцать два года каждый вечер он хочет увезти меня... ровно в полночь... Но я тоже умею защищаться... при помощи двенадцати целомудренных симфоний для кимвалов, двух соловьиных водопадов... целого стада тюленей, которых жарят на медленном огне... Вот занятие для холостяка... Нечего сказать. Это моя тайная жизнь. О ней никто не знает.

Я все это говорю, чтобы объяснить, что в Булонском лесу у меня случился небольшой приступ. Я часто произвожу много шума, когда разговариваю. Я говорю слишком громко. Мне делают знак говорить потише. Я сбиваюсь... Мне надо делать над собой страшные усилия, чтобы обращать внимание на знакомых. Я бы совсем забыл о них. Я слишком занят. Иногда меня рвет на улице. Тогда все прекращается. Наступает временное успокоение. Но стены снова начинают качаться, а машины пятиться. Я дрожу вместе со всей землей. Я молчу об этом... Жизнь продолжается. Когда я попаду к Господу Богу, я проткну ему ухо, внутреннее, я уже решил. Я хотел бы посмотреть, как это ему понравится. Я – начальник дьявольского вокзала. В день, когда меня там не станет, увидите, поезд сойдет с рельсов. Месье Бизонд, бандажист, для которого я изготавливаю разную «мелочь», заметит, что я стал еще бледнее. Он будет доволен.

Я думаю обо всем в своей кровати, в то время как моя мать и Витрув бродят рядом.

Ворота в ад, находящиеся в ухе, – это маленький ничтожный атом. Если его переместить хотя бы на волосок... если его сдвинуть только на микрон, если посмотреть через него насквозь, тогда – кончено! все! ты приговорен навсегда! Ты готов? Нет? А вы могли бы? Но просто так не издыхают! Нужно представить Даме прекрасный саван, вышитый историями. Последнее мгновение ко многому обязывает. Фильм «Конец концов»! Но посвящены далеко не все! Во что бы то ни стало надо готовиться! Что касается меня, то я скоро буду в состоянии... Я услышу, как мои часы издают последнее тиканье! неясное... потом бац! еще... Что-то затрясет в аорте... все выйдет из равновесия. Закончится. Они вскроют ее, чтобы убедиться... На покатоном столе... Они не увидят там ни моей красивой Легенды, ни моего свистка... Смерть заберет все... Да, мадам, скажу я ей, уж вы-то в этом разбираетесь!..

* * *

Даже когда я без сознания, я думаю о Мирей...

Я уверен, что она растреплет абсолютно все.

«Ах! что бы сказали в Жонксьон... Этот Фердинанд стал невыносим! Он едет в Лес, чтобы выпендриваться!.. (Хотя, возможно, это сказано слишком грубо.) Он тащит с собой эту Мирей!.. Он развращает всех девушек!.. Мы пожалуемся в мэрию!.. Он запятнал свою должность! Это насильник и бунтарь!..»

Уж такой, какой есть! Когда я представил себе эти бредни, я просто закипел в своей постели, я стал мокрым, как жаба... Я задышался... извивался... Начал метаться... Разбросал одеяла... Я обнаружил в себе сволочную силу. Все же нас точно преследовали сатиры!.. Я чувствую, как отовсюду пахнет горелым! Огромная тень накрывает меня... Это шляпа Леонса... Шляпа профсоюзного активиста... Поля широкие, как велодром... Она должна потушить огонь... Это Пуатра Леонс! Я уверен в этом! Он всегда следит за мной... Этот парень преследует меня! Он заходит в префектуру чаще, чем надо... После шести часов... Он там усердствует, подстрекает подмастерьев, ратует за аборт... Я ему не нравлюсь... Я порчу ему настроение. Он ждет моего конца. Он сам это признает...

В клинике он работает бухгалтером... Еще он носит лавальер¹¹. Он вклинивается в мой сон вслед за своей шляпой... Мне кажется, что жар увеличился... Я сейчас взорвусь... Леонс Пуатра – ловкач, на собраниях он – стена... Когда союз организует очередной шантаж, он способен вопить целых два часа. Никто не заставит его замолчать... Если же его предложение отклоняют, он буквально вне себя от бешенства. Орет громче, чем полковой командир. Телосложением он напоминает шкаф. В бахвальстве и ебле ему нет равных, ибо он вынослив, как вол. Ему чертовски везет. Да. Он секретарь «Синдиката Кирпичей и Крыш» в Ванв ля Револьт. Избранный секретарь. Дружки гордятся Леонсом, он такой бесшабашный, такой крутой. Это сутенер высшего класса.

Однако, когда он бывает не в настроении, он завидует мне, моим идеям, моей одухотворенности, тому, что все меня называют «доктор». Он затаился в стороне среди своих дам... На что я решусь? Может, я наконец исчезну?.. Я его не устраиваю!.. Я ему осточертел... Но я все же останусь на земле!.. я превзойду самого себя!.. Я даже готов его поцеловать, если он сдохнет от этого!.. От инфекции!..

Этажом выше что-то бренчит... Доносится шум... Это артист дает уроки... Он тренируется... Он взволнован... он, должно быть, один... До!.. до!.. до!.. Никак не выходит!.. Си!.. си!.. Еще немного... Ми!.. Ми!.. Ре!.. Может, все уладится!.. А потом арпеджио налево!.. А потом направо... Слишком темпераментно... Си диез!.. Господи!

Из моего окна виден Париж... Он расстилается внизу... А потом начинает карабкаться вверх... к нам... к Монмартру... Крыши теснят друг друга, заостренные, вонзаются в небо, ранят, свет сочится, как кровь, улицы в голубом, красном, желтом... Потом, еще ниже – Сена, бледный туман... с тяжелым вздохом проходит буксир... Еще дальше – холмы... все сливается в одно... Ночь опускается на нас. Может, это моя старушка стучит в стену?

Мне надо взлететь, чтобы помочь ей подняться... Мамаша Беранж слишком стара, чтобы одолеть все этажи... Как же она сможет войти?.. Она тихонько проходит по комнате... Не касается земли... Даже не смотрит ни вправо, ни влево... Выходит из окна в пустоту... Вот она идет в темноте над домами... Уходит туда...

¹¹ Лавальер – галстук, завязанный большим бантом.

* * *

Ре!.. фа!.. соль диез!.. ми!.. Черт побери! Он никогда не закончит! Должно быть, это начинающий... Когда жар спадает, жизнь разбухает, как брюхо после бистро... Ты погружаешься в водоворот внутренностей. Я слышу, как моя мать на чем-то настаивает... Она рассказывает свою жизнь мадам Витрув... С самого начала, чтобы та поняла, как ей было со мной трудно!.. Транжир!.. Безответственный!.. Ленивый!.. Как я совсем не похож на своего отца... Он был таким щепетильным... таким трудолюбивым... достойным всяческих похвал... но таким неудачником... что скончался как-то зимой... Да... Она не рассказывает ей о тарелках, которые он разбивал о ее котелок... Нет! Ре, до, ми! ре бемоль!.. Теперь ученик пускается во все тяжкие... Он карабкается по двойным восьмым... Он повторяет за пальцами учителя... Его заносит... Ему не справиться... у него полные руки диезов... «Темп!» – ору я громко.

Моя мать не упоминает, как Огюст волочил ее за патлы по комнате за лавкой. Действительно, там было тесновато для дискуссий...

Обо всем этом она молчит... Мы погружены в поэзию... Правда, жили в тесноте, но страшно любили друг друга. Вот что она рассказывает. Отец просто обожал меня, он очень заботился о моем поведении... Волнения... мои рискованные авантюры, моя испорченность ускорили его смерть... Конечно, от огорчения... Ведь это отражалось на сердце!.. Трах! Вот как рассказывают сказки... Все это довольно верно, но опять дополнено кучей грязной, мерзкой лжи... Эти две шлюхи так оживляются, когда несут свою чушь, что перекрывают звуки пианино... Я могу блевать сколько захочу...

Витрувиха не отстаёт во вранье... она перечисляет свои жертвы... Мирей – вся ее жизнь!.. Я не все понимаю... Мне надо пойти в туалет, у меня рвотные позывы... Скорее всего, это малярия... Я привез ее из Конго... Меня пронесит со всех концов.

Когда я снова ложусь, моя мать вся в воспоминаниях о своей свадьбе... в Коломб... Когда Огюст занимался велосипедным спортом... Другая, не оставаясь в долгу... расплывается, как блин... и рассказывает, как она жертвует собой, чтобы спасти мою репутацию... у Линюси... Ах! Ах! Ах! Я приподнимаюсь... Я больше не могу... Я не в состоянии двинуться... Я наклоняюсь, чтобы меня вырвало на ту сторону кровати... Чем слушать этот бред, я предпочитаю погрузиться в свои собственные фантазии... Я вижу Тибальда-трувера... Ему всегда нужны деньги... Он убил отца Жоада... одним отцом будет меньше... Я вижу, как на потолке разворачиваются великолепные турниры... Вижу, как начинается танец... Вижу самого Короля Крогольда... Он прибыл с Севера... Он приглашен в Бредонн вместе со своим двором... Я вижу его дочь Ванду, белокурую, ослепительную... Мне хочется подрочить, но я слишком ослаб... Жоад мучительно влюблен... Такова жизнь!.. Мне опять надо туда... Вдруг меня рвет желчью... Я кричу от усилий... Даже мои старухи слышали... Они прибежали, стараются мне помочь. Я снова их выгоняю... В коридоре они опять начинают разглагольствовать. Увидев меня в таком жалком виде, они немного изменили стиль... Меня слегка хвалят... От меня многое зависит... Вдруг все переворачивается... Они увлекаются... Ведь это я зарабатываю деньги... Моя мать получает мало у месье Бизонда, известного бандажиста... этого бы не хватало... В ее возрасте трудно сохранить место. Это я помогаю мадам Витрув и ее племяннице разными хитроумными способами... Они вдруг почувствовали, чем рискуют... Пытаются выкрутиться...

«Он груб!.. сумасброд!.. Но он великодушен...». Это надо признать. Это уж точно. Ведь впереди плата и паек... Не надо слишком поливать его грязью. Они стараются успокоить себя. Моя мать – не какая-нибудь работница... Она повторяет это как молитву... Она лавочница... В нашей семье готовы удавиться ради чести лавки... Мы не какие-нибудь пьяницы-рабочие, у которых полно долгов... Ах! нет. Отнюдь!.. Не надо путать!.. Три жизни – моя, ее и особенно

моего отца были принесены в жертву. Никто не знает, чего это им стоило... Они выплатили все долги...

Сейчас моя мать изо всех сил старается вернуть смысл нашему существованию... Она вынуждена выдумывать... Наши жизни исчезли... наше прошлое тоже... Она постоянно изощрается... пытается все поднять... а потом все снова неизбежно разваливается!..

Она ужасно раздражается, стоит мне закашлять, потому что у моего отца была здоровенная грудная клетка и крепкие легкие... Я не могу больше ее видеть, она мне надоела! Она хочет, чтобы я бредил вместе с ней... Я плохой! Я приношу несчастья! Я в свою очередь тоже хочу избавиться от нее... До! ми! ля! ученик ушел... Маэстро развлекается... он весь в «Колыбельной»... Хорошо бы пришла Эмили... Она приходит по вечерам убирать у меня... Она почти не разговаривает... Я ее не заметил! Смотри-ка, она уже здесь!.. Она хочет, чтобы я выпил рому... Где-то орут пьяницы...

– Знаете, у него ужасный жар!.. Я очень обеспокоена! – говорит мама еще раз.

– Для больного он очень мил!.. – гнусит Витрувиха в свою очередь...

Мне было так жарко, что я дотащился до окна.

«По направлению к Звезде плывет мой прекрасный корабль...¹² он погружается в темноту... пока не обгонит ее... Его паруса наполнены... Он направляется прямо к Центральной больнице... Целый город стоит на Мосту, безмолвный... Я узнаю всех умерших... Я даже знаю того, кто за штурвалом... Я на „ты“ с лоцманом... Учитель понял... он играет мотив, который нам нужен... „Черный Джо“¹³... В плаваниях... Чтобы лучше почувствовать Время... Ветер... ложь... Если я открою окно, сразу станет холодно... Завтра я пойду и убью месье Бизонда, который дает нам подработать... этого банджиста в его лавке... Я хочу, чтобы он отправился в путешествие... Он никогда не выходит... Мой корабль застрял и болтается над парком Монсо... Он теперь плывет медленней, чем прошлой ночью... Сейчас он наткнется на статуи... Вот два призрака спускаются на Комеди Франсез... Три огромных облака уносят арки Риволи. За окном завывает сирена... Я толкаю тяжелую раму... Врывается ветер... Моя мать выпучила глаза... Она отчитывает меня... Мне опять будет плохо!.. Витрувиха тоже подгавкивает! Шквал поучений... Я взбунтовался... Я ругаю их... Мой корабль еле тащится. Эти бабы портят всю бесконечность... он сбивается с курса, позор!.. Он дает крен на левый борт... Нет ничего более грациозного, чем он, под парусами... Мое сердце следует за ним... Они должны были бы убежать, эти шлюхи, вместе с крысами, которые портят такелаж!.. Никогда он не сможет пришвартоваться, так крепко затянуты его фалы!.. Надо бы ослабить... Я выкрикиваю все это над крышами... А потом моя конура утонет!.. Я оплатил ее до конца! Все оплатил! до единого су! Всем своим дерьмовым существованием!.. Я обоссался в своей пижаме! Все промокло насквозь... Ужасно плохо! Сейчас я буду над Бастилией. «Ах! Если бы здесь был твой отец!..» Я слышу эти слова... Они меня бесят! Она еще здесь! Я поворачиваюсь. Я обзываю своего отца падалью!.. Я надсаживаюсь от крика!.. «Не было большей сволочи во всей вселенной от Дюфайеля до Каприкорна!..» Сначала она остолбенела! Застыла! Стоит в оцепенении... Потом приходит в себя. Она обращается ко мне как к пустому месту. Я не знаю, куда деваться. Она плачет горючими слезами. Закутывается в шаль скорби. Становится на колени. Снова поднимается. Тычет в меня зонтиком.

¹² «По направлению к Звезде плывет мой прекрасный корабль...» – Отрывок вызывает несколько вопросов. Первый касается знаков препинания – абзац начинается кавычками, которые так и не закрываются. Здесь можно увидеть скрытую цитату из Аполлинера: «Мой прекрасный корабль/О моя память». Почему Мост написан с прописной буквы? Имеется ли в виду один из мостов через Сену? А что значит фраза: «Он теперь плывет медленней, чем прошлой ночью»? О прошлой ночи на предыдущих страницах речи не было. Возможно, это намек на переход мертвых в небо, который наблюдают Бардаму и Таня в «Путешествии на край ночи». Если это так, то найдена еще одна нить, связывающая два романа.

¹³ «Черный Джо» – известная английская песня «Старый негр Джо», написанная в 1860 г. Это песня менестрелей, сочинение Стивена Коллинза Форстера. Речь идет о старом негре, который вспоминает прошедшие прекрасные дни: «Gone are the days when my heart was young and gay» («Прошли дни, когда мое сердце было молодым и веселым»).

Она бьет меня большим зонтом прямо по голове. Ручка трещит у нее в руке. Она заливается слезами. Витрувиха бросается между нами. «Она бы предпочла никогда меня больше не видеть!..» Вот как она ко мне относится! Она сотрясает всю комнату. Ее воспоминания и куча неприятностей – это все, что оставил мой отец... Ею владеют воспоминания! Чем дальше его смерть, тем больше она его любит! Как собака, которая не может забыть... Но я-то не намерен! Я не смирюсь, пока не сдохну! Я повторяю ей, что он был ханжа, лицемер, грубиян и неудачник во всем! Она снова бросается в бой. Она даст убить себя за своего Огюста. Я отлуплю ее. Черт побери!.. Я ведь болен малярией. Она оскорбляет меня, она закусила удила, забыла о моем состоянии. Тогда я наклоняюсь, в ярости задираю ей юбку. Я вижу там ее иссохшие икры, тощие, как палки, обвислый зад, все это смердит!.. Я это видел когда-то давно... Меня сильно рвет...

– Ты сумасшедший, Фердинанд! – она отступает... Подпрыгивает!.. Удирает! – Ты сумасшедший! – снова орет она на лестнице.

Я спотыкаюсь. Падаю на пол. Я слышу, как она ковыляет вниз. Окно осталось распахнутым... Я думаю об Огюсте, он тоже любил корабли. В сущности, он был художником... Ему не повезло. Время от времени он рисовал шторм на моей грифельной доске...

Служанка осталась стоять у кровати... Я сказал ей: «Ложись туда не раздеваясь... Мы путешествуем... Мой корабль потерял все фонари на причале в Лионе... Я передам Капитану, чтобы он вернулся на причал Араго¹⁴, когда поднимут гильотины... Причал Утра...»

Эмили хихикает... Она не понимает шуток... «Завтра! – сказала она... – Завтра!..» Она пошла за своим мальчуганом.

Теперь я действительно один!

Я вижу тысячи и тысячи лодочек на левом берегу... В каждой маленький сморщенный мертвец под парусом... и его история... вся его маленькая ложь... она поможет ему поймать ветер...

* * *

Я могу говорить о прошлом веке, я еще застал его... Он ушел по дороге из Орли... Шуази-ле-Руа... Там, в Рюнжи, жила тетка Армида, моя прабабка.

Она рассказывала о многом, чего уже никто не помнил. Осенью выбирали воскресенье, чтобы навестить ее до наступления самых суровых месяцев. Чтобы потом снова заехать лишь зимой и удивиться, что она еще жива...

Давние воспоминания неотвязны... они хрупки, непрочны... Я точно помню, что мы садились у Шатле на омнибус, запряженный лошаадьми... Мы с кузенами залезали на скамейки императора. Мой отец оставался дома. Кузены шутили, они говорили, что мы уже не найдем в Рюнжи тетку Армиду, ведь у нее нет прислуги и она одна в доме, она точно погибла во время наводнения, потому что ее, наверное, не успели предупредить...

Вот так мы и тряслись всю дорогу до Шуази по берегу реки. Это продолжалось много часов. Я дышал свежим воздухом. Вернуться мы собирались на поезде.

Когда мы прибывали на конечную остановку, нужно было торопиться! Широкими шагами мы шли по булыжным мостовым. Моя мать тащила меня за руку, чтобы я не отставал...

¹⁴ Причал Араго – имеется в виду бульвар Араго перед тюрьмой Санте, где проходили последние публичные казни. Ближе к концу романа Селин снова вспоминает это место. 19 октября 1933 г. он вместе с приятелем сам присутствовал при казни. По свидетельству одного журналиста, он так прокомментировал это событие: «Гильотина – это Гонкуровская премия за преступление». Однако его приятель рассказывает о совершенно иной реакции. Селин говорил ему после: «Я прошел вместе с ним (приговоренным)!.. Я почти был на его месте!.. Я говорил с головой, упавшей в корзину... „Тебе не больно?..“ Веки и губы шевелились, желая ответить. „Где у тебя болит?..“ Она хотела что-то сказать, эта голова... Она умерла в моих руках... По меньшей мере, через две минуты после удара!..»

Мы встречали других родственников, которые тоже приехали повидать старуху. Моей матери мешали шиньон, вуаль и соломенная шляпка. Вуаль намокала оттого, что она нервно жевала ее. На улицах по дороге к тетке Армиде было полно каштанов. Я не мог их собирать, у нас не было ни минуты... За дорогой были деревья, поля, насыпи, пригорки, потом деревня... а еще дальше незнакомые страны... Китай... А потом совсем ничего.

Мы так торопились, что я наделал в штаны... впрочем, дерьмо на заднице было у меня до самой армии, так я торопился всю свою юность. Наконец мы дошли, совершенно взмокшие, до первых домов. Это была красивая деревенька, теперь я это понимаю, с маленькими тихими уголками, улочками, мхом, поворотами, всеми живописными прелестями. Очарование кончалось, как только мы доходили до ограды. Раздавался скрип ворот. Вот уже пятьдесят лет тетка брала напрокат свой парадный наряд в Карро дю Тампль¹⁵... Все ее сбережения ушли на этот домик в Рюнжи.

Она сидела в глубине комнаты перед камином в своем кресле. В ожидании, что придут ее навестить. Она всегда закрывала ставни из-за своего зрения.

Ее домик был в швейцарском стиле, в то время это было модно. Перед домиком в вонючем пруду томились рыбы. Мы шли еще немного, подходили к крыльцу. Погружались в сумрак. Я утыкался во что-то мягкое. «Подойди, не бойся, мой маленький Фердинанд!..» Она хотела меня приласкать. Я не противился. Сперва было что-то холодное и шершавое, потом чуть теплее, в уголке рта, с пугающим привкусом. Зажигали свечу. Родственники образовывали кружок сплетников. Когда они видели, как я целую прабабку, они приходили в волнение. Этот единственный поцелуй внушал мне сильное отвращение... И слишком быстрая ходьба тоже. Но когда она начинала говорить, все были вынуждены молчать. Они не знали, что ей отвечать. Она употребляла только время импарфэ дю сюбжонктиф. Это были устаревшие формы. Так она подчеркивала свою исключительность. Она слишком зажилась.

В камине позади нее никогда не зажигали огонь. «Вот если бы тяга здесь была получше...» На самом деле, это делалось из соображений экономии.

Перед тем как всем разойтись, Армида предлагала печенье. Высохшие бисквиты из хорошо закрытой коробки, которая открывалась два раза в год. Все, конечно, отказывались... Они же не дети... Это печенье для меня!.. От волнения, от удовольствия мне предлагалось подпрыгнуть, увидев его... Для чего моя мать меня щипала... Изображая, что шалю, я быстро убегал в сад, чтобы выплюнуть все это рыбкам...

В темноте за моей прабабкой, за ее креслом, находилось все, что уже прошло: мой дедушка Леопольд, который не вернулся из Индии, Дева Мария, месье де Бержерак¹⁶, Феликс Фор¹⁷ и Люстюкрю¹⁸, и импарфэ дю сюбжонктиф. Вот.

Я давал прабабке поцеловать себя еще раз, на прощание... А потом все внезапно выходили и быстро шли через сад. У церкви прощались с кузенами, которые поднимались на Жювизи. Когда они целовали меня, от них исходили всевозможные запахи, из-под манишки несло потом. Моя мать хромала еще больше, потому что сидела целый час, и ноги у нее затекли.

Проходя мимо кладбища Тье, мы заскакивали туда. У нас там было два покойника в конце аллеи. Мы едва успевали взглянуть на их могилы. Мы убегали оттуда, как воры. В День поминовения темнеет быстро. Мы догоняли Клотильду, Гюстава и Гастона на развилке Бель-Эпин. Моя мать волочила ногу, постоянно спотыкалась. Она даже получила настоящий вывих, когда пыталась перенести меня через железную дорогу.

¹⁵ Тампль – рынок в Париже, в 3-м округе.

¹⁶ Бержерак – имеется в виду Сирано де Бержерак (1619–1655) – французский прозаик, драматург и одновременно литературный герой.

¹⁷ Феликс Фор (1841–1899) – президент Франции с 1895 по 1899 г.

¹⁸ Люстюкрю – папаша Люстюкрю (от франц. «l'eusse-tu-cru?», что примерно можно перевести как «не поверишь!»), комический глупец, неизменный персонаж французских старинных песен и водевилей.

Мы торопились добраться до большой аптеки, пока не стемнело. Это была Центральная улица, знак, что мы спасены... Под светом фонаря двери быстро открывались и закрывались, оттуда доносилась музыка. Мы чувствовали себя в опасности. Быстро переходили на другую сторону, моя мать боялась пьяных.

Внутри вокзал напоминал ночлежку, зал ожидания с мигающей масляной лампой под потолком был заполнен чадом. Вокруг маленькой печки, поживаясь в тепле, сбились в кучу кашляющие и беспрестанно харкающие путешественники. Вот вылетает поезд, грохот, можно подумать, что он все сметет. Пассажиры суетятся, торопятся изо всех сил, в ураганном темпе навьючивают на себя свою кладь. Мы остаемся вдвоем. Я получаю затрещину, потому что отпускаю материнскую руку.

В Иври приходится выйти, мы пользуемся этим, чтобы зайти к работнице мадам Эронд, штопальнице кружев. Она занимается вышивками и кружевами, часто очень старыми, ветхими, которые трудно починить.

Она живет почти на другом конце Иври, на недостроенной улице Палисс, посреди полей. В хижине. Каждый раз, приходя сюда, мы стараемся поторопить мадам Эронд. У нее никогда ничего не готово к назначенному сроку. Клиентки жестоки и скупы до невозможности. Я почти всегда видел, как страдает моя мать из-за нерасторопности работницы и кружев, которые она возвращает не вовремя. Если клиентка обижалась на задержку с валансьенскими кружевами, то не приходила целый год.

Долина над Иври была гораздо опасней, чем дорога к тетке Армиде. Никакого сравнения. Постоянно навстречу попадались хулиганы. Они окликали мою мать. Если я оборачивался, то получал оплеуху. Когда грязь становилась такой жидкой и липкой, что можно было потерять башмаки, значит, мы были уже близко. Хибара мадам Эронд одиноко возвышалась среди поля. Нас облаивала собака. Она гавкала изо всех сил. Нас замечали в окно.

Наша работница штопала при свете керосиновой лампы. Она задыхалась от дыма и портила себе глаза. Моя мать приставала к ней, чтобы та провела газ: «Это действительно необходимо».

Мадам Эронд портила себе сетчатку над крошечными прошивками, паутинками. Моя мать говорила ей это не столько из корысти, сколько по дружбе. Я всегда попадал в хижину мадам Эронд только ночью.

«Нам проведут газ в сентябре!» – говорила она всякий раз. Это была ложь, просто чтобы не приставали... Моя мать, несмотря на ее недостатки, очень ее ценила.

Мать до ужаса боялась работниц, нечистых на руку. Мадам Эронд была порядочной, как никто. Никогда она не обсчитала нас ни на сантим. Она влачила жалкое существование, а через ее руки проходили настоящие сокровища! Венецианские кружева с риз, увидеть которые теперь можно только в музее! Когда моя мать говорила об этом в минуту откровенности, она очень воодушевлялась. У нее выступали слезы. «Эта женщина была настоящей волшебницей! – признавалась она. – К сожалению, она не умела держать слово! Никогда ничего не сделала вовремя!...» Эта волшебница умерла, не дождавшись газового освещения, от усталости, гриппа, а также от огорчений, причиненных ей ее слишком ветреным мужем... Она умерла в родах... Я хорошо помню ее похороны. Это было в Малом Иври. Нас было только трое, я и мои родители, муж даже не побеспокоился! Это был красивый мужчина, он пропивал все, до единого су. Он годами торчал в баре на углу улицы Гайон. По меньшей мере, еще лет десять его видели там. А потом он исчез.

Когда мы выходили от работницы, наши гонки еще не заканчивались. У вокзала Аустерлиц мы снова переходили на галоп, а потом ехали омнибусом до Бастилии. Рядом с Зимним цирком была мастерская Вюрцемов, краснодеревщиков, это было семейство эльзасцев. Именно они гримировали под «старинный стиль» всю нашу мебель, консоли, столики. Двадцать лет они делали это в первую очередь для Бабушки, а потом уже для остальных. Инкрустации нико-

гда не держатся, это всегда создает проблемы. Вюрцем был артистом в своем деле, ему не было равных. Они даже спали в стружках – его жена, тетка, шурин, два кузена и четверо детей. У него тоже никогда ничего не было готово. Его страстью была рыбалка. Часто он неделями пропадал на канале Сен-Мартэн, вместо того чтобы выполнять заказы. Моя мать от злости багровела. Он отвечал вызывающе. Потом извинялся. Семья разражалась слезами, плакали девять человек, а нас было только двое. Они жили не по средствам. Им пришлось даже выехать и устроиться в трущобах на улице Колэнкур, потому что они не платили за квартиру.

Их халупа находилась внизу, в овраге, туда мы добирались по доскам. Уже издали были слышны вопли, и мы направлялись на свет фонаря. Когда я бывал у них, мне всегда хотелось сбросить на пол горшок с клеем, который постоянно дребезжал на плитке. Однажды я решился. Когда мой отец узнал об этом, он сразу предупредил маму, что когда-нибудь я его задушу, мои задатки позволяют это предположить. Так он думал.

У Вюрцемов было приятно, потому что они были не злопамятны. После самых бурных скандалов, как только им давали немного денег, они принимались напевать. Они ни в чем не видели трагедии, легкомысленные рабочие! Не такие щепетильные, как мы! Моя мать всегда ссылалась на их пример, чтобы напугать меня. Я же находил их очень симпатичными. Я засыпал в их стружках. Меня нужно было встряхнуть, чтобы я мог бежать до бульвара и вскочить в омнибус, идущий до Винного рынка. Он казался мне великолепным, потому что внутри большой стеклянный глаз отбрасывал свет на лица сидящих. Это было восхитительно.

Полицейские скачут по улице Мартир, все останавливаются, чтобы пропустить их. Мы все же добираемся до лавки, но с огромным опозданием.

Бабушка уползает в свой угол, мой отец Огюст натягивает на уши фуражку. Он прохаживается, как лев на корабельном мостике. Моя мать падает на табуретку. Она виновата, и говорить нечего. Все, что мы сделали по дороге, никому не нравится – ни Бабушке, ни папе. Наконец мы закрываем магазин, вежливо говорим друг другу «до свидания». Мы втроем отправляемся спать. Еще надо дотащиться до нашего дома. Это по ту сторону Толкучки.

У моего отца был тяжелый характер. Он носил морскую фуражку. Он всегда мечтал стать капитаном дальнего плавания. Из-за этой мечты он и озлобился.

Окна нашей квартиры на улице Бабилон выходили на «Миссии». Кюре часто пели, даже ночью они вставали, чтобы снова пропеть свои гимны. Нам было их не видно из-за стены, которая почти целиком загоразивала наше окно. От этого было темно.

В «Коксинель-Инсенди» мой отец зарабатывал немного.

Когда мы шли через сад Тюильри, меня часто приходилось нести. В то время у всех полицейских были толстые животы. Они неподвижно стояли под фонарями.

Сена завораживает ребенка, отсветы на воде дрожат под ветром, внизу огромная бездна, которая движется и урчит. Мы поворачиваем на улицу Вано и наконец приходим. Когда надо было зажечь лампу, опять начиналась комедия. Моя мать не умела этого делать. Мой отец Огюст копался, чертыхался, изрыгал проклятия, ломал каждый раз фитиль и колпачок.

Мой отец был полным блондином, приходившим в ярость из-за пустяков, с совершенно круглым, как у младенца, носом над огромными усами. Когда на него находила ярость, он свирепо вращал глазами. Он думал только о неприятностях. У него их были сотни. В страховом бюро он зарабатывал сто десять франков в месяц.

В самом деле, вместо того чтобы пойти во флот, он попал на семь лет в артиллерию. Он хотел быть сильным, благополучным и уважаемым. В конторе «Коксинель» с ним обращались пренебрежительно. Он страдал от самолюбия и однообразия. У него не было ничего, кроме диплома бакалавра, усов и щепетильности. С моим рождением они еще больше погрязли в нищете.

Мы с утра ничего не ели. Мать гремела кастрюлями. Она была в нижней юбке, чтобы при стряпне не запачкаться. Она ныла, что Огюст не ценит ее добрых намерений, не понимает

трудностей торговли... Он раздумывал над своими неприятностями, облокотившись на угол стола. Время от времени он демонстрировал недовольство... Она всегда старалась его успокоить. Но как только она снимала с крюка подвесную лампу, красивый желтый шар, он моментально приходил в ярость. «Клеманс! Слушай! Боже мой! Ты устроишь нам пожар! Я тебе сколько раз говорил брать двумя руками!» Он испускал ужасные крики и не находил слов от возмущения. Когда он впадал в транс, то становился кирпичного цвета, весь раздувался, глаза вращались, как у дракона. На него было страшно смотреть. Мы с матерью боялись его. А потом он разбивал тарелку, и все отправлялись спать...

«Повернись к стене, маленький мерзавец! Не оборачивайся!» У меня не было желания... Я и так все знал... Мне было стыдно... Я видел мамины ноги, одна худая, другая толстая... Она все ковыляла из одной комнаты в другую... Он уговаривал ее... Она возражала, что надо помыть посуду... Чтобы разрядить обстановку, она пыталась затянуть песенку¹⁹...

А солнце через дыры
Спускалось с крыши к нам...

Огюст, мой отец, читал «Родину»²⁰. Он садился у моей кровати-клетки. Она подходила и целовала его. Он смягчался... Вставал и смотрел в окно. Казалось, он ищет что-то в глубине двора. Он громко выпускал газы. Это была разрядка.

Она тоже пускала газы, тихонько, из солидарности, а потом игриво ковыляла на кухню.

Потом они закрывали дверь... дверь своей комнаты... Я спал в столовой. Гимны миссионеров раздавались за стеной... А по улице Бабилон шагом шла лошадь... Бум! Бум! она тащила фиакр...

* * *

Мой отец, чтобы прокормить меня, брал дополнительную работу. Его начальник Лепрент всячески унижал его. Я знал этого Лепрента, он был рыжий, уже поблекший, с длинной золотистой бородой. У моего отца был стиль, ему от природы была свойственна элегантность. Это раздражало Лепрента. Он мстил в течение тридцати лет. Он заставлял отца заново переписывать почти все письма.

Когда я был совсем маленьким, меня отдали кормилице в Пюто, и мои родители по воскресеньям приходили туда навещать меня. Там был чистый воздух. Они все рассчитывали заранее. Никогда ни су долга. Даже когда были крупные неудачи. В Курбвуа моя мать из-за множества забот и от того, что во всем себе отказывала, начала кашлять. Кашель не прекращался. Ее спас сироп из улиток и метод Распая.

Месье Лепрент боялся, что мой отец с его манерами возомнит о себе невесть что.

В Пюто из сада моей кормилицы был виден Париж. Когда отец поднимался туда, чтобы со мной повидаться, ветер взъерошивал ему усы. Это было моим первым воспоминанием.

После банкротства магазина шляп в Курбвуа моим родителям пришлось работать вдвое больше, выбиваться из сил. Она – продавщицей у Бабушки, он, сколько мог, сверхурочно в «Коксинель». Но только чем больше демонстрировал он свой прекрасный стиль, тем более отвратительным находил его Лепрент. Чтобы не озлобиться окончательно, он погрузился в акварели. Он занимался этим вечерами после ужина. Меня привезли в Париж. Я видел, как

¹⁹ Песенка – эта песенка могла существовать на самом деле, но Селин мог и придумать ее. Во всяком случае, она до сих пор не обнаружена.

²⁰ «Родина» – существовавшая до Первой мировой войны газета правой ориентации, имевшая большую популярность. Это был еженедельник с крупными заголовками, который охотно обсуждал скандалы и в трудные времена призывал к антипарламентаризму, антисемитизму, англофобии, антимаасонству и т. д.

он рисовал поздно вечером, в основном корабли, корабли в океане, трехмачтовые, при сильном бризе, красками и карандашом. Это было его заветное... Позже пошли воспоминания об артиллерии; выдвижения на боевую позицию и священники... По просьбе клиентов... Из-за их роскошного одевания... И наконец, танцовщицы с объемистыми ляжками... В обеденный перерыв моя мать предлагала их на выбор продавцам на галереях... Она делала все, чтобы я жил, но родиться-то мне не следовало.

После нашего банкротства, у Бабушки на улице Монторгей, она часто харкала кровью, по утрам, когда украшала витрину. Она прятала свои носовые платки. Внезапно появлялась Бабушка... «Клеманс, вытри глаза!.. Слезам делу не поможешь!..» Чтобы прийти пораньше, мы вставали с рассветом, закончив дела по хозяйству, шли через сад Тюильри, а отец убирал постели.

Весь день я скучал. Редко случалось, чтобы я не проплакал почти все время после обеда. В магазине я получал больше затрепанных, чем видел улыбок. Я должен был просить прощения из-за любого пустяка, и просил прощения за все.

Мы постоянно остерегались кражи или случайной поломки, старые вещи непрочны. Я перепортил, сам того не желая, тонны хлама. Старье до сих пор вызывает у меня отвращение, однако оно нас кормило. Осколки времени – это ужасно... мерзко, противно. Их покупали по доброй воле или втюхивали насильно. Клиента доводили до отупения. На покупателя обрушивали каскад небылиц... обещаний неслыханных выгод... безо всякой пощады... Невольно ему приходилось уступать доводам... Вопреки здравому смыслу... Клиент выходил из дверей восхищенный, с выкопанной где-то чашкой времен Людовика XIII, с веером, на котором были вырезаны кошечки и пастушки, завернутым в шелковую бумагу. Не передать, до какой степени мне внушали отвращение взрослые люди, покупавшие подобную дребедень...

Бабушка Каролина пряталась целый день за «Блудным сыном», огромным гобеленом. Каролина боялась остаться внакладе. Все покупатели ненадежны, чем они зажиточнее, тем более нечисты на руку. Маленькое кружево Шантильи мгновенно могло оказаться в манжете хорошо натренированной клиентки.

К тому же в магазине никто не мог пожаловаться на избыток света... Зима – самая коварная пора из-за воланов... бархата, накидок, мехов, которыми трижды обматывают сиськи... А с плеч еще свисают всевозможные боа, потоки волнистого муслина... Как большие печальные птицы... Покупательница важно расхаживает, перерывает груды безделушек, кудахча, начинает все сначала. Все разбрасывает... снующая туда-сюда, дурно пахнущая, готовая поскандалить только ради удовольствия. Чтобы угадать ее желание, все в этой конуре лезли вон из кожи, а выбрать было из чего... Бабушка не останавливается перед тем, чтобы сбыть залежалый товар... Она тащит все: картины, написанные маслом, аметисты, кусты канделябров, тюль, вышитый гладью, кабошоны, дароносицы, соломенные корзиночки, доспехи и солнечные зонтики, золоченую японскую рухлядь и раковины из мест еще более отдаленных, хлам, у которого нет названия, и вообще неизвестные штуки.

Покупательница приходит в возбуждение от сокровищницы осколков. Перед ней образуется куча. Она роется, все гремит, кружится. Она пришла ознакомиться. Идет дождь, и ей просто нужно укрыться. Когда ей все надоедает, она отделяется обещаниями. Нужно очень постараться, чтобы снова собрать все барахло. На коленях нагибаешься как можно ниже, шарить под мебелью. Все ли здесь... носовые платки... безделушки... разные стекляшки... всякая дрянь... наконец вздох облегчения.

Моя мать опускается на стул, массирует себе ногу, из-за того, что она так долго топталась, у нее судорога, она совсем не может говорить. Под конец перед самым закрытием из темноты появляется застенчивый клиент. Он входит тихо, объясняется шепотом, он хочет загнать одну вещицу, семейную реликвию, он достает ее из пакета. Ему предлагают низкую цену. Эту шту-

ковину мою в раковине на кухне. А заплатят ему завтра утром. Он исчезает, едва сказав «до свидания»... Мимо лавки, как смерч, пронесется омнибус «Пантеон – Курсель».

Из конторы приходит отец, каждую минуту он смотрит на часы. Нервничает. Нужно собираться.

Он кладет свою шляпу. Берет с гвоздя фуражку.

Пора жрать лапшу и отправляться на доставку.

* * *

В лавке гасят свет. Моя мать никогда не умела стряпать, у нее всегда получалось какое-то варево. Если это была не хлебная похлебка с яйцами, то конечно макароны. Никаких поблажек. После лапши мы некоторое время находились в неподвижности, чтобы улеглась еда. Мать пыталась нас развлечь. Если я не отвечал на вопросы, она ласково говорила: «Ты знаешь, ведь она с маслом». За gobеленом мигал свет газовой горелки. В тарелках трудно было что-либо разобрать. Подавая нам пример, мать добавляла себе еще лапши... Нужен был добрый глоток красного вина, чтобы она не полезла обратно.

Угол, где мы ели, был одновременно и местом для стирки, и хранилищем всякой дряни... Там были целые вороха, кипы того, что было уже невозможно починить, невозможно продать, даже показать. Самое дерьмо. С форточки в суп свешивались простыни. Я не знаю, каким образом оставалось пространство для большой плиты с огромным вытяжным колпаком, которая занимала половину всей комнаты. Под конец тарелки возвращали, чтобы получить десерт с конфитюром.

Декорация грязного музея.

Со времени нашего переезда из Курбвуа моя Бабушка и отец не разговаривали. Мать старалась болтать без передышки, чтобы они ничем не бросали друг в друга. Переварив лапшу и десерт с конфитюром, мы пускались в путь. Проданную вещь мы «наряжали». Как правило, это была мебель, столик, иногда пудреница. Отец взгромоздил крупный товар на голову, и мы шли к площади Конкорд. Около Фонтан Жиклез мне становилось страшно. Когда мы поднимались по Елисейским Полям, было уже совсем темно. Он бежал, как вор. Я с трудом за ним поспевал. Можно было подумать, что он не прочь меня потерять.

Мне хотелось, чтобы он со мной поговорил, но он только бормотал ругательства в адрес прохожих. Когда мы добирались до площади Этуаль, я был уже весь в поту. Мы ненадолго останавливались. В доме клиента нужно было еще найти «служебный вход».

Когда случалось идти в Отей²¹, мой отец бывал добрее. Он не так часто доставал свои часы. Я залезал на парапет, он показывал мне буксиры... зеленые огни... объяснял значение сигнальных свистков... «Он скоро будет у „Пуан дю Жур“!» Мы восхищались этим допотопным суденышком... Желали ему счастливого плавания...

Вечером, когда мы направлялись к площади Терн, у него было ужасное настроение, особенно если дело касалось баб... Они вызывали у него отвращение. Напряженность чувствовалась уже с самого начала. Я помню, как мы ходили на улицу Дэмур. Перед церковью он отвесил мне здоровенный подзатыльник, чтобы я не отставал. Когда мы подходили к дому покупательницы, я уже заливался слезами. «Мерзавец, – вопит он. – Я научу тебя, как себя вести!» Взгромоздив на голову круглый одноногий столик, он поднимается за мной по лестнице. Мы ошибаемся дверью. Прислуга выглядывает с любопытством... Я упираюсь, как теленок... Я делаю это нарочно. Хочу его разозлить! Вопли! Наконец мы находим нужный звонок. Нас встречает горничная. Она сочувствует мне. Шелестя платьем, появляется хозяйка: «О! Маленький злодей! Негодник! Он рассердил своего папочку!» Отец уже не знает, куда деваться.

²¹ Отей – бывшая деревня под Парижем, сегодня входит в состав 16-го округа (арондисмана) Парижа.

Готов спрятаться. Хоть в ящик. Покупательница пытается меня утешить. Она наливает моему отцу коньяку. И говорит ему: «Друг мой, протрите, пожалуйста, столик до блеска! Я боюсь, что дождь его испортил...» Горничная подает тряпку. Он принимается за работу. Дама предлагает мне конфетку. Я иду за ней в комнату. Горничная идет с нами. Там покупательница ложится на кружевную постель. Внезапно она задирает свой пеньюар, показывает мне толстые ляжки, бедра и волосатый бугорок, сучка! Она роется там внутри пальцами...

«Возьми все это, моя крошка!.. Иди сюда, моя любовь!.. Иди, полижи мне там, внутри!..» Она зовет меня очень ласковым голосом... очень нежным... со мной так никогда не говорили. Она раздвигает ноги, оттуда что-то течет.

Горничная не может сдержать смех. Именно это меня остановило. Я убежал на кухню. Я больше не плакал. Моему отцу дали чаевые. Он не решается положить их в карман и смотрит на них. Горничная все еще смеется. «Может, тебе они не нужны?» – спрашивает она. Он выскакивает на лестницу, забыв про меня. Я бегу за ним по улице. Зову его: «Папа! Папа!» Я догнал его только на площади Терн. Мы сели. Было холодно. Он редко меня обнимал. Он сжимает мою руку.

«Ничего, мой малыш!.. Ничего, мой малыш!..» – повторяет он... уставившись прямо перед собой... Все же у него было сердце. У меня оно тоже было. Но для жизни сердце не нужно. Мы возвращаемся прямо на улицу Бабилон.

* * *

Мой отец страдал от чрезмерного воображения. Он разговаривал сам с собой в углу. Он старался сдерживаться... Внутри у него, должно быть, все кипело...

Родился он в Гавре. Он знал все о кораблях. Он часто вспоминал имя капитана Дируана, который командовал кораблем «Виль де Труа». Он видел, как этот корабль уходил в море, как он отдал швартовы в бухте де ля Бар.

Он так и не вернулся. Его обломки затерялись в просторах Флориды. «Чудесный трехмачтовый бриг!»

Другой корабль назывался «Гондриолан», это было грузовое норвежское судно, которое повредило себе днище в шлюзе... Отец рассказывал и об этом неудачном маневре. Даже сейчас, через двадцать лет, это его ужасало... Он все еще возмущался... А потом снова удалялся в свой угол. И начинал пережевывать то же самое.

Его брат Антуан был совсем другим. Он поистине героически подавлял в себе все разгульные порывы. Он тоже родился совсем недалеко от большого Семафора... Когда умер их отец, преподаватель риторики, он сразу же устроился в «Меры и Весы» – вне всякого сомнения, надежное место. Для большей уверенности он женился на девушке из «Статистики». Но подавленные желания возвращались и волновали его... По своей природе он был ветреным, все время чувствовал беспокойство и старался обуздать себя.

Они с женой приходили к нам только на Новый год. Жили они очень экономно, питались очень плохо, совершенно ни с кем не общались, и поэтому, когда они неожиданно исчезли, в квартале о них никто даже не вспомнил. Они умерли франкмасонами, он – от рака, она – от воздержания. Жену, его верную половину, позже обнаружили в Бют-Шомон²².

Именно там они обычно проводили отпуск. Они положили сорок лет на то, чтобы вместе медленно покончить с собой.

Сестра отца, тетка Елена, была не такая. Ее забросило в Россию. Она стала кокоткой в Санкт-Петербурге. Одно время у нее было все: карета, трое саней, собственная деревня, носившая ее имя. Она заезжала к нам дважды, проездом, вся обвешанная барахлом, великолепная,

²² Бют-Шомон – большой парк на окраине Парижа.

как принцесса, счастливая и все такое. Она кончила трагически: ее жизнь оборвал выстрел одного офицера. Ей не хватало сдержанности. Она вся была – плоть, желание, музыка. От одной мысли об этом моего отца начинало мутить. Узнав о ее кончине, моя мать сказала: «Какой ужасный конец! Это конец эгоистики!»

Был еще дядя Артур, тоже не идеал! Плоть также переполняла его. Мой отец чувствовал к нему определенную симпатию, какую-то слабость. Он жил среди богемы, вне общества, в мансарде, сойдясь со служанкой. Благодаря чему ему часто удавалось неплохо поесть. Артур был разбитной малый с бородкой, в бархатных штанах, остроносых башмаках, с длинной трубкой. Он был беззаботен. Неравнодушен к женщинам. Часто и довольно серьезно болел – как правило, когда надо было отдавать долги. Порой он оставался в постели восемь дней кряду вместе с одной из своих подружек. Когда мы по воскресеньям приходили его навестить, он вел себя не очень прилично, особенно с моей матерью. Слегка за ней волочился. Это выводило моего старика из себя. Уходя, он призывал в свидетели сто двадцать тысяч дьяволов, клялся, что ноги его больше здесь не будет.

«Этот Артур! он ведет себя неприлично!» Все же мы приходили снова.

Он рисовал под слуховым окном на большой доске корабли, яхты, вспенивавшие волны, и чаек вокруг, это был его любимый жанр... Даже собирался заказать себе каталог, но у него было столько долгов, что желание быстро пропадало. Он всегда был в хорошем расположении духа, когда ничего не делал.

Недалеко от его дома стояли кавалеристы, откуда доносились звуки труб. Артур знал наизусть все эти мотивы. Он распевал на них непристойные песни. Моя мать и служанка вскрикивали: «Ох! ох!» Отец возмущался, потому что все это слышал я.

Но самым неустроенным из всей семьи был, конечно, дядя Рудольф, уже довольно пожилой. Когда с ним говорили, он тихонько смеялся. Он беседовал сам с собой. Это могло продолжаться часами. Он хотел жить только на открытом воздухе. И потому не желал работать ни в магазине, ни в конторе, ни хотя бы ночным сторожем. Он даже ел на скамейке, на улице. Он боялся помещений. Только очень сильный холод вынуждал его зайти в дом. Провести там вечер. Ему вечно не везло.

Случайный заработок давала ему работа носильщика на вокзале, он предавался ей с увлечением. Более двадцати лет. Пока был в силах, таскал чемоданы и бегал, как заяц, за фиакрами с багажом. Больше всего он любил время, когда все возвращались из отпусков. На такой работе он всегда был голоден, и его всегда мучила жажда. Кучера его любили. За столом он вел себя забавно. Высоко поднимал стакан, пил за здоровье присутствующих, затягивал песню... Не закончив, внезапно замолкал... Начиная смеяться без всякого повода, зажимая рот салфеткой...

Его отводили домой. Он все смеялся. Жил он на улице Лепик рядом с «Рандеву Пюде-Дом»... Все его пожитки лежали на полу, у него не было даже стула или стола. Во время Выставки²³ он изображал трубадура и на набережной перед картонными тавернами олицетворял «Старый Париж». Его наряд был сшит из разноцветных лоскутков. «Добро пожаловать в Средние века!» – кричал он и пританцовывал, чтобы согреться. Вечером, когда он приходил к нам обедать в своем карнавальном наряде, моя мать делала ему грелку. У него все время мерзли ноги. Настоящие неприятности начались, когда он связался с «блудницей», которую изображала Розина возле противоположной двери в притон из раскрашенного картона. Бедняжка харкала уже остатками своих легких. Не прошло и трех месяцев, как все было кончено. Она умерла в своей комнате в том же «Рандеву». Он не хотел, чтобы ее увозили. Запер дверь. Приходил каждый вечер и ложился рядом. Все раскрылось из-за запаха. Он пришел в ярость.

²³ «Выставка» – имеется в виду Универсальная выставка, проходившая в Париже в последний раз в 1900 г. и охватившая собой практически весь город – от площади Конкорд и Собора Инвалидов до Марсова Поля.

Он не понимал, что такое смерть. Пришлось прибегнуть к силе, чтобы забрать и похоронить ее. На кладбище он хотел нести ее сам и самой длинной дорогой.

Когда он опять появился на Площади, моя мать сокрушалась: «Оделся, как на карнавале! Ведь ему же холодно! Это просто ужасно!» Особенно ее возмущало, что он не надевает пальто. У него было одно, подаренное отцом.

Меня посылали посмотреть, как он там, потому что я был маленький и мог пройти через турникет бесплатно.

Он был все еще там, за решеткой, наряженный трубадуром. Он весь расплывался в улыбке. «Привет, – говорил он мне. – Привет, малыш!.. Ты видишь мою Розину?..» Он показывал мне куда-то вдаль, за Сену, на какую-то точку в тумане... «Ты ее видишь?» Я отвечал ему «да». Я не противоречил ему. Я выполнял волю родителей. Блаженный Рудольф!

В конце 1913-го он уехал с цирком. Никто так и не знает, что с ним стало. Он исчез навсегда.

* * *

Мы переехали с улицы Бабилон, надеясь, что теперь нам наконец-то повезет, и обосновались в Пассаже Березина, между Биржей и Бульварами. У нас было трехэтажное жилье, три комнаты, расположенные по спирали. Моя мать, прихрамывая, ковыляла вверх-вниз без передышки. Та! па! Там! Та! па! Там! Она опиралась на перила. Отца это раздражало. У него было плохое настроение, оттого что время тянулось слишком долго. Он без конца смотрел на часы... Мать со своей ногой выводила его из себя.

В самой верхней комнатухе была застекленная крыша, и поэтому были установлены решетки от воров и кошек. Это была моя комната, там же рисовал мой отец, когда возвращался с доставки. Он старательно работал над своими акварелями, а в перерывах иногда делал вид, что ушел, чтобы застать меня врасплох за занятием онанизмом. Он прятался на лестнице. Но я был хитрее. Он застал меня только один раз. И задал мне взбучку. Я пытался сопротивляться. Под конец я попросил прощения за грубость... Чтобы отвязаться, ибо на самом деле я и не думал раскаиваться.

Он сам грубо обращался со мной. Однажды, наказав меня, он долго стоял у окна и смотрел на звезды, луну и темноту над ними. Это был его капитанский мостик. Я-то это знал. Он воображал себя командующим Атлантики.

Если мать прерывала его занятия и звала спуститься, он снова выходил из себя. Они сцеплялись в темноте, в тесной клетушке между верхней и нижней комнатами. Повсюду разносились звуки ударов и ругань. Та! ра! рам! Та! ра! рам! Вспыхивая от обиды, она снова спускалась в подвал пересчитывать товар. «Когда же наконец меня оставят в покое? Проклятый бордель! Чем я прогневил Небеса?..» Весь дом сотрясался от его надрывного крика. Потом он отправлялся в тесную кухню и наливал себе красного. Больше не произносилось ни звука. Он снова обретал спокойствие.

Днем я оставался с Бабушкой, она понемногу учила меня читать. Хотя сама толком не умела, ибо научилась слишком поздно, когда у нее уже были дети. Я не могу сказать, что она была нежной или ласковой, но много не говорила, и это уже было огромным облегчением, и потом, она никогда меня не била!.. Она ненавидела моего отца. Просто не могла его выносить, с его образованностью, его претензиями, его бешенством из-за лапши, со всем его дерьмовым выпендрежем. Свою дочь она тоже считала идиоткой, потому что та вышла замуж за такое убожество из страховой компании с семьюдесятью франками в месяц. О сопляке, каким я был, она еще не составила окончательного мнения, она только наблюдала за мной. Это была женщина с характером.

В Пассаже, пока у нее хватало сил, она поддерживала нас остатками своего состояния. Мы зажигали только одну витрину, потому что лишь ее могли украсить... Там была разная дребедень, вещи, совершенно устаревшие, всякий хлам, но это было еще ничего... Мы держались только благодаря экономии... лапше и маминым серьгам, которые отправлялись в ломбард в конце каждого месяца... Мы были на волосок от полного краха.

Только заказы на починку приносили нам небольшой доход. Их искали везде, где только можно. Ради сорока су район парка Сен-Мор проходили вдоль и поперек.

«Нахальство – второе счастье», – шутливо замечала моя мать. Ее спасал оптимизм. А задержки мадам Эронд уже не лезли ни в какие ворота. Каждый раз ожидание перерастало в драму, все стонали. С пяти часов вечера, когда мой отец приходил из конторы, его уже трясло от нетерпения, и он не выпускал свои часы из рук.

«Я повторяю еще раз, Клеманс, сотый... Если эта женщина позволяет себя обворовывать, что мы можем сделать?.. Ее муж разбазаривает все!.. Он не вылезает из борделя, я это точно знаю!.. Это же очевидно!..»

Он поднимался на третий этаж. Там опять вопил. Потом снова возвращался в лавку. Наша хибара превращалась в настоящий аккордеон. Она сотрясалась сверху донизу.

Я поджидал мадам Эронд на улице Пирамид. Если я не видел ее с огромным пакетом, который был больше, чем она сама, я возвращался домой несолоно хлебавши. Потом снова убегал. Наконец, уже отчаявшись, я случайно наткнулся на нее на улице Терез, где она задыхалась в людском водовороте, сгибаясь под тяжестью свертка. Я тащил ее за собой до Пассажа, она падала на стул, едва войдя в лавку. Моя мать благодарила Небо. Мой отец не хотел присутствовать при этой сцене, навязчивые мысли снова овладевали им. Он готовился к новому скандалу и к Концу Света, который не заставит себя ждать... Он репетировал...

* * *

Мы с матерью отправились к Пинезам. Мы собирались предложить им набор гипюра – подарок к свадьбе.

Они жили во дворце, напротив моста Сольферино. Я помню, что меня больше всего поразило в первый момент... Китайские вазы, такие огромные, что в них можно было спрятаться. Они стояли всюду. Это были очень богатые люди. Нас пригласили в салон. Очаровательная мадам Пинез и ее муж были уже там... они нас ждали. Они всегда принимали нас очень любезно. Моя мать сразу же раскладывает перед ними весь товар... на ковре. Для удобства она становится на колени. Она заливается слезами, она уже осмелела. Те тянут, не могут решиться, кривят губы и шепчутся.

Мадам Пинез в пеньюаре с лентами разлеглась на диване. А он прохаживается позади меня, дружески похлопывая по плечу и слегка его сжимая... Моя мать старается изо всех сил, достает тряпки и трясет ими... От напряжения прическа у нее разваливается, по лицу течет пот. На нее страшно смотреть. Она задыхается! Волнуется, подтягивает чулки, ее прическа в полном беспорядке, волосы падают на глаза.

Подходит мадам Пинез. Они с мужем развлекаются тем, что дразнят меня. Моя мать говорит без умолку. Но все ее старания безрезультатны. Я рассматриваю свои штаны... Внезапно я заметил, как Пинезиха стащила носовой платок. И засунула его себе между сисек. «Я вас поздравляю! У вас, мадам, очень милый малыш!..» Но это для вида, им больше ничего было не надо. Мы быстро собираем свои пакеты. Пот градом течет по лицу мамы, но она все же улыбается. Она не хочет никого обижать... «Может быть, в следующий раз!.. – вежливо извиняется она. – Я огорчена, что вас ничем не удалось соблазнить!..»

Уже на улице перед портиком она шепотом спросила меня, не видел ли я, как Пинезиха засунула платочек под корсет. Я ответил, что нет.

«Твой отец не переживет этого! Это был платочек, который нам дали для продажи! Из валансьенских кружев! Он принадлежит Грее! Он не наш! Подумать только! Если бы я его отняла, мы бы потеряли этих клиентов!.. И всех их друзей!.. Был бы скандал!..»

«Клеманс, ты растрепана! Волосы лезут тебе в глаза! Ты вся позеленела, бедняжка моя! На тебе лица нет! Ты загнешься от этой беготни!..»

Это были его первые слова, когда мы вошли.

Чтобы не терять из виду свои часы, он повесил их на кухне, как раз над лапшой. Он снова посмотрел на мою мать. «Ты бледна, как мертвец, Клеманс!» Часы, наверное, должны были напоминать, что все скоро кончится – склоки, проблемы, лапша... вся усталость и даже то, что нас ждет в будущем. Ему все надоело.

«Я что-нибудь приготовлю», – предложила она. Но он не хотел, чтобы она к чему-либо прикасалась... Когда она готовила, он начинал чувствовать еще большее отвращение ко всему. «Посмотри! У тебя грязные руки! Ты устала!» Если она, накрывая на стол, роняла тарелку, он выходил из себя и начинал драться. В нашей комнатухе было так тесно, что мы все время натыкались друг на друга. Его злоба не находила себе выхода. Стол трясся, стулья вальсировали. Начинаясь ужасный хаос. Они спотыкались друг о друга, осыпали друг друга ударами, наконец вспоминали о салате из лука. Наступало время душевных излияний...

«В общем, ты ничего не продала?.. Все это зря?.. Моя бедняжка!..»

Он жалел ее, испуская надоедливые вздохи. И в будущем нам не выбраться из дерьма...

Тут она и выкладывает ему все... о том, что у нас стащили платочек... и как все это произошло...

«Как?! – он не мог понять. – Ты не закричала, что они воры? Ты позволяешь себя обкрадывать?! Это же наш труд!» Казалось, что он взорвется, в такую ярость он пришел... Его куртка трещала по всем швам... «Но это ужасно!» – кричал он. Моя мать лепетала что-то вроде извинений... Но он уже не слышал. Он схватил нож и всадил его в тарелку, дно треснуло, соус из лапши растекся повсюду. «Нет! Нет! Я больше не могу!» Он бегаёт по комнате, заводясь все больше и больше, пытаясь опрокинуть маленький буфет в стиле Генриха III, трясёт его, как сливу. Наконец хлынула лавина посуды.

Мадам Меон, корсетница из лавки напротив, подходит к окну, чтобы развлечься. Это наш злейший враг, она всегда нас ненавидела. Перукьеры, продавцы книг, чей магазин подальше, даже открывают окно. Им нет надобности стесняться. Они просто прилипают к витрине... Мама получит взбучку, это точно. Что касается меня, то я ни за кого. Я думаю, что по своему скотству они не уступают друг другу... Она бьет меня не так сильно, но чаще. Кого бы я предпочел видеть убитым? Пожалуй, папу.

Мне не позволяют смотреть. «Поднимайся к себе, мерзавец!.. ложись! Не забудь помолиться!..»

Взревев, он стремительно нападает, взрывается, вот-вот разнесет кухню, останутся только гвозди... Все кастрюли уже разбросаны... все брызжет... растекается... звенит... Моя мать на коленях просит пощады у Неба... От сильного удара отлетает стол... и опрокидывается на нее...

«Беги, Фердинанд!» – успевает она мне крикнуть. Я прыгаю. И перебираюсь через кучу осколков и обломков... Он трясёт пианино, которое заложила одна клиентка... Он уже невменяем. Забирается на него ногами, клавиатура трещит... Теперь очередь моей матери, он принимается за нее... из своей комнаты я слышу ее вопли: «Огюст! Огюст! Отпусти меня!..» А потом короткий всхлип...

Я спускаюсь на несколько ступенек, чтобы посмотреть... Он тащит ее вдоль перил. Она цепляется за него. Сжимает ему горло. Это ее спасает. Теперь уже он старается высвободиться... Опрокидывает ее. Она летит кувырком... Со ступеньки на ступеньку... Раздаются шлепающие звуки... Внизу она пытается подняться... Тогда он уходит... Выходит из магазина

на улицу... Наконец ей удается встать... Она опять идет в кухню. Волосы у нее в крови. Моется над раковиной... Плачет... Задыхается... Подметает осколки... В таких случаях он возвращается поздно... Снова воцаряется спокойствие...

* * *

Бабушка понимала, что мне нужны развлечения, что нездорово все время сидеть в лавке. Ее просто тошнило от глупостей, которые постоянно выкрикивал мой бесноватый отец. Она купила щенка, чтобы я мог немного поиграть, ожидая покупателей... Я обращался с ним, как отец со мной. Я отвешивал ему удары, когда мы оставались одни. Он забивался под шкаф и скулил. Потом приползал просить прощения. Он делал это точно так же, как я.

Но мне не доставляло удовольствия бить его, мне тогда больше нравилось его целовать. Потом я начинал его тискать. Он вырывался. Он ходил с нами везде, даже в кино на утренние сеансы по четвергам. Платила, конечно, Бабушка. Мы смотрели по три сеанса подряд. Цена была за любое место одна и та же – франк. В полной тишине, без разговоров, без музыки, без слов, только шум мотора. Потом опять сначала... Мы уставали до такой степени, что могли только спать и видеть сны. И снова увидеть «Путешествие на Луну»²⁴... Я и сейчас помню его наизусть.

Часто летом на первом сеансе мы были в зале одни. Каролина и я. В конце билетерша давала нам знак, что пора уходить. Я будил собачку и Бабушку. Потом мы пробирались сквозь толпу, Бульвары и сутолоку. Каждый раз мы опаздывали. И приходили совсем запыхавшимися.

«Тебе понравилось?» – спрашивала меня Каролина. Я ничего не отвечал, я не любил такие вопросы. «Скрытный ребенок», – говорили обо мне соседи...

Когда мы возвращались, на углу Пассажа она покупала для меня у торговки «Занимательные приключения с картинками»²⁵. Она прятала их себе в штаны, под три толстые юбки. Отец не хотел, чтобы я читал всякую чушь. Он говорил, что это сбивает меня с толку, не готовит к жизни, лучше бы я учился грамоте по серьезным произведениям.

Мне скоро должно было исполниться семь лет, и я готовился пойти в школу, не следовало сбивать меня с толку... Другие дети лавочников тоже собирались в школу, так что было уже не до шуток. Приходя с доставки, он произносил мне небольшие проповеди о сложности жизни.

Но этой болтовни все же было недостаточно.

* * *

Мой отец, предчувствуя, что я, без сомнения, буду вором, начинал выть, как тромбон. Однажды я вместе с Томом опустошил сахарницу. Этого он не мог забыть. К тому же у меня был еще один недостаток: все время грязный зад, я не вытирал его, у меня не было времени, оно и понятно, все вокруг очень спешили... Всякий раз, когда я собирался хоть как-то подтереться, я получал пощечину за опоздание... потому торопился... Оставлял дверь открытой, чтобы слышать, не идет ли кто... Я какал, как птичка, в перерыве между грозами...

Я убежал на другой этаж, чтобы спрятаться... Неделями я ходил с коркой на заднице. Я знал, что от меня пахнет, поэтому немного стеснялся людей.

²⁴ «Путешествие на Луну» – театр Робер-Гудэн, по имени знаменитого фокусника Гудини (1805–1871), находился в доме № 8 на Бульваре Итальянцев. В 1888 г. его купил Жорж Мелисс, который показывал там свои фильмы. «Путешествие на Луну», фильм продолжительностью в шестнадцать минут, был создан в 1902 г. Селин вспоминал об этом в 1959 г. по поводу запуска спутника «Лунник».

²⁵ «Занимательные приключения с картинками» – действительно с 1904 г., когда Луи Детушу было 10 лет, выходил детский журнал «Занимательные приключения с картинками». Там печаталась история, персонажи которой очень напоминали персонажей легенды о короле Крогольде.

«Он грязный, как стадо свиней! Он совершенно себя не уважает! Он ничего не добьется в жизни! Его выгонят с любой работы!..» Мое будущее представлялось ему ужасным...

«От него воняет!.. Он будет висеть на нашей шее!..»

Отец все усложнял, он заглядывал слишком далеко вперед. Он подкреплял свои слова латынью: *Sana... Corpro sano...* Моя мать не знала, что ответить.

* * *

Поблизости от нас в Пассаже жила семья переплетчиков. Их дети никуда не выходили. Мать их была баронесса де Караваль. Она боялась, что ее дети научатся грубым словам. Круглый год они играли за решеткой, через которую могли высунуть только носы и руки. Лица их были цвета цикория.

Раз в год мадам Караваль уезжала в отпуск навестить своих кузенов в Перигор. Она всем рассказывала, что родители встречали ее на вокзале в собственном экипаже, запряженном четырьмя великолепными лошадьми. Они ехали по своим бесконечным владениям... На аллею, ведущую к замку, сбегались крестьяне и становились на колени на всем пути следования кареты... Так она рассказывала.

Однажды она взяла с собой своих мальчиков. Вернулась она одна, зимой, гораздо позже, чем обычно. В глубоком трауре. Ее лица не было видно за вуалью. Ничего не объясняя, она поднялась наверх и легла. Больше она ни с кем не разговаривала.

Для мальчиков, которые никогда не выходили, переход из одного состояния в другое оказался слишком резким. Они умерли от свежего воздуха!.. Эта трагедия заставила всех задуматься. От улицы Терез до площади Гайон говорили только о кислороде... Так продолжалось больше месяца...

* * *

Что касается нас, то мы могли часто выезжать за город. Дяде Эдуарду, маминому брату, очень хотелось доставить нам удовольствие. Он предлагал ездить на прогулки. Папа никогда не принимал подобных приглашений. Он всегда находил предлог, чтобы отказаться. Он не хотел быть обязанным никому, это был его принцип.

Дядя Эдуард был очень современным и хорошо разбирался в технике. Он был ловок и своими руками мог делать все что угодно. У него не было лишних денег, и он не собирался нам навязываться, но без него любая поездка обошлась бы нам довольно дорого... «Сто су, – говорила моя мать, – улетучиваются сразу, как только выходишь на улицу!»

Грустная история Караваль настолько взволновала Пассаж, что последствия не замедлили сказаться. Вдруг оказалось, что все вокруг «бледненькие». В лавках и магазинах друг другу давали советы... Теперь думали только о микробах и эпидемиях. Дети ощутили, как возросла родительская забота. В них пытались влить бутылки, целые цистерны рыбьего жира. Откровенно говоря, это ничего не давало... И вызывало только рвоту. Они все зеленели – на воздух они не выходили, и рыбий жир отбивал у них всякий аппетит.

Надо сказать, что Пассаж был идеальным местом для гниения. Он был просто предназначен для того, чтобы подыхать медленно, но верно в собачьей моче, уличной грязи, дерьме и запахе газа. Здесь было более смрадно, чем в тюрьме. Солнце вставало за стеклянной крышей такое тусклое, что даже свеча казалась ярче. Все начали задыхаться. Теперь Пассаж осознавал, что он задыхается!.. Теперь говорили только о горах, долинах и прочих красотах...

Эдуард в очередной раз предложил нам прогуляться в воскресенье до Фонтенбло. Отец наконец согласился. Он приготовил нам одежду и припасы.

Первый трехколесный мотоцикл дяди Эдуарда был одноцилиндровый, приземистый, как гаубица, с полуфиакром.

В это воскресенье мы встали еще раньше, чем обычно. Мне тщательно вытерли задницу. Целый час мы ждали на улице Гайон, пока придет машина. Отправиться в такую длительную поездку было непросто. Мы шестером толкали мотоцикл от моста Бине. Мы заправились. Форсунка постоянно протекала. Руль прокручивался в обратную сторону... Один за другим раздавались ужасные взрывы. Пробовали заводить, то резко, то плавно... После трех попыток... или шести... Раздается сильный взрыв!.. Мотор начинает работать... Еще два или три он загорался... Его тушили... Мой дядя сказал: «Садитесь, господа, садитесь! Я думаю, что он наконец разогрелся! Мы можем ехать!..»

Нужно было большое мужество, чтобы сесть туда. Вокруг собралась толпа. Мы втиснулись на сиденье. Каролина, мать и я. Мы были так завалены разными вещами, что я мог двигать только языком. Перед отъездом мне отвесили хорошую оплеуху, давая понять, что мне далеко не все позволено.

Машина сперва встала на дыбы, потом рухнула на три колеса... Дернулась два-три раза... Ужасный треск и чиханье... Толпа в испуге отхлынула. Казалось, что все кончено... Но колымага, вся сотрясаясь, поехала по улице Реомюр... Мой отец взял напрокат велосипед. На каждом подъеме он подталкивал нас... Малейшая остановка могла оказаться роковой... Нас, в сущности, все время нужно было подталкивать... У сквера Тампль сделали остановку.

Потом опять рванули с места. Всю дорогу дядя лил масло во все дыры. Наша машина напоминала пассажирское судно. В переднем отсеке намечался аврал. Моей матери уже было плохо. Но если остановить машину, мотор может больше не завестись... Он заглохнет, и мы пропадем!.. Моя мать держится героически. Дядя, в своем шлеме, сидя за рулем в самом аду, окруженный множеством язычков пламени, умоляет нас держаться крепче!.. Отец едет за нами по пятам. Он жмет на педали и готов прийти к нам на помощь. Он подбирает все, что отваливается по дороге: части двигателя и болты, маленькие винтики и большие детали. Даже за треском мотора слышно, как он ругается и все проклинает.

И все это из-за мостовых... На мостовых в Клиньянкуре²⁶ нас подбрасывает выше деревьев... У переезда Ванв²⁷ наши передние рессоры полетели... Мы растеряли все фары и клаксоны в придорожных канавах Вилетт... Ближе к Пикпю²⁸ и Большой дороге мы потеряли столько всего, что отец сбился со счета...

Я слышал, как он ругается сзади: «Это будет конец света!.. Если нас в дороге застанет ночь!»

Том бежит впереди нас и оставляет везде следы из дырки под хвостом. Ему удавалось пописать везде. Дядя Эдуард был просто гением в механике. К концу поездки он держал все в своих руках. Его пальцы были... как инструменты, в промежутках между толчками он жонглировал стержнями и запросто исправлял поломки, он касался поршней, как клапанов кларнета. Только потом все детали опять начинали сыпаться на дорогу... Машина кренилась, вихляла и ползла в сторону кювета. Все трещало, брызгало, фыркало и грозило развалиться.

Все это происходило под аккомпанемент воплей моего отца... Машина издала последний крик: «Буаа!» И все было кончено! Эта дрянь успокоилась!

Воздух был отравлен отвратительным зловонием отработанной смазки. Все выбрались из катафалка... И вместе толкали его до Аньер, там был гараж. Мой отец работал своими мощными икрами в шерстяных чулках... Местные дамы любовались им. Моя мать была горда... Для охлаждения мотора у нас имелось маленькое пластмассовое ведро. Мы пошли к фон-

²⁶ Клиньянкур, Ванв – ближайший парижский пригород.

²⁷ Ванв – парижский пригород.

²⁸ Пикпю – бывшая деревня, ныне один из кварталов Парижа в 12-м округе.

тану. Наша трехколесная машина была настоящим чудом. Пока мы ее толкали, мы изорвали себе одежду в клочья: отовсюду торчали разные крючки и острые концы...

У шлагбаума дядя и отец зашли в бистро выпить пива. Я и дамы упали на скамейку перед бистро и, откашливаясь, дожидались лимонада. Все были измучены. Над нашей семьей опять нависла гроза. Огюсту нужна была разрядка, он долго искал какой-нибудь предлог. Сопел и принюхивался, как бульдог. Лучше всего подходил я. Другие могли бы ответить... Он выпил стакан перно, что было против его правил, скорее, это можно было назвать причудой... За то, что я разорвал брюки, меня ожидает большое наказание. Мой дядя пытается вступиться, это злит отца еще больше.

Перед возвращением из деревни я получаю несколько сильных оплеух. На переездах всегда бывает много народу. Я нарочно заревел изо всех сил, чтобы его разозлить. Я старался привлечь всеобщее внимание, упал и катался под столиками. Он был ужасно смущен, весь покраснел. Он не выносил, когда все на него смотрели. Чтоб он сдох! Мы уехали на своем драндулете, трусливо пригнувшись.

Всякий раз, когда мы возвращались с прогулки, было столько шума и скандалов, что дядя в конце концов отказался от своей затеи.

Все говорили: «Мальчику, несомненно, полезен свежий воздух!.. Но автомобиль плохо на него действует!..»

* * *

Не передать, какой сволочью была мадам Меон из лавки напротив. Она цеплялась к нам по малейшему поводу, сплетничала, к тому же была завистлива. Но у нее хорошо продавались корсеты. За сорок лет у старухи сложилась постоянная клиентура из мамаш и их дочек. Причем таких, что далеко не всякому согласились бы показывать свою грудь.

Это Том подлил масла в огонь, и все из-за своей привычки гадить у витрин. Правда, он был не одинок. В нашей округе все собаки делали то же самое. Пассаж был местом их прогулок.

Меонша явилась специально, чтобы спровоцировать мою мать на скандал. Она орала, что наш паршивый пес загадил ей всю витрину... Слова разносились из магазина до самой стеклянной крыши. Прохожие слушали с интересом.

Этот спор оказался роковым. Бабушка, всегда сдержанная, ответила ей довольно резко.

Когда отец вернулся из конторы и все узнал, он впал в такую бешеную ярость, что страшно было смотреть! Он так ужасно таращил глаза на витрину этой почтенной дамы, что мы опасались, как бы он ее не задушил. Мы удерживали его, повиснув на его пальто... Он вдруг стал сильным, как трехколесная машина. Волочил нас за собой по лавке... Вопил, что сейчас растерзает в клочья эту проклятую корсетницу... «Мне не надо было тебе этого рассказывать!..» – лепетала мать. Но зло было уже сделано.

* * *

В течение последующих недель меня оставили в покое. Отец был поглощен другим. Как только у него выдавалась свободная минута, он начинал пялить глаза на Меоншу. Она занималась тем же. Они следили друг за другом из-за занавесок. Вернувшись из конторы, он обдумывал, что она теперь может сделать. Все происходило визави... Когда она находилась в кухне на первом этаже, он тоже забивался в угол нашей кухни. Он изрыгал ужасные проклятия...

«И как только эта старая сволочь не отравится!.. Не обожрется грибами и не проглотит свою вставную челюсть!.. Да и толченое стекло она, наверное, не любит!.. Ах, падаль!..» Он наблюдал за ней постоянно. Его больше не интересовали мои дурные наклонности... В некотором смысле это было даже удобно.

Другие соседи старались избегать лишнего шума. Собаки гадили всюду, и на их витрины тоже, не только на витрину Меонши. Напрасно они окуривали все серой, Пассаж Березина оставался своеобразной сточной канавой. Желание помочиться привлекало сюда всех. На нас мог мочиться каждый, кто хотел, даже взрослые, особенно когда на улице шел дождь. Сюда заходили специально для этого. А в небольшую канавку на улице Приморгея даже срали. Жаловаться было некому. Часто это делали наши покупатели, с собаками и без них. Наконец, моему отцу стало недостаточно одной Меонши, и он стал цепляться к Бабушке.

– Посмотрите на эту старую сволочь с ее грязным кобелем, я знаю, что она задумала!.. Ты не понимаешь!.. Она хитрая!.. Лживая! Она ее соучастница! Точно! Они хотят мне все испортить!.. И уже давно! Ах вы, две суки!.. Зачем? Ты меня еще спрашиваешь? Чтобы вывести меня из себя! Вот! Вот зачем!..

– Да нет, Огюст, я тебя уверяю!.. Ты выдумываешь! Ты преувеличиваешь каждую мелочь!..

– Я выдумываю? Может, еще скажешь, что я вру?.. Оставь! Это ты выдумываешь! Ах! Клеманс! Ты несправима! Жизнь ничему тебя не научила!.. Нас преследуют! Нас попирают! Над нами издеваются! Меня бесчестят! А ты что говоришь? Что я преувеличиваю?.. Дальше просто некуда!

И вдруг он разрыдался... Пришла и его очередь.

* * *

В Пассаже не одни мы продавали круглые и овальные столики и маленькие обитые репсом стулья времен Людовика XVI. Наши конкуренты заняли сторону Меонши. Этого и следовало ожидать. Отец потерял сон. Ему казалось ужасным, что каждое утро, перед тем как отправиться в контору, он должен был чистить двор и все канавы перед нашей лавкой.

Он выходил с ведром, метлой, мешком и маленькой лопаткой, предназначенной, чтобы собирать фекалии и бросать их в опилки. Для такого образованного человека это было большим унижением. Фекалий становилось с каждым днем все больше и больше, и именно перед нашим домом. Это было похоже на заговор.

Меонша скалила зубы из своего окна первого этажа, глядя, как отец сражается с говном. Весь день она ходила веселая. Прибегали соседи, чтобы сосчитать кучи дерьма.

Заклучались пари, что он не сможет убрать все.

Он торопился, ему нужно было еще надеть воротничок и галстук. Он должен был поспеть в «Коксинель» раньше других, чтобы разобрать почту.

Барон Мефэз, директор, мог положиться только на него.

* * *

Именно тогда в семье Кортилен произошла трагедия. Любовная драма в 147-м в Пассаже. Об этом восемь дней писали во всех газетах. Огромная толпа зевак галдела перед их лавкой.

Я часто видел мадам Кортилен, потому что мама продавала ей ирландские корсажи с гипюровыми вставками. Я хорошо помню ее длинные ресницы, исполненные нежности взгляды и то, как она строила глазки даже мне. Я часто дробил на нее.

Во время примерки обнажаются плечи, грудь... Как только она уходила, я бросался в уборную на третий этаж, чтобы снять возбуждение. Я спускался вниз с кругами под глазами.

У них тоже часто бывали сцены, но в основном из-за ревности. Ее муж не разрешал ей никуда отлучаться. Он ходил все время один. Это был маленький вспыльчивый брюнет, офицер в отставке. Он торговал резиновыми изделиями в 147-м. Дренажи, инструменты, разная мелочь...

В Пассаже все говорили, что она слишком красива для такой лавки...

Однажды ревнивец внезапно вернулся. Он обнаружил, что его красотка беседует на первом этаже с двумя господами, этого оказалось достаточно, чтобы он выхватил револьвер и выстрелил сперва в нее, а потом себе в рот.

Они умерли в объятиях друг друга.

Он отсутствовал всего пятнадцать минут.

* * *

Револьвер моего отца представлял собой модель устаревшего образца и хранился в ночном столике. Он привез этот огромный револьвер из армии.

Драма Кортилен могла дать моему отцу лишний повод для еще больших истерик и ругани. Но он, напротив, замкнулся. Он больше почти не говорил с нами.

Перед нашей дверью и в канаве фекалий было в избытке. Мимо ходило столько народу, что они спрессовывались. Он все чистил. Он не говорил больше ни слова. Это так не походило на его обычное поведение, что мама стала следить за ним, когда он запирался в комнате. Он оставался там часами, пренебрегая доставкой. Он больше не рисовал. Она подсматривала за ним в замочную скважину. Он брал свою пушку в руки, крутил барабан, раздавалось «щелк! щелк!..» Можно было подумать, что он тренируется.

Однажды он куда-то ушел и вернулся с целой коробкой патронов, открыл ее перед нами, чтобы мы хорошенько рассмотрели. Он не сказал ни слова, поставил ее на стол рядом с лапшой. Моя мать бросилась перед ним на колени и умоляла его выбросить все это на помойку. Но он уперся. Ничего не отвечал. Грубо ее оттолкнул. Один выпил целый литр красного вина. Он не хотел есть. Моя мать так приставала к нему, что он затолкал ее в стенной шкаф. Сам он залез в погреб. И закрыл за собой люк.

Слышно было, как он стреляет: «Бах! Бах! Бах!..» Он вошел в раж, раздавался треск, бухало сильное эхо. Должно быть, он стрелял в пустые бочки. Моя мать надрывалась, кричала через щель...

– Огюст! Огюст! Я тебя прошу! Подумай о малыше! Подумай обо мне! Фердинанд, позови своего отца!..

– Папа! Папа! – вопил я в свою очередь...

Я ломал голову: кого же он собирается убить? Меоншу? Бабушку Каролину? Обоих, как Кортилен? Но их же нужно было еще подкараулить вдвоем.

Бах! Бах! Бах!.. Он не прекращал стрельбу... Сбежались соседи... Они думали, что здесь произошло убийство...

Наконец у него кончились патроны. Он поднялся... Когда он открыл люк, он был бледен как смерть. Его окружили, взяли под руки, усадили в кресло времен Людовика XIV в центре магазина. С ним говорили очень ласково. Револьвер еще дымился у него в руке.

Мадам Меон наложила в штаны от страха, услышав эту пальбу... Она прибежала, чтобы посмотреть. Тогда при всех моя мать высказала ей все, что она о ней думает. Удивительно, как она решилась.

– Входите! Посмотрите! Посмотрите, мадам! До какого состояния вы его довели! Честного человека! Отца семейства! У вас нет совести! Ах! Вы низкая женщина!..

Меонша ничего не ответила. Она быстро вернулась к себе. Соседи смотрели на нее осуждающе. Они поддерживали отца. «Мне все надоело!» – пробормотал он тихо. Месье Визьо, торговец трубками, семь лет служивший на флоте, увещевал его.

Моя мать завернула оружие в газету, а потом в индийскую шаль.

Отец лег. Она поставила ему банки. Его трясло еще часа два...

«Пойдем, малыш!.. Пойдем!..» – позвала она меня, когда мы остались одни.

Было уже темно, когда мы добежали по улице Пирамид до Королевского моста... глянули направо, налево, нет ли кого. И бросили пакет в воду.

Назад мы вернулись еще быстрее. Отцу сказали, что провожали Каролину.

На следующее утро он был весь разбит... не мог даже выпрямиться. Еще по крайней мере неделю мама убирала двор сама.

* * *

Бабушка очень не доверяла всевозможным затеям с Выставками²⁹. Одна из них, в 1882 году, только повредила мелкой торговле, ибо вынудила всяких идиотов тратить деньги на пустяки. От этой шумихи, волнений и суматохи осталось только две или три больших площадки, так заваленных строительным мусором, что и через двадцать лет никто не хотел его убирать... Не говоря уже о двух эпидемиях, которые ирокезы, дикари, черные, желтые и коричневые завезли из своих стран.

Новая Выставка наверняка будет еще хуже. Не обойдется без холеры. Бабушка была уверена в этом.

Покупатели уже стали экономить, они припасали карманные деньги, отговаривались и кривлялись, ждали, когда «начнется»! Грязная банда отвратительных крикунов. Мамины серьги уже не покидали ломбард.

– Если бы нужно было заставить крестьян уйти из деревни, им предложили бы бал в Трокадеро!.. Там хватит места для всех! Они не остановились бы перед тем, чтобы ради этого полностью разрушить город и перекрыть Сену!.. Но подобная авантюра не стоит таких затрат! Нет!

Вот какие доводы приводила Бабушка Каролина. Как только она ушла, отец сразу начал ломать себе голову и гадать, что она хотела сказать этими горькими словами...

Он обнаружил скрытый смысл... личные намеки... Что-то вроде угрозы... Он сразу решил защищаться...

– Я запрещаю рассказывать ей о моих делах!.. Выставка? Клеманс, знаешь, что я тебе скажу? Это предлог! Чего добивается твоя мать? Хочешь знать? Я это почувствовал с самого начала. Нашего развода!.. Вот!..

Потом он указал на меня, я сидел в углу, неблагодарный! Маленький скрытный иждивенец... Ради которого стольким жертвовали... Я... с дерьмом на заднице... Мои фурункулы... и огромное количество обуви, которая мне нужна... Я был здесь!.. Все это касалось меня, я всегда был козлом отпущения...

– Ах! Господи Боже мой! Если бы только его не было! Ах! Какой кошмар? Ну и ну! Уфф! Ах! Я уверяю тебя, что это нужно было сделать уже давно!.. Очень давно! Ни секунды более! Ты слышишь? Сейчас же! Черт побери! Если бы не было этого сопливого дерьма! Она бы не лезла к нам! Я-то знаю! Развод! Ах! Развод!..

Он корчился в судорогах. Становился похожим на дьявола, совсем как в кино, и к тому же ругался...

– Ах! проклятый сволочной бордель! Свобода! Ах! Самоотверженность? Да! Отречение? Да! Лишения? Ах! Ах! Все! Все! Все! Все и всегда только ради этого дерьмового выродка! Ах! Ах! Свобода! Свобода... – Он исчезал за кулисами. Бил себя в грудь, и глухие звуки раздавались все громче.

²⁹ Универсальные Парижские выставки состоялись соответственно в 1855 г. (Дворец Индустрии), в 1867 г. (Марсово Поле), в 1878 г. (Марсово Поле и Трокадеро, постройка Дворца Трокадеро), в 1889 г. (Марсово Поле и Трокадеро, постройка Эйфелевой башни и галереи Машин) и в 1900 г. (постройка Гран-Пале и Пти-Пале). В 1882 г. никакой выставки не было – Селин путает даты.

При одном слове «развод» моя мать начинала биться в конвульсиях...

– Но я делаю все что могу, Огюст! Ты же прекрасно знаешь! Я разрываюсь на части! На десять частей! Ты же видишь! Все будет хорошо! Я клянусь тебе! Я тебя умоляю! Когда-нибудь мы будем счастливы втроем!..

– Я тоже делаю все что могу! Хо! Ах! – отвечал он надменно. – Сколько можно!

Она целиком предавалась своему горю, это уже напоминало потоп.

– Он будет порядочным человеком! Увидишь! Клянусь тебе, Огюст! Не нервничай! Позже он все поймет!.. Он тоже будет делать все что сможет... Он будет, как мы! Он будет таким, как ты! Увидишь! Он будет, как мы!.. Да, малыш?..

* * *

Мы снова отправились на доставку. Мы видели, как на углу площади Конкорд сооружают огромные монументальные ворота. Они были так изящно и искусно сделаны, все в разных завитках и безделушках снизу доверху, что напоминали гору в подвенечном платье. Каждый раз, когда мы проходили мимо, мы видели, как мастерят что-то новое.

Наконец леса сняли. Все было готово к приему посетителей... Сначала мой отец старался не обращать внимания на эти сооружения, но однажды в субботу все же отправился туда один...

Ко всеобщему удивлению он был в восторге... Счастливый, довольный, как ребенок, который увидел Фею...

Все соседи из Пассажа, конечно кроме Меонши, прибежали послушать его. Было уже десять часов вечера, а он все очаровывал их своими рассказами. Меньше чем за час отец все успел рассмотреть, все посетить, все изучить и даже больше, чем изучить, – все, от павильона с горными змеями до Галереи Машин³⁰ и Северного полюса с каннибалами...

Визьо, который, будучи в свое время марсовым, путешествовал гораздо больше отца, заявил, что это восхитительно. Он никогда бы не подумал!.. Ведь он кое-что в этом понимает. Мой дядя Рудольф, с самого начала изображавший на аттракционах трубадура, присутствовал здесь не как иллюстрация рассказа. Он просто находился в лавке вместе с другими, наряженный в лохмотья, хихикал без причины, делал птичек из бумаги и ждал ужина.

Мадам Меон в своем окне была очень обеспокоена тем, что все соседи собрались у нас. Она подозревала, что готовится заговор. Бабушке возбуждение отца внушало отвращение. Она не приходила к нам восемь дней. Каждый вечер он начинал свой рассказ, и все с новыми подробностями. Рудольф получил бесплатные билеты, и в воскресенье мы все втроем устремились в эту толчею.

На площади Конкорд толпа буквально втянула нас внутрь. Не успев прийти в себя, мы очутились в Галерее Машин, происходящее напоминало стихийное бедствие в прозрачном соборе, сделанном из стекла. Здесь стоял такой шум, что моего отца уже не было слышно, но он все же продолжал надрываться. Пар вырывался из всех отверстий. Там были чудесные кастрюли высотой в три дома, сверкающие рычаги, проникающие, казалось, в самый ад... Под конец мы дрогнули, не выдержали и вышли... Мы пошли посмотреть большое Колесо... Но все-таки на берегу Сены было лучше.

Площадь была украшена просто потрясающе... Два ряда огромных пирогов, фантастические пирожные с кремом, забитые балконы, пляски цыган, закутанных в яркие ткани, при свете маленьких лампочек, горевших, хоть и был день. Расточительность. Бабушка была права. Мы пошли дальше, стиснутые со всех сторон. Я находился на уровне ног, было столько пыли, что я не видел, куда иду. Я глотал ее и выплевывал что-то вроде цемента... Наконец мы дошли

³⁰ Галереи Машин.

до «Северного полюса»... Приветливо улыбающийся путешественник, закутанный в меха, что-то рассказывал, но так тихо, как будто по секрету, почти ничего не было слышно. Отец сразу ввел нас в курс дела. Наступило время кормления тюленей... Они так сильно верещали, что выдержать было невозможно. Мы опять ушли.

В большом Лимонадном дворце мы издали увидели на красивом движущемся прилавке прекрасный бесплатный оранжад... Но нас от него отделяла целая толпа... Возбужденные люди стремились добраться до стаканов. Жажда безжалостна. От нас вообще ничего не осталось бы, решишь мы туда полезть. Мы ретировались через другой выход... И пошли к туземцам...

Мы увидели только одного за решеткой, он варил себе яйцо. Он не смотрел на нас, поворачиваясь к нам спиной. Здесь было тихо, и мой отец снова принялся с воодушевлением разглагольствовать, ему хотелось посвятить нас в экзотические обычаи тропических стран. Он никак не мог остановиться, негру это тоже надоело. Он ушел в свою хижину, предварительно плюнув в нашу сторону... Но я уже ничего не видел и не мог открыть рот. Я так надышался пылью, что у меня все было забито. Мы двинулись к выходу, попадая из одного водоворота в другой. Я ковылял и спотыкался до самого Собора Инвалидов. Нас едва можно было узнать, до такой степени мы были измяты, задерганы, измучены усталостью и волнениями. Мы пошли самой короткой дорогой... К рынку Сент-Оноре. Дома мы первым делом выпили на кухне всю воду.

Сразу же пришли соседи: Визьо, наш марсовый, торговец парфюмерией из 27-го, перчаточница мадам Грата, Дориваль, кондитер, месье Перукьер, им не терпелось узнать новости, послушать наши рассказы... Обо всем... Везде ли мы были?.. Не потерялся ли я?.. Сколько потратили?.. У каждого турникета?..

Папа рассказывал все с тысячей подробностей... самых точных... и незначительных... Моя мать была довольна, она чувствовала себя вознагражденной... В кои-то веки Огюста все уважают... Она гордилась им... Он выпятил грудь. Его все слушают... Она понимала, конечно, что это вранье... Но в этом и заключается образованность... Она страдала не зря... Она доверяла ему свою судьбу... Он умен... Сейчас это особенно заметно. Остальные придурки слушали, раскрыв рты... От восхищения.

Отец рисовал перед ними картину за картиной так же легко, как дышал... в нашей лавке появилось что-то волшебное... Газ потух. Он один развертывал перед нами представление в тысячу раз более удивительное, чем четыре дюжины Выставок... Его не устраивало газовое освещение!.. Только свечи!.. Наши знакомые, владевшие пунктом проката, принесли свечи, найденные на антресолях. К нам стали захаживать каждый вечер, чтобы послушать отца, и все просили рассказывать и рассказывать...

Его авторитет ужасно возрос... Никто никогда не слышал ничего подобного. А Меонша под конец заболела... противоречивые чувства переполняли ее... Ей передавали все, каждое слово...

Примерно на пятнадцатый вечер она не выдержала... Она вышла совсем одна и прошла через Пассаж... Ее можно было принять за привидение... В ночной рубашке. Она постучала в нашу витрину. Все обернулись. Она не сказала ни слова. И приклеила бумагу, на которой было написано коротко большими печатными буквами: «ВРАЛЬ»...

Все рассмеялись. Очарование было разрушено... Все разошлись по домам... Отцу больше было нечего сказать...

* * *

Гордостью нашей лавки был круглый столик на одной ножке времен Людовика XV, он стоял посередине, единственная вещь, в подлинности которой мы были уверены. К нему часто приценивались, но мы не спешили его продавать. Нам нечем было бы его заменить.

Бретонте, наши знакомые клиенты из Фобур, заметили его уже давно... Они попросили одолжить его для театральной постановки, они ставили в своем особняке комедию вместе с другими представителями высшего общества. Они дружили с Пинезами, и с Курманшами, и с Доранжами, у которых были совершенно косоглазые дочери, и со многими другими, кого так или иначе тоже можно было считать нашими клиентами... Жирондэ, Камадур и де Ламбист, родственники послов... Сливки общества!.. Все это должно было состояться в воскресенье. Мадам Бретонте была уверена, что их постановка будет иметь большой успех.

Она раз десять приходила к нам в магазин и приставала... Мы не могли ей отказать, к тому же это было с благотворительной целью.

Чтобы с нашим столиком ничего не случилось, мы сами отвезли его утром на фиакре, завернув в три одеяла. Мы пришли точно в назначенное время, чтобы занять три места, три табуретки, рядом с выходом.

Занавес еще не подняли, но все было восхитительно, дамы в роскошных туалетах шушукались и обмахивались веерами. От них исходили одуряющие запахи... Моя мать узнавала на них все достопримечательности своего магазина. Болеро, кружевные брыжи, из коллекции «Шантильи». Она даже помнила, что сколько стоило. Она восхищалась фасонами... Как эти кружева им к лицу!.. Как все это им идет!.. Она сияла.

Перед тем как выйти из лавки, меня предупредили, что, если я буду распространять вонь, меня скрутят прямо во время спектакля. Я подтерся так основательно, что все возможные источники запахов были перекрыты. Даже мои ноги в тесных башмаках «модного» фасона были вымыты...

Наконец все расселись. Нас призвали к тишине. Занавес поднялся... Появился наш столик... на самой середине сцены... совсем как у нас в лавке... Это нас успокоило... Удар по клавишам пианино... и звучат первые реплики... Ах! какие изысканные интонации!.. Все персонажи уходят, приходят и прохаживаются в ярком свете... Какие они замечательные... Они спорят... Ругаются... Приходят в ярость... Но становятся все обворожительнее... Я полностью очарован... Я хотел бы, чтобы они повторили все сначала... Я не все понимаю... Но я покорен душой и телом... Все, к чему они прикасаются... Их малейшие жесты... самые обычные слова околдовывают меня... Все вокруг стали аплодировать, мы с родителями не осмеливаемся...

На сцене я узнаю мадам Пинез, она просто божественна, я и сейчас вижу ее бедра, трепетание груди... Она грустит в своем воздушном пеньюаре... на диване, обитом шелком... Она измучена, рыдает... Она страдает из-за Доранжа, другого нашего клиента... Он разносит ее в пух и прах, она уже не знает, куда деваться... Но он, коварный, чтобы сорвать поцелуй, заходит сзади, пользуясь тем, что она плачет, облокотившись на наш столик, ибо душа ее растоптана. А затем еще тысячи ласк... Для меня это в диковинку... Тогда она признает себя побежденной... грациозно откидывается на канапе... Он целует ее взасос... Она теряет сознание... выпускает дух... Вот это работа!.. Он вертит задом...

Меня захватывает пьеса... изысканная вежливость... сочная глубокая мелодия... Сколько поводов подрочить!..

Следует отметить, что наш столик очень все украшает!.. Все! Он облагораживает руки, локти, животы, прикасающиеся к нему... Пинезиха прижалась к нему так сильно, что даже на расстоянии было слышно, как он затрещал, но самым ужасным был момент, когда красавец Доранж в самую трагическую минуту захотел сесть на него... У мамы кровь застыла в жилах... К счастью, он тотчас же вскочил... почти сразу... В антракте она беспокоилась, не вздумается ли ему это повторить... Мой отец понимал все в этой пьесе... Но он был слишком взволнован, чтобы об этом говорить...

На меня это тоже произвело впечатление. Я даже не притронулся к напиткам и печенью, которые предлагали в антракте... Это у аристократов такая привычка – смешивать жратву с

возвышенными чувствами... Этим обезьянам все равно! Только бы жевать... Они никогда не прерывают это занятие. Они способны проглотить за один присест розу и дерьмо...

Снова начался спектакль... Второй акт прошел как сон... Потом чудо закончилось... Мы опять очутились среди совершенно обычных людей и вещей. Мы втроем оставались на своих табуретках, не решаясь пошевелиться... Мы терпеливо ждали, пока разойдется толпа, чтобы забрать наш столик... Потом подошла какая-то дама и попросила нас подождать еще немножко... Мы согласились... Мы увидели, как занавес снова поднимается... Мы узнали всех недавних актеров, они сидели вокруг нашего столика. И играли в карты. Пинез, Колуманш, Бретонте, Доранж и старый банкир Круан... Они сидели лицом друг к другу.

Круан был забавный старичок, он часто заходил к моей Бабушке на улицу Монторгей, он всегда был очень любезен, душился фиалкой, от него разило на всю лавку. Единственное, что его интересовало, это шнурки от колокольчиков стиля ампир, он их коллекционировал.

Партия за столиком началась весьма благопристойно. Все очень любезно обменивались картами, а потом немного разозлились и стали разговаривать чуть суше, совсем как в театре... Они беседовали как будто понарошку. Называли цифры. Карты хлопали, как затрещины. Дочери Доранж за спиной своего отца ужасно косили. Матери, жены – каждая болела за своего. Они скорчились на стульях у стены, затаив дыхание. Игроки поменялись местами. На столике скапливались деньги... Груда увеличивалась... Старый Круан обеими руками вцепился в столешницу... Куча перед Пинезами все увеличивалась, раздувалась... как живое существо... От этого они даже побагровели... Бретонте напротив... Они проигрывали... Были совсем бледные... перед ними не оставалось больше ни одного су... Мой отец тоже побледнел. Я спрашивал себя, что он сейчас предпримет! Мы уже по меньшей мере два часа ждали, когда это кончится... Они совсем забыли про нас...

Вдруг Бретонте выпрямились... Они предлагали новую ставку... Свой замок в Нормандии! Они во всеуслышание заявили об этом... На три карточных тура!.. Выиграл маленький Круан... Но нельзя сказать, что у него был очень довольный вид... Отец семейства Бретонте встал снова... Он прошептал: «Я ставлю особняк!.. Особняк, в котором мы находимся!..»

Мою мать как будто громом поразило... Она подпрыгнула, как пружина... Отец не успел ее удержать...

Прихрамывая, она взобралась на сцену... Очень взволнованным голосом она сказала азартным игрокам: «Месье, медам, нам с мальчиком нужно уходить... Ему уже пора спать... Мы забираем наш столик...» Никто не стал возражать. Они просто потеряли голову... И смотрели перед собой пустыми глазами... Мы взяли наш столик... И стремительно унесли его... Мы боялись, что о нас вспомнят...

Дойдя до моста Сольферино, мы ненадолго остановились... Чтобы передохнуть...

Много лет спустя отец пересказывал все это... с неподражаемой мимикой... Моя мать плохо переносила этот рассказ... Он напоминал ей о слишком сильных волнениях... Отец показывал очень точно место на самой середине столика, откуда, как мы видели, улетучивались миллионы и миллионы, честь семейства и замки.

* * *

Бабушка Каролина потихоньку учила меня. Все же наконец я научился считать до ста и даже стал читать лучше, чем она. Мы уже дошли до таблицы умножения. Это было перед поступлением в школу.

Выбрали начальную школу на улице Женер, в двух шагах от нас, сразу за перекрестком Франк-Буржуа.

Пройдя по длинному коридору, мы попадали в класс. Окна его смотрели на маленький дворик, огороженный такой высокой стеной, что неба не было видно. Двор огородили черной

жестью, чтобы мы не глазели на улицу. Мы должны были заниматься только домашними заданиями и не беспокоить преподавателя. Я с трудом узнал бы его, я помню только его очки, длинную трость и манжеты.

Восемь дней Бабушка сама водила меня туда, на девятый я заболел. В середине дня меня привела домой уборщица...

Когда я пришел в лавку, у меня началась рвота. Я чувствовал, как по моему телу проходят волны лихорадки... разливаешься такой сильный жар, что мне казалось, это уже не я. Было бы даже приятно, если бы меня так не выворачивало. Моя мать сперва не принимала всего всерьез, она думала, что я просто объелся конфет... Но это было на меня не похоже... Она умоляла меня удерживать рвоту. В лавке было полно народу. Когда она вела меня в уборную, она боялась, что я запачкаю ей кружева. Мне становилось все хуже. Я наблевал целую раковину. Моя голова накалилась. Я не мог больше сдержать веселья... Развлечения, шалости стучали у меня в висках.

У меня всегда была большая голова, гораздо больше, чем у других детей. На меня никогда не налезали их береты. Мама вдруг вспомнила этот ужасный факт, пока меня рвало... Она начинала волноваться все больше.

«Послушай, Огюст, а вдруг у него менингит? Вот повезло-то!.. Нам только этой неприятности не хватало!.. Тогда уж действительно будет полный букет!..»

Под конец я уже не блевал... Я был нашпигован жаром... Я не скучал... Никогда не думал, что у меня в башке столько всего... Фантазии. Причудливые мечты. Сначала я видел все в красном цвете... как раздувшееся кровавое облако... Оно поплыло на середину неба... А потом развалилось... Оно приняло форму покупательницы небывалого размера! Колоссального роста. Она начала командовать нами... Там, наверху... В воздухе... Она ждала нас... Висела там... Она приказывала, мы должны были повиноваться... Делала знаки... Пусть все собираются!.. Пусть выметаются из Пассажа... И живо!.. Все вместе!.. Нельзя терять ни секунды!

А потом она спустилась, вошла под стеклянную крышу... Она заняла весь наш Пассаж... Она расхаживала, выпрямившись во весь рост... Она хотела, чтобы ни одного лавочника не осталось в лавке... ни одного нашего соседа в своей конуре... Даже Меонша пошла с нами. У нее выросли три руки, на которые были натянуты четыре перчатки... Я видел, что все идут веселиться. Слова танцевали вокруг нас, как вокруг актеров в театре... Живой ритм, неожиданные переходы, чудесные мелодии... Незабываемые...

Огромная покупательница набрала себе целую охапку наших кружев... Она стаскивала их прямо с витрины, даже не пытаясь спрятать, она вся была увешана гипюром, целыми мантиями, этого хватило бы на ризы для двадцати юре... Она постепенно увеличивалась, шелестя ажурными вставками...

Вся шантрапа, вся шушера из Пассажа... перекупщики зонтиков... Визь с кистетами для табака, дочери кондитера... Все ждали... Роковая мадам Кортилен тоже была здесь, рядом с нами... револьвер у нее за поясом источал благоухание... Оно окутывало все вокруг... Мадам Гунуйу в вуалетке, проведшая столько лет взаперти из-за своих гноящихся глаз, и сторож в треуголке переговаривались, нарядившись, как на праздник, у своего 31-го номера, и даже Гастон, один из умерших малышей из семьи переплетчиков, специально вернулся. Он сосал грудь своей матери. Он послушно лежал у нее на коленях и ждал, когда с ним пойдут гулять. Она держала его серсо.

С кладбища в Тье появилась тетка Армида, в Пассаж она приехала в коляске. Решила прокатиться... Она так состарилась с прошлой зимы, что у нее совсем не стало лица, только какая-то бесформенная масса... Я все же узнал ее по запаху... Она подала руку маме. Мой отец Огюст был уже готов, немного впереди всех, как всегда. Его часы висели у него на шее, здоровенные, как будильник. Он был одет необычно – в редингот, канотье, на пальце внуши-

тельный перстень, на эбонитовом велосипеде, чулки плотно облегли икры. В петлице у него был цветок, он всячески старался задеть меня своими насмешками. Моя бедная мать осыпала его комплиментами... Том примостился среди перьев на шляпе у старой клячи Меон и старался удержать равновесие... Она позволяла ему кусать всех прохожих.

Мы шли вслед за огромной покупательницей, к нам присоединялось все больше народу, она шествовала во главе процессии... Она все увеличивалась... Ей уже приходилось идти согнувшись, чтобы не разбить стеклянную крышу... Изготовитель визитных карточек выскочил из подвала, как раз, когда мы проходили мимо, он толкал перед собой тележку с двумя непонятными приспособлениями, он шел очень быстро... еще он тащил ворох банковских билетов... Все бумажки по сто франков... Только фальшивые... Это его темные делишки... Торговец музыкальными инструментами из 34-го, у которого был граммофон, шесть мандолин, три волынки и пианино, не желал ничего оставлять... Он хотел забрать все. На его витрину надавили, еще усилие – и она рухнула... Ужасный грохот!

Из кафе «Светский чердак»³¹ напротив 96-го вываливается оркестр великолепных музыкантов... Они располагаются вдали от великанши. Повторяют три популярных аккорда... Скрипки, волынки и арфы... Тромбоны и валторны выдувают ноты все выше и выше, получается так красиво и громко, что вся толпа вопит от восторга...

Вдруг скачут изящные худенькие официантки в воздушных чепчиках... Они порхают среди мандаринов... В 48-м три старухи, сидевшие взаперти с сорока двух лет, всегда такие предупредительные и внимательные с покупателями, крушат свой магазин ударами дубины... две старухи со вспоротыми животами издыхают на мостовой... Три старые карги привязывают себе к задницам жаровни, чтобы бежать быстрее... Огромная дама разбрасывает повсюду разные вещи... Краденые безделушки. Они сыплются у нее изо всех складок... Она растеряла все... И пытается подобрать... Около лавки ювелира Сезара ей кое-как удается сделать это...

Она вся покрыта фальшивыми цепочками и жемчугами... Все смеются... Она берет из миски и разбрасывает через окошечко в крыше пригоршни аметистов... Все становится фиолетовым. Топазами из другой миски она изрешетила стеклянную крышу... Сразу же все стало желтым... Мы прошли почти весь Пассаж... Огромная толпа впереди и позади нас... Продавщица писчебумажных товаров из 86-го, у которой я стащил множество карандашей, цепляется за мои штаны... А вдова, торговавшая старинными шкафами, в которые я столько раз писал, повсюду меня ищет!.. Я больше не смеюсь... Меня спасает продавец зонтиков, он прячет меня под зонтом.

Если меня заметит тетка Армида, мне придется поцеловать ее сырную голову...

Теперь дядя Эдуард на своем трехколесном мотоцикле едет за отцом, так наклонившись к асфальту, что его мотоцикл весь сплющивается. Из его ноздри торчит большой бульжник. Мотор воркует нежно, как влюбленный голубь, но глаза Эдуарда висят на двух стебельках у самой дороги, чтобы все видеть... За рулем, зарывшись в подушки, сидит тетка Армида и подвязывает себе слюнявчик с помощью какого-то господина в черном. Он держит огромный термометр, в четыре раза больше меня... Это врач Гесперид³², он пришел осмотреть ее... Его удрученное лицо излучает свет...

При виде этого все соседи начинают раздеваться. А потом показывают свои задницы. Он плюет на них... У него даже нет времени сделать перерыв. Все дружно бросаются к выходу... Толпа запрудила Бульвары...

Проходя через Вандомскую площадь, покупательница все больше раздувается от порывов ветра. У Оперы она увеличилась еще в два раза... в сто раз!.. Все соседи, как мыши, бро-

³¹ «Светский чердак» – имеется в виду театр «Буфф-Паризьен», занимающий дома № 63–67 в Пассаже Шуазель.

³² Геспериды – нимфы, охраняющие сад богов, где росли золотые яблоки, дарующие бессмертие.

саются ей под юбку... И тут же, обезумев, выскакивают... Потом опять скрываются там... Это создает ужасный беспорядок.

Повсюду бегают собачки из Пассажа, они прыгают, гадят, кусаются. Хозяйка парфюмерной лавки мадам Жювьен кончается перед нами под грудой лиловых цветов жасмина... Она задыхается... Три проходящих мимо слона растаптывают ее, обрывая агонию... Снизу поднимаются, медленно разливаясь повсюду, тонкие струйки аромата...

Четверо подмастерьев булочника Ларжантейля проносятся с огромной трубкой из лавки «Магометанский табак», которую обычно зажигают только после шести... Напротив рынка Сент-Оноре при входе в павильон они разбивают у нее головку... Врываются в правый павильон... где «Домашняя птица». А потом в левый, где «Рыба».

Однако остановиться уже невозможно! Особенно великанше! Той самой! У которой две планеты вместо грудей... Тут меня сбивают с ног... Мой отец напрасно пытался меня поддержать... Он запутался в спицах своего велосипеда... И прищемил Тому хвост. Тот путался у него под ногами и лаял, но почему-то совсем бесшумно...

Мне помог подняться на ноги сторож, одетый в длинный сюртук... С колбасным хвостиком внизу... Он смешит нас своей длинной палкой для зажигания газа... Которую почти целиком засунул себе в нос.

Переходя через улицу Риволи, она споткнулась на пешеходной дорожке и раздавила дом, вылетевший оттуда лифт выбил ей глаз... Все идут прямо по развалинам. На улице Женер из моей школы выходит мой приятель, горбатый Эмиль Оржа... Он всегда был бледным, с большим пятном винного цвета около уха... Но теперь он выглядит иначе. Он стал бодрым, розовощеким и симпатичным, я был страшно рад за него.

Все наши знакомые уже исчезли под Дамой, в ее штанах, стиснутые под ее юбками, они бегали по улицам и кварталам... Повсюду они следовали за ней. Теснота увеличивалась. Мать не отпускала мою руку... Все вперед и вперед... На площади Конкорд я понял, что она ведет нас на Выставку... Это было довольно мило с ее стороны... Она решила всех развлечь...

Все серебро, все деньги лавочников были у Дамы, у покупательницы, она спрятала их в штаны... Платить должна она... Возле Дамы становилось все жарче... Среди оборок я разглядел еще тысячу подвешенных вещей. Все, что она стащила... Тут мне на голову, поставив синяк, упало маленькое зеркальце, то самое, которое многие месяцы искали на улице Монторгей... Если бы я мог, я бы закричал о своей находке... Но я не мог его даже поднять, так меня сжали... Настал момент, когда все почувствовали, что пора еще уплотниться... Нас зажал в монументальных воротах, поднимавшихся к небу наподобие причудливой прически... Мысль о том, что придется платить, всех ужасала... К счастью, нас уносит поток нижних юбок... Все толкаются, задыхаются, становятся на четвереньки... Покупательница наклоняется, чтобы пройти. Может, это уже конец?.. Может, мы уже на дне Сены? К нам приближаются акулы, и сейчас мы заплатим за все?.. А? Так всегда бывает, когда куда-нибудь пролезешь бесплатно... И тут я испустил такой пронзительный и резкий крик, что покупательница испугалась! Она вдруг подняла вверх все юбки вместе с воланами... панталоны... выше головы... до самых облаков... На нас обрушился настоящий ураган, леденящий ветер, такой резкий, что вокруг завывали от боли... Покинутые, дрожащие, все застыли на набережной в тоскливом ожидании. Около пристани, где стояли три баржи, покупательница улетела!.. Все соседи из Пассажа побледнели до неузнаваемости... Она провела всех! Эта покупательница с украденными вещами... Выставки уже не было!.. Она давно закрылась!.. Слышно было, как на Кур ля Рен воют волки...

Пора было уносить ноги... Все разбегались... Суетились... Я, такой крошечный, раздавил Меоншу...

Моя мать подобрала юбки... Но бежала все медленнее... оттого что ее ноги... вдруг стали как ниточки... и в то же время такими мохнатыми, что цеплялись друг за друга... совсем как

у паука... Она ковыляла впереди нас... За ней бежали... Внезапно появились омнибусы... Они ехали со страшной скоростью... Промчались по всей улице Рояль... Голубые, зеленые и лимонно-желтые... Раздался треск, и все детали разлетелись по площади до самых деревьев Тюильри. Я сразу понял, что произошло... Я испугался... Кричу... Подбираю... Показываю, где надо собирать... В обратном порядке, начиная с тротуара возле Оранжереи... Все напрасно! Бедного дядю Эдуарда раздавили вместе с его мотоциклом у подножия статуи... Чуть позже он появляется у моста Сольферино со сплюсненным драндулетом, приросшим к спине, как раковина улитки... Его уводят... Нужно торопиться, бежать быстрее, потому что появились сотни автомобилей... «Рен Серполле»³³ из салона... Их огни мелькают у Триумфальной арки. Они несутся что есть мочи вместе с нами...

Около памятника Жанне д'Арк, как вспышка, мелькает лицо улыбающегося Рудольфа... Он продает своего «Трубадура» с аукциона... Чтобы купить себе «Генерала»... Не время его беспокоить... Покрытие на дороге раздроблено... В одном месте образовалась огромная пропасть... Все проваливаются... Я прохожу по самому краю... Успев схватить портфель тетки Армиды как раз перед тем, как она исчезла... На нем бисерным почерком написано: «На добрую память...» Внутри стеклянный глаз. Все удивленно смеются... Это привлекает со всех сторон огромную толпу... На этот раз людей так много, что они заполнили всю улицу Терез до высоты четвертого этажа... Все продолжают карабкаться на эту гору живого мяса... От нее воняет навозом, и запах этот поднимается до самых звезд...

По дороге домой осталось преодолеть еще четыре очень крепких решетки... Это пытаются сделать сразу сотни и тысячи, они толкают ворота... Пытаются пролезть туда... Ничего не получается... прутья сгибаются, а потом резко выпрямляются и бьют нас по морде, как резиновые... Какой-то призрак спрятал наш ключ!.. Он требует за него все или ничего!.. Его посылают подальше!.. «Пошли к черту!..» – отвечает он нам... Его снова зовут. Нас десять тысяч, и все давят на решетку...

До улицы Гомбу доносится эхо сотен тысяч воплей... Произошла катастрофа... Это крики тех, кого давят на площади Гайон... Омнибусы безумствуют... хаос продолжается... «Клиши – Одеон» перемальвает остатки обезумевших... «Пантеон – Курсель» напирает сзади... Летят тысячи обрубков... Все это стекает на наши витрины. Рядом со мной стонет отец: «Ах, если бы у меня была труба!..» От отчаяния он готов рвать на себе волосы, он карабкается на Французский банк, добирается до часов... Вырывает минутную стрелку... И спускается с ней. Он держит ее на коленях... Это его забавляет... И утешает... Можно было бы и всем поразвлечься... Но вот группа конных полицейских появляется на улице Меюль... «Мадлен – Бастилия» сталкивается с ними, опрокидывается и падает на решетку... Наконец-то она выломана! Омнибус воспламеняется, огромная машина горит и потрескивает... кондуктор стегает кнутом кучера... Вперед, вперед... Полицейские штурмуют улицу Мулэн, заполняют ее и проносятся как огненный смерч... Толпа рассасывается, рассыпается, разбиваясь о «Комеди Франсез»... Все объято пламенем... крыша отрывается, поднимается и, пылая, улетает в облака... Очаровательная актриса старательно декламирует стихи... стихи очень возвышенные, она готовит их для сцены. Она так старательно работает языком, что он начинает заплетаться... застревает у нее в горле... Она испускает жуткий крик... Пламя поглощает все...

Больше ничего не видно, только огонь... Ужасная раскаленная палка стучит у меня в висках, все смешивает... давит... Эта палка, как ложка, размешивает огненную похлебку внутри моего черепа... Она никогда больше не оставит меня...

³³ «Рен Серполле» – популярная в то время модель автомобиля, созданная конструктором Леоном Серполле, неоднократно побеждала в различных соревнованиях, в частности три раза выигрывала Кубок Ротшильда в Ницце.

* * *

Я очень долго не мог поправиться. Выздоровление затянулось на два месяца. Я был серьезно болен... Под конец появилась сыпь... Часто приходил врач. Он советовал отправить меня в деревню... Легко сказать, но для этого нужны средства... При малейшей возможности мне старались дать подышать воздухом.

В конце января Бабушка Каролина собралась в Аньер, чтобы получить деньги со своих съемщиков. Мне представился случай выехать за город. Там у нее на улице, которая называлась «Веселой», в рабочем квартале было два небольших дома, из кирпича, крытые саманом. Это была ее собственность, ее хозяйство...

Мы вдвоем отправились в путь. Я шел очень медленно. Еще долго после болезни я чувствовал слабость, у меня часто шла носом кровь, а кроме того, шелушилась кожа. Мы пошли к вокзалу... Проспект Федэрб... площадь Карно... У Мэри повернули направо, потом пошли через Народный сад.

На площадке для игры в шары между решеткой и водопадом постоянно собиралось множество впавших в детство возбужденных старичков, щуплых, кашляющих и хрипящих пенсионеров-весельчаков... Каждый раз перед началом игры они осыпали друг друга градом насмешек... Взрывы смеха... Я понимал все их шутки... и с каждым разом все лучше... Смешнее всего была их манера мочиться... они прятались за дерево... каждый по очереди... При этом остальные ужасно беспокоились... «Не потеряй его, малыш!..» Так у них было принято... И все хором повторяли... Я находил их неотразимыми. Я смеялся так громко, что Бабушке стало неловко. Я слишком долго стоял на зимнем ветру – запросто можно было опять подхватить какую-нибудь болячку...

Бабушке было не особенно смешно, но ей хотелось развлечь меня... У нас дома было невесело... Она это понимала... Это было недорогое удовольствие... Мы постояли еще немного... Когда игра закончилась, и мы расстались со старичками, было уже совсем темно...

Домики Каролины находились за Бургиньоном... за долиной Марэше... которая тогда простиралась до самых Ашэр...

Чтобы не провалиться в грязь и не утонуть в черноземе, мы шли по дощечкам... Нужно было соблюдать осторожность, чтобы не повредить теплицы... длинные ряды саженцев... Я все еще хихикал, идя позади Бабушки... Балансируя, вспоминал удачные шутки... «Тебе действительно было весело? – спрашивала Бабушка. – Скажи, Фердинанд».

Мне не нравились такие вопросы. Я сразу замыкался... Излишняя откровенность приносит только неприятности.

Наконец мы дошли до «Веселой» улицы. Настоящая работа начиналась здесь. Взимание платы никогда не обходилось без драм... и протестов жильцов. Сначала они нас изводили, а под конец отдавали только часть денег... Никогда полностью... Они защищались с остротой... Всегда мы являлись не вовремя. Пререканиям не было конца... Они начинали орать по любому поводу, задолго до того, как Бабушка к ним обращалась... Уборные у них больше не работали... Жалобы раздавались беспрерывно... изо всех окон хибары... Они требовали, чтобы их починили... И немедленно!.. Они опасались, что с них собираются содрать три шкуры... Вопили, что не хотят ничего слышать про расписки... Не желают даже на них смотреть... Нечистоты из плотно закрытого резервуара растекались до самой улицы... Зимой его сковывал лед, и он при малейшем прикосновении трескался... Как правило, это обходилось в восемьдесят франков... Эти подлюги все изгадили!.. Таким образом, они брали своеобразный реванш... И еще они делали детей... Каждый раз у них появлялись новые... Одежды на всех не хватало. Некоторые ходили уже нагишом... Спать их укладывали в шкаф...

Самые нетрезвые и грязные из жильцов и вовсе держали нас за недоумков... Они с интересом наблюдали, как мы стараемся привести все в порядок. Даже спускались с нами в подвал... Когда мы отправлялись за палкой, которой прочищали канализационные трубы... Но шутки в сторону... Бабушка большими булавками высоко подкалывала свои юбки, оставляя только короткую рубашку. А потом начинала действовать... Нам требовалось много горячей воды. Ее приносили в кувшине от сапожника напротив. Жильцы не дали бы ее ни за какие деньги. Каролина копалась в глубине резервуара с нечистотами. Она решительно пихала туда трость, прочищала забитые отверстия. Одной трости было недостаточно. Она погружала туда обе руки, жильцы приходили вместе с детьми, чтобы посмотреть, как вытаскивают их дерьмо, а затем мусор... и тряпки... Они нарочно забивали трубы... Каролина была не брезглива, эта женщина ничего не боялась...

Жильцы понимали: раз она пришла, все будет прочищено... Они ценили ее старания... Они не хотели оставаться в стороне... Кончалось тем, что они нам помогали... Затем предлагали промочить горло... Бабушка пила с ними... Она не была злопамятна... Все поздравляли друг друга с Новым годом... от всего сердца... и вполне искренне... Неважно, что нужно было отдавать деньги... Это были не мелочные люди... Если бы она вдруг решила их выгнать, они успели бы отомстить еще до того, как покинут свою конуру... Они бы все окончательно порушили... Два дома уже были в проломах... Всякий раз мы пытались их заткнуть... Все было напрасно... Они делали их постоянно... Мы специально привозили замазку... Трубы, антресоли, стены и пол напоминали какие-то подштопанные лохмотья... Но больше всего доставалось горшку в уборной... Он был весь измят по краям... Бабушка не могла сдержать слез, когда видела его... Решетка ограды тоже была в ужасном состоянии. Наполовину сплюснутая... Можно было подумать, что это солодковый корень... Однажды к ним определили очень добродушную старую консьержку... Она не продержалась и восьми дней... Бедная старушка в ужасе сбежала... Не прошло и недели, как двое жильцов попытались ее задушить... в постели... из-за каких-то половинок...

Домики, о которых я рассказываю, все еще там. Изменилось только название улицы: она стала не «Веселой», а «Гнилой»... В соответствии со вкусами...

Сменилось множество жильцов, одиноких, семейных, целые поколения... Они продолжали дырять стены, разводить крыс, мышей, клопов и мокриц... Дыры уже никто не заделывал... Все это перешло к дяде Эдуарду. Дома постепенно стали напоминать решето... Никто больше не платил за квартиру... Жильцы состарились и устали от бесконечных споров... Мой дядя, естественно, тоже... Даже уборные им надоели... Их больше не ломали. Их просто не было. Там устроили кладовые. Сложили туда свои тачки, лейки и уголь... Теперь точно даже неизвестно, кто живет в этих домах... Они подлежат сносу... и скоро исчезнут... По-моему, сейчас там проживает четыре семьи... А может, и много больше... Кажется, это португальцы...

Никто больше не пытается поддерживать порядок. Бабушка так старалась, но все напрасно... В сущности, это и подорвало окончательно ее здоровье... Она чуть дольше обычного возилась сперва в холодной воде, а потом в горячей... В январе, на сильном ветру, законпачивая паклей насос и размораживая краны.

Вокруг ходили жильцы со свечками, чтобы осветить нам и посмотреть, как продвигается работа. С оплатой они просили еще немного подождать. Нам нужно было снова зайти на следующей неделе... Мы отправились на вокзал...

Подойдя к кассе, Бабушка Каролина почувствовала головокружение, схватилась за перила... Это было на нее не похоже... Ее знобило... Мы снова перешли через площадь, зашли в кафе... В ожидании поезда выпили грог на двоих... Когда мы добрались до Сен-Лазара, она сразу же отправилась домой. У нее больше не было сил... Появился жар, как тогда у меня в Пассаже, но у нее был грипп, а потом началась пневмония... Врач приходил утром и вече-

ром... Она была так больна, что мы даже затруднились сказать соседям в Пассаже что-нибудь определенное...

Дядя Эдуард сновал, как челнок, между лавкой и ее квартирой... Состояние все ухудшалось... Она больше не хотела измерять температуру, не хотела, чтобы знали, сколько там градусов... Она сохранила все свое мужество... Том прятался под мебелью, не двигался, почти не ел... Мой дядя принес в лавку кислород в огромном баллоне.

Однажды вечером мать не вернулась к обеду... На следующий день еще не рассвело, когда дядя Эдуард растолкал меня на постели и велел быстро одеваться. Он сказал мне: «Нужно попрощаться с Бабушкой...» Я не совсем понял... Я еще не проснулся... Мы шли быстро... По улице Роше... Консьержка еще не ложилась... Она специально принесла лампу, чтобы осветить нам в коридоре... Наверху в передней мама рыдала, стоя на коленях рядом со стулом. Она причитала, тихонько стонала, как от боли... Отец стоял... Он ничего не говорил... Только выходил на лестничную площадку и возвращался... Смотрел на часы... Пощипывал свои усы... Потом я увидел Бабушку на кровати в дальней комнате... Она тяжело дышала, хрипела, задыхалась, издавала жуткие звуки... Врач ушел... Он пожал всем руки... Тогда мне позволили войти... Я видел, с каким трудом дышала Бабушка. Ее лицо стало теперь желтовато-красным и было все в поту, как тающее масло... Она посмотрела на меня пристально, но все еще ласково, Бабушка. Мне велели ее поцеловать... Я полез на кровать... Она жестом остановила меня... Слабо улыбнулась... и хотела что-то сказать... В глубине горла у нее беспрерывно хрипело... Все же ей это удалось... только очень тихо... «Трудись добросовестно, мой маленький Фердинанд!» – прошептала она... Я не боялся ее... Мы, в сущности, понимали друг друга... Потом, в общем-то, я неплохо работал... Но это никого не касается...

Моей матери она тоже хотела что-то сказать. «Клеманс, девочка моя... слушай внимательно... не забывай о себе... я прошу тебя...» – смогла она сказать... Она ужасно задыхалась... Она дала знак, чтобы мы удалились... Ушли в соседнюю комнату... Все повиновались... Мы слышали ее хрипы... Они заполняли всю квартиру... По меньшей мере час мы сидели как в столбняке. В дверь вошел дядя. Ему очень хотелось ее видеть. Но он не осмеливался слушаться. Он только приоткрыл дверь, стало лучше слышно... что-то вроде икоты... Моя мать вдруг выпрямилась... Издала резкий звук! Как будто ей сдавило горло. Она упала мешком назад на ковер, между креслом и моим дядей... Рука ее так сильно сжала рот, что невозможно было разжать...

Когда она пришла в себя, она принялась кричать, не переставая: «Мама умерла!..» Она уже ничего не замечала вокруг... Мой дядя остался дежурить возле нее... Мы отправились в Пассаж на фиакре...

Закрыли лавку. Опустили шторы... Нам было немного стыдно... Мы чувствовали себя виноватыми... Не осмеливались пошевелиться, чтобы не спугнуть свое горе... Мы с мамой плакали даже за столом. Мы не могли ничего есть... Ничего больше не хотели... Мы и так были не особенно значительны, но хотелось стать еще меньше... Просить прощения у кого-нибудь, у всех... Мы прощали друг друга... Обещали любить друг друга... Боялись потеряться навсегда... как Каролина...

И вот похороны... Дядя Эдуард один взял на себя все хлопоты... всюду ходил... Хлопот было достаточно... Он не подавал виду... Не любил показухи... Он пришел за нами в Пассаж только перед самым выносом тела...

Все... соседи... любопытные... заходили сказать нам: «Мужайтесь!» Мы остановились на улице Довиль³⁴, чтобы купить букет... Взяли самые лучшие... Только розы... Это были ее любимые цветы...

³⁴ Улица Довиль – в Париже не существует улицы Довиль, но в северной части Больших Бульваров есть улица Отвиль, которая пересекает бульвар Бон Нувель у площади Ференца Листа.

* * *

Теперь, когда ее не стало, все почувствовали себя беспомощными... Даже моего отца это коснулось... Теперь для скандалов остался только я... Но даже после выздоровления я все еще был так слаб, что не представлял никакого интереса. Я казался ему таким бледным, что он не решался меня изводить...

Я переползал с одного стула на другой... За два месяца я похудел на шесть фунтов. Болезнь вывела меня из строя. Весь рыбий жир был потрачен даром...

Мать думала только о своем горе. Лавка разорялась... Ничего не продавалось, даже по ничтожным ценам... Нужно было возместить огромные потери, вызванные Выставкой... Покупатели же были непреклонны. В починку отдавали очень мало... Торговались из-за ста су...

Мама проводила целые часы, не двигаясь, подогнув под себя больную ногу, в неестественной позе, как оглушенная... А когда вставала, то бродила по дому, как неприкаянная... Тогда отец начинал быстро ходить с этажа на этаж, вверх-вниз. От одного только звука его шагов можно было рехнуться...

Сделав вид, что мне нужно, я отпраивлялся развлечься в уборную... Я дергал себя за член, но он у меня никак не вставал...

Кроме двух домов, доставшихся дяде Эдуарду, Бабушка оставила в наследство еще три тысячи франков... Но это святое... Мама так сразу и сказала... Их нельзя трогать... Пришлось за бесценок отдать серьги, которые пропали в ломбардах, одна в Клиши, другая в Аньер...

Тем временем все вещи в лавке окончательно потеряли товарный вид, все было испорчено, сломано... Выставлять это было уже невозможно...

Бабушка еще умела выйти из положения, она доставляла нам «кондиционный» товар... То, что залеживалось у других торговцев и что они соглашались ей передать... Но мы – другое дело... Они нам не доверяли... Они считали нас неизворотливыми... Мы разорялись с каждым днем...

Мой отец, приходя из конторы, начинал строить прогнозы... Самые мрачные... Он сам готовил нам хлебный суп... Мама не могла... Он чистил фасоль... Говорил, что можно отравиться, если широко открыть дверцу плиты. Мать даже не реагировала... Он переходил к «франкмасонам»... Ругал Дрейфуса!.. И остальных преступников, которые мешают нам жить!

Мать потеряла способность ориентироваться... Даже ее жесты стали какими-то странными... Она и раньше была неловкой, но теперь роняла буквально все. Разбивала по три тарелки в день... Она не могла выйти из этого состояния... Вела себя как сомнамбула... В магазине ей было страшно... Не желая больше чем-либо заниматься, она все время проводила на третьем этаже...

Однажды вечером, когда она собиралась ложиться, и мы уже никого не ждали... объявилась мадам Эронд. Она постучалась в дверь лавки, позвала нас... О ней уже все забыли. Я открыл. Мать ничего не хотела слышать, она отказывалась даже говорить с ней... Прихрамывая, она ходила кругами по кухне. Наконец мой отец сказал:

– Ну, Клеманс, что ты решила?.. А то я ее отправлю отсюда!..

Она еще минуту подумала, а потом спустилась. Попробовала сосчитать кружева, которые та принесла... У нее не получалось... Горе все спутало в ее голове... Мысли, цифры... Мы с отцом помогли ей...

Потом она снова поднялась и легла... А потом вдруг встала и снова спустилась... Всю ночь она яростно и упорно перебирала товар в магазине.

К утру все было в идеальном порядке... Она стала другим человеком... Ее было не узнать... Ей вдруг стало стыдно...

Находиться перед мадам Эронд в таком жалком состоянии, тогда как та видела ее когда-то такой благополучной, ужасно стыдно!

– Как подумаю о моей бедной Каролине!.. О том, какая энергия переполняла ее до последней минуты! Ах! Если бы она увидела меня такой!..

К ней внезапно вернулось мужество. За одну ночь у нее родилась тысяча планов... Если покупатели не придут, то мы, мой маленький Фердинанд, сами пойдем их искать!.. И даже к ним домой! Как только будет хорошая погода, мы на время оставим лавку... Пойдем торговать за городом... Шату!.. Везине!.. Буживаль³⁵!.. там прекрасные виллы... и богатые люди... Все-таки это будет веселее, чем прозябать здесь!.. Чем ждать неизвестно чего!.. К тому же ты будешь на свежем воздухе.

* * *

Моего отца не особенно воодушевляла затея с выездной торговлей... Рискованная авантюра!.. Он и думать об этом не хотел... Он предсказывал нам крупные неприятности... Мы только потеряем то, что у нас еще осталось!.. И потом, нас выгонят местные торговцы... Мама не перебивала его... Она уже твердо решила...

Главное, что выбора просто не было! Ели мы уже довольно редко... Вместо спичек давно пользовались бумажками.

Однажды утром наступил час отъезда, мы устремились к вокзалу. Мой отец тащил огромный тюк с товаром... Всем, что оставалось на складе более или менее стоящего... Мы с мамой тащили коробки... На перроне Сен-Лазара он еще раз повторил нам свои опасения по поводу этой авантюры. И побежал в контору.

В то время, о котором я говорю, чтобы попасть в Шату, нужно было совершить настоящее путешествие. День еще только начинался, а мы уже были на месте... Мы подкупили сторожа... Он нас и устроил... Мы получили прилавок... У нас было довольно хорошее место... Между женой мясника и торговцем птичками. Но нас нельзя было увидеть сразу... С первого взгляда.

Стоявший за нами продавец масла и яиц был недоволен. Он находил нас наглецами с кучей побрякушек. Делал гнусные намеки!..

Это была не самая удобная аллея, но все же рядом с садами... И в тени великолепных тополей... В полдень настало время покупательниц... Они торгуются и жеманничают... И тут, не дай Бог, подует ветерок! При первом же дуновении все вздымается, взвивается с шелестом... чепчики, шляпки с воланами, носовые платочки и воздушные чулки... Они просто просятся в полет, легкие, как облака. Их припиливают булавками и крючками. Наш прилавок напоминает ежа... Капризные покупательницы проходят мимо... Порхают, как бабочки, сопровождаемые одной или двумя кухарками... Потом возвращаются... Мать расхваливает им свой товар... Обращает их внимание на вышивку... На болеро по заказу... На кружева «брюссельского фасона»... Или на воздушные произведения мадам Эронд...

– Как это мило, что мы вас здесь встретили!.. На этом рынке!.. Но у вас же магазин!.. Дайте мне вашу карточку!.. Мы обязательно к вам зайдем!..

И они, шурша платьями, проходят дальше, им не удастся ничего всучить... Но все-таки это была реклама!..

Время от времени наши кружева сдувает на эскалопы того типа, который стоит рядом... Он демонстрирует нам свое отвращение...

Чтобы успешней торговать, нам следовало бы захватить из Парижа красивый манекен с мощным бюстом, который подчеркивал бы изысканность линий... завитков муслина и сатина... тысячи причуд «феи Альфора»... Чтобы вопреки всему сохранить среди овощей и

³⁵ Шату, Везине, Буживаль – пригороды на западе Парижа.

требухи стиль Людовика XV, ту утонченную атмосферу, мы привезли в деревню настоящую музейную вещь, маленький шедевр, кукольный комод розового дерева... Мы хранили в нем бутерброды.

Еще больше, чем ветер, нас пугали дожди!.. Все наши воздушные вещи превращались в блины!.. Золотая краска стекала с них по двадцати желобкам... даже тротуар становился от нее клейким. Мы собирали все губками... Но хуже всего была обратная дорога. Отцу мы никогда не жаловались.

Неделей позже был Энгьен, по четвергам иногда Клиньянкур... Ля Порт... Мы размещались на «Блошином рынке»... Мне очень нравилась такая торговля... Из-за нее я не ходил в школу. На воздухе я становился неуправляемым... Когда вечером мы возвращались домой, отец вел себя гнусно... Вечно он был недоволен... Приходил встречать нас на вокзал... Мне так и хотелось уронить комодик ему на ногу, чтобы посмотреть, как он запрыгает.

В Клиньянкуре покупатели были не те... Там мы раскладывали только худшее, самые дрянные тряпки, те, что годами лежали в подвале. Мы отдавали их за гроши...

На «Блошином рынке» я познакомился с малышом Пополем. Он работал на торговку, которая располагалась за два ряда от нас. Он продавал ее пуговицы в проходе и у ворот, шатался по рынку с дощечкой на животе, привязанной за шею. «13 штук за два су, мадам!..» Он был моложе меня, но гораздо предприимчивее... Мы сразу подружились... Меня восхищало в Пополе то, что он не носил обуви, только подметки на веревочках... Его ноги привыкли к этому... Я тоже снимал башмаки, когда мы отправлялись на прогулку.

Он мгновенно продавал свои наборы, их даже не успевали толком рассмотреть, костяные, перламутровые... После этого мы были свободны.

Более того, у него оставалось время, чтобы заработать самому. «Это просто», – объяснил он мне... Когда у нас уже не было секретов друг от друга. На насыпи Восемнадцатого бастиона и в закоулках трамвайных путей у Вилетт он встречался с педиками и разными темными личностями, которых он удовлетворял. Он предлагал и мне с ними познакомиться. Но все это происходило слишком поздно, и я не мог туда пойти... За это можно было получить пятифранковую монету, иногда больше.

За киоском с весами он продемонстрировал мне, хотя я его об этом не просил, как взрослые у него сосали. Пополь старался всюю, он не упускал случая, я до этого еще не дошел. Однажды он заработал пятнадцать франков за вечер.

Чтобы улизнуть, я врал, говорил, что иду за жареным картофелем. Моя мать хорошо знала Пополя, она не выносила его даже издали, она запрещала мне к нему ходить. Но мы все же удирали вместе прошвырнуться до Гонесс. Я находил его неотразимым... Когда он чего-нибудь пугался, у него начинался нервный тик, он внезапно засасывал язык, а на лице у него появлялась ужасная гримаса. В конце концов, и я начал ему подражать.

Галантерейщица давала Пополю, когда он отправлялся торговать, смешную куртку, необычную, как у обезьяны в цирке, всю усеянную пуговицами: большими, маленькими, средними, спереди и сзади, целый набор образцов – перламутровых, железных и костяных...

Страстью Пополя был абсент, галантерейщица наливала ему немного каждый раз, когда он возвращался, удачно все продав. Это поднимало ему настроение. Он курил солдатский табак, мы сами делали самокрутки из газетной бумаги... Ему было не противно сосать, он был настоящей свиньей. Когда мы встречали на улице взрослого, мы спорили, какого у него размера. Моя мать не могла ни на минуту оставить барахло в таком квартале. Я же все больше отбивался от рук. А потом произошло следующее.

Я думал, что Пополь надежный, честный и верный. Я ошибался на его счет. Он повел себя, как сука. Надо рассказать, как было дело. Он все время говорил мне об аркебузе. Я не вполне представлял, что это за штукавина. Однажды он принес ее. Это была длинная резинка, натянутая особенным образом, что-то вроде рогатки, сдвоенный крюк, такое приспособление

для охоты на птиц. Он сказал мне: «Потренируемся! А потом разобьем витрину!.. На проспекте есть одна подходящая... Потом пульнем в легавого!..»

Ага! Вот! Это идея! Проходим мимо школы. Он говорит: «Начнем здесь!.. Школьники как раз выходят, будет легче смотаться». И передает мне эту штуку... Я заряжаю ее здоровенным булжником. Натягиваю до отказа... вцепившись в конец резинки... И говорю Пополу: «Смотри-ка вверх!» И клак! Бум!.. Трах!.. Прямо в часы... Все вдруг разлетается... я одервенел. Не могу прийти в себя от этого грохота... циферблат разлетелся на кусочки! Сбегаются прохожие... Меня хватают на месте преступления. Я съежился, как крыса... Меня тащат, пиная по дороге. Я кричу: «Пополь!..» Он испарился!.. Его и след простыл!.. Они волокут меня к матери. Устраивают ей скандал. Ей придется за все заплатить, иначе меня упекут в тюрьму. Она дает свою фамилию, адрес... Я напрасно пытаюсь объяснить: «Пополь!..» На меня обрушивается столько затрещин, что в глазах помутилось...

Дома все начинается сначала, разражается гроза... настоящий ураган... Отец волочит меня по полу, пинает ногами, бьет, ходит по мне, срывает с меня штаны. А после орет, что я его убиваю!.. Что мне место в Рокетт³⁶! Уже давно!.. Моя мать умоляет, хватается за него, голосит, что «в тюрьме они становятся еще более жестокими». Я хуже, чем можно было бы себе вообразить... Я на волосок от эшафота. Вот как все обернулось!.. Пополь тоже вспоминали, а также улицу и прогулки... Я даже не пытался оправдаться...

* * *

Неистовство продолжалось целую неделю. Отец был так разъярен, его лицо так наливалось кровью... казалось, что его хватит удар. Дядя Эдуард специально приехал из Роменвиля, чтобы убедиться во всем самому. Дядя Артур не имел такого веса из-за недостаточной серьезности. Рудольф же был далеко, где-то в провинции с цирком Капитоль.

Соседи и родители – все в Пассаже придерживались мнения, что следовало бы дать слабительного мне и моему отцу, это пошло бы на пользу нам обоим. Размышляя о причинах моей испорченности, они решили, что это, конечно, из-за глистов... Мне дали лекарство... Я видел, как говно пожелтело, а потом стало каштанового цвета. Однако я почувствовал некоторое успокоение. Реакция моего отца была другой, он по меньшей мере недели три оставался абсолютно безмолвным. Только время от времени поглядывал на меня... долго... внимательно... Я был его мукой, его крестом. Мы продолжали принимать слабительное, каждый свое. Он – воду Жано, я – касторку, она – ремень. После этого они решили больше никогда не торговать на рынках, ибо улица – это гибель для меня. Мои преступные наклонности вынуждают от многого отказаться.

С тысячами извинений моя мать снова привела меня в школу. Пока мы дошли до улицы Женер, ее настроение несколько раз менялось. Все ей говорили, что я не продержусь и восьми дней. Однако я вел себя тихо, и меня не выгнали. Хотя я ничему так и не научился, это факт. Школа вызывала у меня отвращение, учитель с бородкой постоянно рассказывал нам только о своих проблемах. От одного его вида у меня портилось настроение. С Пополем я познал вкус бродяжничества, и меня угнетала необходимость целыми часами сидеть и слушать чьи-то бредни.

Дети пытались хоть немного развлечься во дворе, но и эти жалкие попытки разбивались о стену, возвышавшуюся над нами, мгновенно пропадало даже само желание веселиться. Им оставалось вернуться назад и усердно учиться... Черт побери!..

Во дворе росло только одно дерево, на которое всегда прилетала одна и та же птица. Эти сопляки подстрелили ее из рогатки. Кот жрал ее всю перемену. Учился я средне. Я боялся, что

³⁶ Рокетт – парижская тюрьма.

меня оставят на второй год. Меня даже отметили за хорошее поведение. А дерьмо на заднице было у всех. Еще я научил их собирать в бутылочки свою мочу.

Дома продолжалось нытье. Моя мать опять начала обсасывать свое горе. По любому поводу она вспоминала свою маму... Например, перед закрытием лавки к нам заходил, наконец, единственный посетитель, чтобы предложить какую-нибудь безделушку, а она вдруг заливалась слезами... «Если бы была жива моя мать!..» – принималась причитать она – она, всегда так хорошо умевшая торговаться!.. Вот к чему приводит чрезмерная склонность к размышлениям...

Одна наша приятельница довольно ловко сумела воспользоваться маминым настроением... Ее звали мадам Дивонн, она была почти ровесница тетки Армиды. После войны семидесятого года они с мужем сколотили себе состояние на торговле «овечьими» перчатками в Пассаже Панорама. Это была известная лавка, и у них была еще одна в Пассаже Сомон. Одно время у них работало восемнадцать служащих. От покупателей не было отбоя. Бабушка часто об этом рассказывала. Ее муж свихнулся от такого количества денег. Внезапно он потерял сразу все на Панамском канале и еще залез в долги. Мужчинам недостает мужества; вместо того, чтобы попытаться подняться, он укатил черт знает куда с какой-то шлюхой. Все было продано. Мадам Дивонн жила чем придется. Ее спасала музыка. У нее оставались небольшие средства, но такие мизерные, что ей едва хватало на еду. И то далеко не каждый день. Ей помогали знакомые. За перчаточника она вышла по любви. Сама она была не из семьи торговцев. Ее отец был императорским префектом. Она прекрасно играла на пианино. У нее были нежные руки, поэтому она не снимала митенки, а зимой постоянно носила толстые рукавицы, украшенные розовыми помпонами. Кокетство никогда не покидало ее.

Она пришла в лавку, она уже давно не была у нас. Смерть Бабушки ее потрясла. Она просто не могла прийти в себя. «Такая молодая!» – то и дело повторяла она. Она с чувством рассказывала о Каролине, об их прошлом, мужьях, о Сомон и Бульварах... Очень подробно и чрезвычайно тактично. Она действительно была хорошо воспитана... Я видел это... По мере того как она рассказывала, все окутывалось каким-то неясным очарованием. Она не снимала ни вуаль, ни шляпу... под предлогом заботы о цвете лица... И, конечно, из-за парика... Обед у нас был не слишком обильным... Все же ее приглашали... Но в тот момент, когда она доедала суп, она все-таки снимала шляпу, вуаль и остальные причиндалы... Она жадно пила прямо из тарелки... Она считала, что так гораздо удобнее... Конечно, из-за вставной челюсти. Было слышно, как та щелкает... Она не признавала ложек. Лук-порей она обожала, но его нужно было разрезать, это было слишком хлопотно. Трапеза заканчивалась, а она и не собиралась уходить. Она становилась развязной. Садилась к пианино, заложенному и забытому одной клиенткой. Никто его не настраивал, но оно все еще хорошо звучало.

Так как моего отца раздражало все, она тоже действовала ему на нервы, эта старая перчаточница со своими ужимками. И все же он смягчался, когда она начинала наигрывать мелодии вроде «Лючии ди Ламмермур»³⁷, а особенно «Лунную сонату».

Она приходила все чаще. Уже и без приглашения... Она видела, что дела у нас расстроены. Пока в лавке прибирали, она забиралась наверх, на третий этаж, усаживалась на табурет, исполняла два или три вальса, потом «Лючию», а потом «Вертера». У нее был свой репертуар, вся опера «Шале» и «Фортунио»³⁸. Нам приходилось подниматься к ней. Она никогда не прерывала музыки, пока мы не садились за стол. «Ку-ку!..» – говорила она, увидев нас. Во время обеда она очень трогательно плакала вместе с матерью. Но это не отбивало у нее аппетита.

³⁷ «Лючия» – имеется в виду опера Доницетти «Лючия ди Ламмермур», поставленная по роману Вальтера Скотта (1835). «Лунная соната» – одна из самых известных сонат Бетховена. «Вертер» – лирическая драма Массне, поставленная по роману Гете (1893). «Шале» – комическая опера Адама (1834).

³⁸ «Фортунио» – имеется в виду либо лирическое произведение Оффенбаха «Песня Фортунио», либо «Фортунио» Мессаже.

Лапша ее не смущала. Меня всегда шокировала ее манера просить добавки. Она проделывала этот трюк с воспоминаниями во многих местах, у множества в разной степени безутешных торговцев в других лавках, где только можно. Она знала более или менее хорошо всех покойников в четырех кварталах, Май и Гайон³⁹. И всегда кончалось тем, что ее кормили.

Она знала все семейные истории в Пассаже. Более того, если где-то попадалось пианино, ей не было равных... Несмотря на то что ей было за семьдесят, она могла еще спеть «Фауста», но соблюдала все предосторожности. Она давилась сырыми яйцами, только чтобы не сорвать себе голос... Она одна могла изобразить целый хор, руками делала рожок. «Вечная слава!..»⁴⁰ Ей удавалось одновременно стучать ногами и нажимать на клавиши.

В конце концов, никто не мог сдержаться, все просто умирали со смеху. Прямо при ней. Мадам Дивонн не останавливали подобные мелочи. Настоящая артистическая натура. Мама стеснялась, но тоже хихикала... Ей это было очень полезно...

* * *

Моя мать больше не могла без нее обойтись, несмотря на все ее недостатки и капризы. Она брала ее с собой повсюду. Вечерами ее провожали до Порт Бисетр. Она возвращалась пешком в Крэмлэн, что рядом с психиатрической больницей.

В воскресенье утром она заходила за нами, и мы вместе шли на кладбище. Наше кладбище – это Пер-Лашез⁴¹, сорок третий квартал. Мой отец никогда туда не ходил. Он панически боялся могил. Он шел только до Рон-Пуан напротив Рокетт. Там он читал газету и ждал, пока мы вернемся.

Склеп Бабушки содержался очень хорошо. Там постоянно были то лилии, то жасмин. Неизменно привозились розы. Это была единственная роскошь, которую наша семья себе позволяла. Меняли цветы в вазах, чистили до блеска плиты. Внутри был просто кукольный театр с разноцветными статуэтками и настоящими кружевными салфетками. Моя мать все время приносила новые, это ее утешало. Она тщательно отделывала интерьер.

Во время уборки она не переставала рыдать... Каролина была там, внизу, далеко... Я все время вспоминал Аньер... То, как мы там лезли вон из кожи ради жильцов. Я как бы снова видел все это. Несмотря на то что каждое воскресенье здесь все мыли и чистили, из глубины поднимался какой-то странный, едва ощутимый запах... немного острый, тонкий, кислотный, что-то напоминающий... стоит его один раз почувствовать... как потом он уже преследует всюду, несмотря на цветы... даже в запахе цветов... Вас выворачивает от этого... он идет снизу... можно подумать, что ничего нет, вы ошиблись. И вот он снова!.. Я ходил в конец аллеи за водой для цветов... Пока мы работали... я молчал... А потом опять начинал ощущать слабый затхлый запах... Тяжелая дверь запиралась... Мы читали молитву... Возвращались в Париж...

³⁹ В четырех кварталах, Май и Гайон – раньше Париж делился в основном на кварталы (так было удобнее для полиции), а не на округа (арондисманы), как теперь. Здесь речь идет о четырех кварталах второго округа, а именно: Гайон, Вивьен, Май, Бон Нувель. *Квартал Гайон*, ограниченный с севера бульваром Капуцинов и Итальянским, а на востоке улицами Грамон и Сент-Анн, включает в себя Пассаж Шуазель. *Квартал Вивьен*, ограниченный с севера Итальянским бульваром и бульваром Монмартра, а с востока улицами Монмартра и Нотр-Дам-де-Виктуар, включает в себя Пассаж Панорама. *Квартал Май*, ограниченный с севера бульваром Пуассоньер, а с востока улицами Пуассоньер, Пти-Карре и Монторгей, включает в себя улицу Женер и Пассаж Сомон (ныне улица Башомон). *Квартал Бон Нувель* ограничен с севера бульваром Бон Нувель и Сен-Дени, а с востока бульваром Севастополь.

⁴⁰ «Вечная слава» – «Вечная слава нашим предкам» – слова звучащие в хоре солдат в начале 4-го акта оперы Гуно «Фауст» (1859).

⁴¹ Пер-Лашез – могила семьи Гийу находится на кладбище Пер-Лашез в 63-м районе. Там похоронены Селина Гийу, ее муж Жюльен Гийу, ее брат Виктор Лежан, ее дочь Маргарита, муж дочери Фернан Детуш, ее сын Луи Гийу.

Мадам Дивонн на ходу не прекращала болтать... у нее проснулся аппетит оттого, что так рано встали, потратились на цветы и так долго всхлипывали... К тому же у нее был диабет... Может, поэтому она постоянно хотела есть... Как только мы вышли с кладбища, она захотела перекусить. Она не переставала говорить об этом, это походило на настоящую манию. «Ты знаешь, Клеманс, чего бы мне хотелось? Чтобы не показаться чревоугодницей!.. Маленький квадратик галантина на маленьком кусочке не очень черствого хлеба... Что ты об этом скажешь?»

Моя мать ничего не отвечала. Она была в растерянности... Я вдруг почувствовал, что меня тошнит... Что меня сейчас вырвет... Я думал о галантине... О том, какая должна быть сейчас голова у Каролины там, внизу... о всех червях... жирных... толстых... они грызут... копошатся внутри... Гниль... все переполнено гноем, зловонный ветер...

Отец был там... Он едва успел затащить меня за дерево... меня вырвало на решетку люка... Отец отскочил... Он не успел увернуться...

«Ах, мерзавец!..» – закричал он... Ему попало на брюки... На нас смотрели люди. Ему стало стыдно. Он быстро пошел один в другую сторону, к Бастилии. Он не хотел больше нас знать. Мы с дамами зашли в маленькое бистро выпить липового отвару, чтобы мне полегчало. Это было очень маленькое кафе, как раз напротив тюрьмы.

Позже я часто проходил там. И каждый раз я туда заглядывал. Там всегда было пусто.

* * *

Дядя Артур запутался в долгах. От улицы Камбронн до Гренель он занимал так много и никому никогда не отдавал, что жизнь его стала невыносима, он вконец промотался. Однажды ночью он тайком переехал. Ему помогал один его дружок. Они погрузили барахло на тележку, запряженную ослом. И отвалили в пригород. Мы уже легли, когда они заехали нас предупредить.

Артур воспользовался случаем, чтобы заодно избавиться и от своей подружки, служанки... Она поговаривала о серной кислоте... Одним словом, пришло время сматываться!

Они с приятелем нашли хижину, где никто не смог бы его побеспокоить, на склонах Атис-Мон. Уже на следующий день на нас обрушились кредиторы. Они не покидали Пассаж, скоты!.. Доставали отца даже в конторе «Коксинель». Какой позор! Мой отец был вне себя... Он снова начал скандалить...

– Что за шайка! Что за отродье!.. Что за грязная сволочь вся эта семейка! Ни минуты спокойствия! Меня достают даже на работе!.. Мои братья ведут себя, как каторжники! Моя сестра торгует своей задницей в России! Мой сын уже насквозь испорчен! Как я влип! Как мне везет!..

Моя мать не находила, что сказать... Она больше не пыталась спорить... Он этим пользовался...

Кредиторы хорошо понимали, что отец дорожит честью семьи... Они не отпускали его ни на шаг. Они не вылезали из нашей лавки... Нам и так уже не хватало на еду... Если бы мы заплатили долги, то и вовсе бы сдохли...

«Мы поедem к нему в следующее воскресенье!.. – решил тогда мой отец. – Я поговорю с ним как мужчина с мужчиной!..»

Мы выехали пораньше, для большей уверенности, что застанем его еще трезвым... Сперва мы заблудились... Наконец нашли дорогу... Я ожидал увидеть дядю Артура поникшим, раскаивающимся, трясущимся от страха: где-то в углу пещеры, затравленным тремястами жандармами, гложущим засохших крыс... Словом, то, что я видел в «Занимательных картинках» при описании беглых рабов... Но дядя Артур... оказался совсем другим... Мы нашли его уже за столом бистро «Прекрасная Адель». Он устроил нам праздник под сенью деревьев... И пил он отнюдь не уксус, а хорошее сухое, причем в кредит!.. Маленький стаканчик розового мюс-

каде... Лучших сортов... Он был в отличной форме... Никогда он не чувствовал себя лучше... Он развлекал всех соседей. Его находили неподражаемым... Приходили специально, чтобы его послушать... Никогда еще в «Прекрасной Адели» не было столько посетителей... Все стулья были заняты, даже на ступеньках сидели люди... Все мелкие собственники из Жювизи... в панамах... и все рыбаки в сабо заходили в «Прекрасную Адель» выпить аперитив и поглядеть на дядю Артура. Никогда они столько не смеялись.

Развлечения на любой вкус! Любые игры! Любые аттракционы! Разговоры!.. Головоломки!.. Под деревьями!.. Для дам... Дядя Артур был само воодушевление... всеобщий любимчик... Он суетился, лез повсюду... При этом не снимал с головы коричневый артистический берет. Даже сейчас, в разгар лета. И пот тек с него ручьями... Он ничуть не изменился... Остроносые башмаки, бархатные штаны... огромный галстук в форме салатного листа...

У него была слабость к служанкам, и он нашел себе уже трех... Они были так счастливы служить ему и любить его... Он не хотел, чтобы ему напоминали о нищете на улице Вожирар... Это уже в прошлом!.. Он не дал даже закончить моему отцу... К чему вспоминать всякие глупости... Расцеловал нас всех по очереди... Он был очень рад нас видеть...

«Артур! Послушай меня хоть немного!.. Твои кредиторы осаждают наши двери!.. с утра до вечера!.. Они не дают нам покоя!.. Ты слышишь?» Артур одним жестом отмел все эти жалкие воспоминания. А мой отец выглядел как несчастный упрямый болван... В общем, он уже вызывал жалость! «Идите же все сюда!.. Иди, Огюст! Ты расскажешь потом! Я покажу вам самый замечательный вид в этой местности!.. Сен-Жермен ничто в сравнении с этим... Сперва тропинка вверх... потом налево, а там под зеленым сводом... моя мастерская!..»

Так он называл свою хижину... Она действительно была очень славная. Оттуда открывался вид на зеленую долину... Сена до Вильнев-Сен-Жорж, а с другой стороны леса Сенар. Нельзя представить себе ничего лучше. Ему повезло. Он не платил за жилье ни полушки. Само собой разумеется, он охранял пруд владельца...

Пруд заполнялся лишь зимой, летом он пересыхал. Дядю здесь часто навещали дамы. От служанок отбоя не было. Еды тоже хватало, причем с избытком!.. Мускат, такой же, как в деревне, колбаса, артишоки и сливочные сырки... Конечно, все в полном беспорядке! Моя мать обожала такие сырки... Он совсем не был несчастен... Рассказывал о заказах, которые получил... Вывески для быстро, бакалейных лавок, булочных... «Другим польза, а мне удовольствие!» Это был его девиз... На стенах висело множество эскизов: «Фаршированная щука» – дохлая ядовито-красно-голубая рыба... «Прекрасная купальщица», – срисованная с одной его подружки-прачки, – огромные сиськи и невиннейшее выражение лица... За будущее можно было не беспокоиться. Живи и наслаждайся.

Прежде чем возвратиться в деревню, он все рассовал в три или четыре кувшина, всю жратву, как обычно прячут сокровища перед тем, как их зарыть... Он не хотел оставлять даже объедки. Остерегался случайных прохожих. На дверях он написал мелом: «Скоро вернусь».

Мы направились к шлюзу, где у него были знакомые моряки. Долго тащились по крутым тропинкам, мать ковыляла сзади. Когда дошли, ей стало плохо, она села на тумбу. Мы смотрели на буксиры, на парусные шлюпки,двигающиеся в шлюзах, такие беззащитные, такие хрупкие, словно стеклянные в сравнении со стеной... Они не решаются нигде причалить.

Опухший смотритель шлюзов три раза сплюнул табак, засучил рукава и с хрипом вскарабкался на свою машину... Поворотная дверь задрожала, заскрипела и медленно пришла в движение... Забурили водовороты... Створки дрогнули и подались... «Артемида» издала длинный гудок... двинулась вперед...

И вот Вильнев-Сен-Жорж... Серая лента Иветт... потом холмы... Внизу деревня... равнина... все усиливающийся ветерок... налетает на реку... раскачивает судно... Непрекращающийся плеск... Ветви хлещут по воде... С берега... Отовсюду... Долги уже забыты... О них даже не вспоминают... Воздух опьяняет нас... Никто больше не ругается с дядей Артуром...

Он предлагает прокатиться на тот берег. Моя мать не соглашается сесть в лодку... Тогда он забирается в ялик один. Сейчас он покажет нам, на что он способен. Он гребет против течения. Мой отец оживляется, засыпает его советами, призывает к осторожности. Даже моя бедная мать встрепенулась. Опасаясь, как бы не случилось чего-нибудь ужасного, она хромает за нами по берегу реки.

Дядя Артур мешает рыбакам, которые, сидя на своих скамеечках, подбрасывают корм в воду... Те осыпают его бранью... Он застрекает в кувшинках... Но сейчас все будет в порядке... Он дышит, как трое атлетов. Поворачивает, попадает в узкий проход, теперь ему нужно срочно вырывать, отступить к карьерам от огромного колесного парохода. Тот заявляет о себе издали. «Цветок Карьеров» движется не спеша, с оглушительным грохотом... Он почти задевает дно реки... Поднимает все... тину, шук и тела утопленников... Забрызгивает грязью и распахивает оба берега... Повсюду, где он проходит, хаос и разрушение... Флотилия лодок раскачивается, натывается на вехи... Шлюз почти затоплен... Для судов это губительно! «Цветок Карьеров» появляется из-за моста. Он раскачивается из стороны в сторону всем корпусом, всеми своими причиналами, адскими механизмами. За ним тащится по меньшей мере двадцать барок, набитых мелким углем... Не самое удачное время для прогулок!.. Мой дядя хватается за пеньковый трос... У него уже нет времени, чтобы добраться до берега... Ялик поднимается на волнах. Его великолепная шляпа падает в воду... Он наклоняется, пытается дотянуться... Роняет весло... Он в растерянности... Хочет достать... Теряет равновесие... И падает в воду навзничь, совсем как в кино... К счастью, он умеет плавать!.. Все бросаются к нему, обнимают, подбадривают... Апокалипсис миновал... спустился вниз к Рис-Оранжи и сеет там новые ужасы.

«Жареный пескарь» – место встреч рыбаков и рабочих из шлюза, здесь все собираются, поздравляют друг друга... Есть повод выпить... Едва обсушившись, дядя Артур присоединяется к остальным... У него идея!.. Создать клуб «Друзья паруса». Рыбаки не очень воодушевляются... Он собирает членские взносы... Его подружки в восторге... Мы остаемся ужинать... Облепленный бумажными фонариками и комарами, перед тарелкой супа дядя затягивает романс: «Поэт сказал однажды...»⁴² Никто не хочет, чтобы дядя Артур возвращался к пруду... Его не отпускают... Он просто не знает, куда деться...

Мы отправились на вокзал... Мы исчезли незаметно, пока он продолжал ворковать... Но мой отец остался неудовлетворен... Особенно немного поразмыслив... Его терзали сомнения... Он не мог себе простить, что не сказал того, что хотел... Ему не хватило решительности. Мы поехали туда еще раз. У Артура уже была новая лодка с настоящим парусом... и даже с маленьким кливером на конце... Он лавировал, напевая «Соле мио». Его красивый голос разносился над песчаными карьерами. Он весь сиял... Отец больше не мог этого видеть... Так не могло продолжаться... Мы бежали, как трусы, даже не дождавшись аперитива... Никто не видел, как мы уехали... мы никогда больше не приезжали... Это было невозможно... Он нас возвращал...

* * *

После десяти лет службы в «Коксинель» мой отец получил пятнадцатидневный отпуск, причем оплачиваемый... Ехать куда-нибудь втроем было неразумно... Слишком дорого... Но стояла ужасная жара, и в Пассаже можно было сдохнуть, а я был таким бледным и страдал от

⁴² «Поэт сказал однажды...» – начало припева песни «Звезда любви» (слова К. Файо, музыка П. Дельме), которую исполнял в начале века Лоранс Дешам: «Один поэт однажды путешествовал во сне и сказал мне, что есть в сияющем небе звезда, на которой все продолжается вечно и любящие сердца никогда не расстаются. Звезда любви, звезда опьянения, где любовники и любовницы. Любят друг друга день и ночь. Поэт сказал однажды мне, что есть звезда, на которой любят вечно».

болезней роста. У меня был худосочный вид. Меня показали врачу, он сказал, что опасается за мое здоровье... «Не пятнадцать дней! А три месяца ему нужно было бы провести на воздухе!...» Вот что он сказал...

«Ваш Пассаж, – прибавил он, – это настоящая помойная яма... Здесь вы не заработаете ни гроша! Это просто бездонный писсуар... Уезжайте!...»

Он был так категоричен, что мать опять ударилась в слезы... Нужно было найти какой-то выход. Тратить унаследованные три тысячи франков не хотелось... Тогда они решили еще раз попробовать торговать на рынке: в Мерэ... в Онивале и особенно в Дьеппе... Я должен был дать обещание вести себя хорошо... не бить часов... не общаться с хулиганами... не отходить от матери ни на шаг... Я пообещал все, что они требовали... что я буду умным и даже, когда вернусь, попытаюсь получить аттестат...

Успокоившись, таким образом, на мой счет, они решили, что можно ехать. Магазин закрыли. Сперва мы с матерью отправимся в Дьепп примерно на месяц... В наше отсутствие мадам Дивонн будет присматривать за лавкой, чтобы чего-нибудь не случилось... Отец присоединится к нам позже, он приедет на велосипеде... И проведет с нами две недели...

Приехав, мы устроились без особых хлопот. В Дьеппе мы жили над кафе «Синица», снимали комнату у одной почтовой служащей, спали прямо на полу, на двух матрацах. Единственным неудобством была вонючая раковина.

Когда настало время идти торговать на Большую площадь, моя мать вдруг испугалась. У нас с собой была целая коллекция изящных безделушек, вышивок и украшений. Слишком опасно раскладывать все это под открытым небом в незнакомом городе... Подумав, мы решили сами ходить к покупателям, это труднее, но меньше риска быть обворованными... Идя по набережной, мы стучались в каждый дом... Ну и работенка! Шмотки весили немало. Приходилось ждать перед домом на скамейке. Наиболее благоприятный момент наступал сразу после обеда... Нужно было дожидаться звуков пианино... Вот они направляются в салон!..

Моя мать вскакивает и бросается к звонку... Иногда ее принимали, иногда нет... Все же ей удавалось кое-что сплавить...

Я так надышался воздухом, что буквально обалдел от него. Я даже стал плохо спать. Повсюду мне мерещились члены, задницы, корабли и паруса... Один вид развешенного на веревках белья способен был вызвать у меня судороги... Вот оно надувается... Возбуждает... женское нижнее белье...

Сначала море пугало нас... По возможности мы старались ходить по тихим улочкам. От сильного ветра можно было схватить лихорадку. Я дрожил без остановки...

В комнате рядом жил сын торгового агента. Мы делали уроки вместе. Он иногда щупал мой член, а дрожил он еще больше, чем я. Он приезжал сюда каждый год, поэтому хорошо знал типы всех кораблей. Он изучил все досконально: и такелаж, и фок-мачты... Трехмачтовые барки... Кают-компании... Трехмачтовые шхуны... Я с увлечением штудировал все это, пока мама ходила по виллам.

На пляже ее уже знали так же хорошо, как и продавца «коко»⁴³... потому что видели, как она постоянно ошивается там со своим свертком... В нем были вышивки, выкройки, дамские украшения и даже утюги... Она бы продавала и потроха, кроличьи шкурки, лапки – все что угодно, только бы «протянуть» эти два месяца.

Совершая свои вылазки, мы старались держаться подальше от порта, опасаясь подходить близко из-за труб и тросов, о которые можно было легко споткнуться. Это было самое коварное место. Стоит упасть в тину, и ты пропал, останешься там, в глубине, тебя сожрут крабы, и никто не найдет...

⁴³ «Коко» – напиток с добавлением цикория и лимона, который продавец разносил в специальном резервуаре на спине.

Утесы также были опасны. Ежегодно целые семьи гибли на скалах. Малейшая неосторожность, неловкий шаг, рассеянность... Огромный камень катится на вас... Чтобы меньше рисковать, мы старались ходить только по улицам. Вечером сразу после ужина мы опять обзванивали всех подряд. Мы совершали настоящие турне... в один конец, потом в другой... По всему проспекту Казино...

Я ждал перед домами на скамейках... Слушал, как мать расхваливает товар... Она ужасно старалась... Я знал наизусть все, что она скажет... Я знал всех местных бродячих собак... Они подбегали, приняхивались и снова убегали... Я знал всех разносчиков, как раз в это время они обычно возвращались домой со своими тележками... Они толкают их перед собой рывками... На них никто не обращает внимания. И они не стесняются, хрипят... Харкают себе под ноги... и по сторонам... Прожектор рассекает тьму... Свет падает на человечка... Волна накрывает камни... рассыпается... накатывает снова... дробится... снова возвращается... затихает...

* * *

Афиши гласили, что пятнадцатого августа, после ярмарки, состоятся автомобильные гонки. Это должно было привлечь много народу, особенно англичан. Моя мать решила остаться еще ненадолго. Нам не очень везло, июль месяц был и вовсе плох, покупательницы сидели дома и занимались глупостями... Мы не смогли продать ни шляпки с воланами, ни болеро, ни даже «дамские рукоделия»... Если бы это им вообще было нужно!.. Но их интересует бог знает что... На берегу моря они сплетничали не меньше, чем в городе... Как и все светские дамы – исключительно о служанках и детском поносе...

Они совершенно отупели, им нужно было по двадцать раз повторять одно и то же, а они продолжали тупо пялиться на образцы...

Мой отец больше не верил нам. В письмах он выражал беспокойство. Он боялся, что мы совсем без денег. Было растранижено более тысячи франков... Мать посоветовала ему взять деньги из наследства. Это было чрезвычайно благородно, но могло плохо кончиться. Я уже предвидел, что меня ждет. Он ответил, что приедет. Мы ждали его у церкви. Наконец он появился на забрызганном грязью велосипеде.

Я думал, что он сразу начнет цепляться ко мне, обвинять меня во всех грехах, я уже приготовился к стремительной атаке... но ничего подобного!.. Напротив, он, казалось, был счастлив, что находится в нашем обществе и видит нас. Он похвалил меня за хорошее поведение и сказал, что я прекрасно выгляжу. Я был очень растроган. Он сам предложил прогуляться до порта... Он знал толк в кораблях. Решил потрянуть стариной. Он разбирался в маневрах. Мы отпустили маму с ее тряпками и отправились к докам. Я очень хорошо помню трехмачтовый русский корабль, совсем белый. Недавно начался прилив, и он взял курс на узкий вход в гавань.

В течение трех дней он бороздил открытое море, боролся с волнами... все его кливера были в водорослях... Он вез опасный груз, незакрепленные бруски, целые горы в полном беспорядке, на всех палубах, в трюмах, везде один лед, огромные ослепительные кубы с поверхности реки, которые везли из Архангельска специально, чтобы продавать в кафе... Во время шторма он дал сильный крен и оказался в бедственном положении. Мы приходили с отцом посмотреть, как он болтается между маяком и гаванью. Волны так потрепали его, что большая рея задевала воду... Я как сейчас вижу капитана, огромного увальня, орущего в рупор в десять раз громче, чем мой отец! Его молодцы карабкались по вантам, подбирали паруса, гафели, фалы, даже те, что под большим Андреевским флагом... Все думали, что ночью его выбросит на скалы. Спасатели не хотели выходить в море, оставалось надеяться только на Бога... Потерялось шесть рыбацких судов. Даже судно военно-морского корпуса, проходившее мимо, получило сильный удар о рифы Трото... Можно себе представить, что это было.

Перед кафе «Шалунья» шкоты переплетались... швартовые тумбы были расположены так, чтобы избежать опасности в случае, если судно отнесет... Но там все настолько напились, что им было все равно... Очевидно, слишком сильно натянули швартовы... Форштевень уперся в мол, где располагалась таможня... Великолепная фигура Девы на носу врезалась в него обеими сиськами... Это было грандиозно... Просто искры полетели... Бушприт разбил стекло... Протаранил быстро... Кливер оцарапал лавку...

Вокруг в ужасе визжат... Разбегаются по сторонам. Слышны ругательства... Наконец все успокоились... Славный корабль пришвартовался... Встал у причала, обвитый пеньковыми тросами... В завершение последний парус падает у него на фок-мачте... распластавшись, как чайка.

Якорная цепь на корме стонет в последний раз... Земля принимает корабль. Из камбуза выходит кок, он бросает клекочущим птицам огромную миску еды. Верзилы, жестикулируя, стоят вдоль бортов, пьяницы из береговой команды не соглашаются установить трап... шкоты висят...

Военный писарь в рединготе поднимается первым... Наверху болтается шкив с куском бруса... Снова раздаётся ругань... Все опять шумят... У фалов копошатся грузчики... Открываются крышки люков... Это настоящий айсберг!.. И еще лес!.. Только успевай!.. Подъезжает повозка... Больше нам здесь нечего делать, мы переполнены впечатлениями.

Мы возвращаемся к семафору, теперь сигнал подает угольное судно. Оно проплывает мимо скалы Гиньоль, покачиваясь на волнах.

Шлюпка лоцмана вертится и скачет вокруг него с одной волны на другую. Он обезумел... Его все время отбрасывает... наконец он цепляется за лестницу... карабкается... взбирается на борт. От Кардиффа суденышко с трудом пробивалось сквозь шторм... О его борта бьется водяная пыль и пена... Оно сопротивляется... Его относит к молу... Наконец море немного успокаивается, натиск его ослабевает, можно пройти в устье... Подходя, оно от напряжения дрожит всем корпусом, волны все еще преследуют его. Оно ворчит, хрипит на всех парах. Его снасти взвизгивают под порывами ветра. Дым стелется по гребням волн, отлив тащит его к дамбам.

Сейчас уже можно разглядеть Каске⁴⁴, судно вошло в узкий пролив... Во время отлива обнажились маленькие скалы...

Показались две одномачтовые яхты... Приближается развязка, нельзя терять ни минуты... Все взволнованы, сбились в кучу возле колокола, подающего сигнал тревоги... Рассматривают происходящее в бинокли... Один из соседей уступает нам свой. Порывы ветра становятся такими сильными, что невозможно открыть рот. Все уже задыхаются... Ветер вздувает море... оно осыпает брызгами прожектор... поднимается до самого неба...

Мой отец нахлобучивает фуражку... О возвращении думать еще рано... Три рыбацких судна без мачт достигают берега... Их гудки раздаются в глубине фарватера... Они окликают друг друга... Сталкиваются веслами...

Мама беспокоится, поджидая нас в «Мышке», кабачке, где собираются торговцы дарами моря... Она почти ничего не продала... Мы говорим только о дальних путешествиях.

* * *

Мой отец хорошо плавал, он был просто помешан на купаниях. Я же не очень любил купаться. Пляж в Дьеппе был не ахти какой. Но отпуск есть отпуск! К тому же здесь я стал еще грязнее, чем в Пассаже.

⁴⁴ Каске – группа островов недалеко от Великобритании, но от Дьеппа они расположены довольно далеко, так что разглядеть их оттуда невозможно.

В «Синице» у нас был один тазик на троих. Я никогда не мыл ноги. От меня уже воняло почти так же, как от раковины.

Для купания требовалось немалое мужество. Вспененный, вставший дыбом, полный сотен тысяч мелких камней, ревущий гребень разбивается о берег и тащит за собой.

Продрогший трясущийся ребенок едва удерживается на ногах... Целый град булыжников обрушивается на меня среди пены и водяных хлопьев. Под обстрелом камней голова содрогается, втягивается в плечи... Каждая секунда кажется последней... Мой отец в полосатой майке между двух ревущих стен надсаживается от крика. Он появляется передо мной... Отплевывается... ругается... Новый вал переворачивает его, тащит назад, ноги мелькают в воздухе... Он дрыгает ими, как лягушка... Ему уже не подняться, он сломлен... Тут мне в грудь летит новый залп гальки... Я сгибаюсь... Тону... Ужас. Я сметен волной... меня выбрасывает к ногам матери... Она пытается схватить и удержать меня... Но новая волна вырывает меня и уносит. Она дико вопит... Сбегается весь пляж... Но все усилия напрасны... Купальщики взволнованы... Меня то тянет в глубину, то выносит наверх, я хриплю и задыхаюсь... Как вспышки, мелькают люди, обсуждающие мое бедственное положение... Разноцветные: зеленые... голубые, призрачные, желтые... лимонные... меня разрывает на части... Я уже ничего не вижу... Меня душит спасательный круг... Выбрасывает на скалы, как кашалота... Мне в рот льют лекарства, растирают арникой... Я весь горю под повязками... Проклятые растирания... Я связан по рукам и ногам тремя пеньюарами...

Все вокруг говорят... Что море слишком беспокойно для меня! Прекрасно! Хватит! С меня довольно!.. Это была жертва... Ради очищения...

* * *

Прошло уже целых десять дней. На следующей неделе все завершится. Мой отец вернется в контору. Стоит об этом подумать, как начинает болеть живот. Нельзя терять ни минуты.

Торговля идет так вяло, что мы вдруг впадаем в настоящую панику и отваживаемся на путешествие... Решено ехать в Англию... Предстоящее возвращение лишает нас рассудка... и толкает на крайности...

Выезжаем с восходом солнца сразу после кофе с молоком... Остатки бабушкиных сбережений... все равно!.. половины уже нет!..

Мы пришли на корабль задолго до отплытия... Удобные места, почти у форштевня... Прекрасно виден весь горизонт... Я должен был первым заметить чужой берег... погода стояла неплохая, но как только мы отошли от берега и потеряли из виду маяк, начинается качка... Она все усиливается, это уже похоже на настоящее плавание... Моя мать цепляется за поручни... Ее первую рвет на палубу... На мгновение ей становится легче...

«Займись ребенком, Огюст!» – стонет она... Этого было достаточно, чтобы силы снова покинули ее...

Остальные тоже корчатся в неестественных позах... над бортами и релингами... при такой болтанке можно блевать, не стесняясь, не обращая ни на кого внимания... Единственный туалет... Сразу четверо, обалдев от рвоты и вцепившись друг в друга, уже забились туда... Море все раздувается... После каждого толчка, подъема на волну следует целый залп блевотины... При спуске по меньшей мере еще двенадцать, только более обильных, более насыщенных... Ураганный ветер срывает промокшую вуаль с моей матери... и затыкает ею рот дамы на другом конце палубы... корчащейся в рвотных судорогах... Никакой стойкости! Извергается все!.. конфитюры... салат... телятина с грибами... кофе со сливками... рагу!..

Стоя на коленях на палубе, моя мать силится улыбнуться, у нее течет слюна...

– Вот видишь, – говорит она, – при носовой качке... ужасно... Вот видишь, Фердинанд, у тебя в желудке еще остался тунец!.. Попробуем еще раз вместе. Буа!.. Буа!.. Она ошиблась! это

блинчики!.. Думаю, что с таким же успехом я мог бы выдать и жареный картофель... без особых усилий... Просто вывернув свои внутренности и извергнув их на палубу... Я стараюсь... лезу вон из кожи... Еще одна попытка... огромный вал обрушивается на бортовое ограждение, грохочет, заливает, сбивает с ног, откатывается, сметая все с нижней палубы... Пена бурлит, клокочет, перемешивается с блевотиной... Опять начинается рвота... При каждом погружении ты расстаешься с душой... при подъеме она возвращается в потоке слизи и вони... соленая, стекает по носу, это выше человеческих сил!.. Какой-то пассажир просит пощады... Божится, что уже пуст!.. Напрягается изо всех сил!.. И все-таки выдает малину!.. Он с испугом уставился на нее... Он намерен выbleвать оба глаза... И прилагает к этому усилия... Изгибается дугой у рангоута... Старается блевать через все отверстия... Мама падает на перила... Она вся изbleвалась... Из нее вышла морковка... кусочек жира... и целый хвостик барабульки...

Наверху, рядом с капитаном, блюют пассажиры первого и второго класса, они наклоняются, и все это летит на нас... При каждом подъеме на волну на нас льется настоящий поток, летят целые куски пищи... нас хлещет объедками... кусками тухлятины... Все это разносится порывами ветра... красуется на вантах... Вокруг ревет море, клокочет пена... Отец, затянув под подбородком ремешок фуражки, дает нам советы... расхаживает взад-вперед, ему везет, у него морская душа!.. Он советует нам еще сильнее согнуться... поползть... Появляется какая-то пассажирка... Она, качаясь, идет прямо к маме... устраивается поблевать... Тут же подбегает песик, ему так плохо, что он гадит прямо ей на юбку... Он переворачивается, показывая нам живот... Из уборной доносятся ужасные крики... Те четверо, что заперлись там, не могут больше ни блевать, ни помочиться... даже посрать... Они тужатся над очком... Вопят, как будто их убивают... А ураган все усиливается, напряжение возрастает, судно снова погружается... проваливается в бездну... в зеленую мглу... Оно все истрепано... У нас в брюхе снова переворачиваются внутренности...

Какой-то наглый приземистый тип прямо перед нами помогает своей супруге блевать в бачок... Он подбадривает ее...

«Давай, Леони!.. Не бойся!.. Я здесь!.. Я держу тебя!» Вдруг она поворачивает голову по направлению ветра... Вареное мясо, приправленное луком, салом и чесноком, клокотавшее у нее в глотке, летит мне прямо в физиономию... У меня набивается полный рот фасоли, томата... а ведь мне уже нечем было блевать!.. Теперь снова есть чем... Я слегка напрягаюсь... внутренности снова поднимаются... Ну, держись!.. Пошло!.. Весь набор уже у меня в горле... Я выверну ей прямо в рот все мои кишки... Я приближаюсь ошупью... мы тихонько подползаем... Берем за руки... падаем... Крепко обнимаемся... и блюем друг на друга. Мой добрый отец и ее муж пытаются нас разнять... Они тащат каждый в свою сторону... Им не понять, что происходит...

Прочь, измененные чувства! Буа!.. Этот муж просто грубый упрямый чурбан!.. О крошка, мы поблюем вместе!.. Я выдаю его красотке прекрасный клубок лапши... с томатным соусом... Трехдневный сидр... Она возвращает мне швейцарский сыр... Я посасываю его волоконец... Моя мать запуталась в канатах... пытается выбраться... Песик тащится за ней, вцепившись в юбку... Все уже измучились с женой этого детины... Меня грубо оттааскивают... Чтобы вырвать меня из ее объятий, он лупит меня ботинком по заднице... в стиле «боксер-тяжеловес»... Мой отец пытается его задобрить... Но он не успевает сказать и двух слов, как тот отвешивает ему такой удар кулаком прямо в желудок, что отец растягивается на лебедке... Но это еще не все!.. Эта скотина прыгает ему на спину... Он уже разбил ему всю физиономию... И наклоняется, чтобы добить его... У отца течет кровь из носа... она мешается с блевотиной... Он, пошатываясь, цепляется за мачту... Наконец падает... Но муж все еще не удовлетворен... Воспользовавшись тем, что меня относит волной... он бросается на меня... Я отползаю... Он отбрасывает меня в уборную... Как настоящий таран... Я упираюсь... И со всего маху влетаю в двери... Попадаю к изнеможенным субъектам... ворочаюсь в этой куче... Я попал в самую середину...

Они все без штанов!.. Я тяну за цепочку... На нас обрушивается настоящий смерч! Мы буквально утонули в горшке... А поток блевотины не иссякает... Я уже не знаю, жив я или мертв...

* * *

Всех привела в чувство сирена. Одни потащились в туалет. Другие прилипли к иллюминаторам... Вдали виднеется огромное кружево свай... Мы смотрим на Англию, как будто приплыли в Потусторонний Мир...

Здесь тоже есть зелень и скалы... Но гораздо более темные, неровные, чем показалось в первый момент... Вода уже стала совсем гладкой... Можно спокойно блевать... Но позывы прекратились. Моя мать периодически начинает плакать, вспоминая, как она блевала... Я весь в синяках... Перед подходом к берегу в рядах пассажиров воцаряются тишина, страх и беспокойство. Мертвецы не могли бы вести себя тише.

Судно бросает якорь, еще два-три раза дергается и, наконец, встает. Мы начинаем рыться в поисках билетов... Пройдя таможеню, пытаемся хоть как-то прийти в себя. Моя мать выжимает юбку, с нее течет ручьем. Отец сильно потрепан, у него отсутствует кончик уса. Я стараюсь не смотреть, у него под глазом темнеет фингал. Он прикладывает к нему платок... Все понемногу успокаиваются. Дорога еще покачивается. Мы идем вдоль лавок, крошечных, как у них принято, с закрытыми ставнями и маленькими ступенями, выкрашенными белой краской.

Моя мать старается изо всех сил, она не хочет быть нам в обузу, но все равно ковыляет сзади... Хорошо бы найти гостиницу, сразу же снять комнату, чтобы она могла отдохнуть... хоть минуту... Мы уже не собираемся в Лондон, мы слишком вымокли... Мы рискуем заболеть, если продолжим путешествие... И башмаки не выдержат. Они уже давно просят каши и издают такие звуки, будто идет целое стадо.

Вот и гостиница... На фасаде надпись золотыми буквами... Но перед самой гостиницей мы вдруг дрогнули... Повернули назад... Дождь все усиливается. Как только подумали, сколько здесь все может стоять... Стало страшно... Заходим в чайную... Это как раз для нас... Садимся, смотрим на чемодан... Но это же не тот!.. На таможне в суматохе мы ошиблись!.. Поспешно возвращаемся... Нашего чемодана нет!.. Тот же, что был у нас, отдают начальнику вокзала... В результате мы остаемся ни с чем!.. Хуже ничего нельзя себе представить!.. Такое могло случиться только с нами!.. В каком-то смысле это действительно так... Мой отец прав... Не во что переодеться... не осталось ни одной рубашки! Все же нужно идти... Вся деревня видит, как мы втроем тащимся под проливным дождем. Настоящие бродяги! Нужно выбрать, по какой дороге идти... Мы пошли по первой попавшейся... За последним домом...

«Brighton»... Так написано на дощечке, он в четырнадцати километрах отсюда... Это не страшно, так как мы всегда были хорошими ходоками. Правда, мы никогда не ходили вместе. Мой отец все время держится впереди... Он не очень-то горд тем, что идет с нами... Даже теперь, промокший, грязный, разбитый, он старается отделиться... Одна мысль о том, что мы с ним заговорим, причиняет ему страдание... Он сохраняет дистанцию.

Моя мать уже высунула язык, так ей больно тащить свою ногу. Она дышит, как побитая собака.

Дорога вьется между скал. Ливень усиливается. Внизу, в бездне, полной облаков и камнепада, шумит океан.

Морская фуражка отца нахлобучена почти до подбородка. Его пыльник так облегает формы, что задница напоминает луковицу.

Мама, ковыляя, снимает шляпку, ту самую, с жаворонками и вишенками. Ее оставляют на память кусту... Вокруг вьются и кричат чайки. Они, должно быть, как и мы, поражены видом тяжелых грозовых туч... Сгибаясь под порывами ветра, мы не теряем присутствия духа...

Скалы, подъемы, как волны, еще и еще... бесконечно... Мой отец постепенно скрывается в тумане... Растворяется в потоках ливня... Видно, как он уменьшается вдаль, на другом склоне.

«Поднимемся еще на эту, Фердинанд!.. И я отдохну! Как ты думаешь, он уже видит этот «Бриштон»? Как ты думаешь, еще далеко?..» Ее силы на исходе. Присесть невозможно. Все пригорки размокли... Ее одежда села так, что рукава доходят лишь до локтей... Ботинки раздулись, как бурдюки... Вдруг нога матери подгибается... Подается под ее весом... И она падает вниз, в рытвину... Ее голова запрокинулась... Она не в состоянии даже шевельнуться... Пускает пузыри, как лягушка... Дождь в Англии – это подвешенный в воздухе океан... В нем постепенно тонешь...

Я громко зову на помощь отца... Мама сползает все дальше! Я тащу ее изо всех сил. Дергаю. Все напрасно!.. А вот и наш путешественник. Он обалдел от тумана. Мы напрягаемся вместе... Тянем и тянем, раскачиваем ее. Выкорчевываем из густой грязи... Она продолжает улыбаться. Ей доставляет особое удовольствие снова видеть своего Огюста. Она спрашивает у него, что нового... Не слишком ли он устал?.. Что он видел на краю утеса? Он ничего не отвечает... Только говорит, что нужно пошевелиться... Необходимо вернуться в порт поскорее... Еще сто подъемов, сто спусков... до полного изнеможения. Наша дорога стала неузнаваема, настолько гроза ее перепыхала... Наконец показались огни... порт и маяки... Уже глубокая ночь... Держась друг за друга, пошатываясь, мы снова проходим мимо того же отеля... Ничего не истратив... Никого не встретив... Никакой одежды у нас больше нет, лишь те жуткие лохмотья, что на нас... У нас такой изможденный вид, что на судне к нам проявляют участие... Разрешают перейти из третьего во второй класс... предлагают лечь... На вокзале в Дьеппе мы ложимся прямо на скамейки... С возвращением больше нельзя медлить... В поезде разыгрывается еще одна сцена по поводу маминых запоров...

– Ты не ходишь уже восемь дней!.. Значит, ты больше никогда не сходишь!

– Но я схожу дома...

Его выводило из себя то, что она не ходит регулярно, это неотступно его преследовало. Поездки вызывают запоры. Он думал теперь только о какашках. В Пассаже наконец-то можно было обсушиться. Мы все трое схватили насморк. Мы еще легко отделались. У отца был замечательный синяк. Можно было подумать, что это лошадь лягнула его, когда он подошел к ней сзади...

Мадам Дивонн была любопытна, ей хотелось знать все. Все подробности приключений... Она тоже была в Англии во время свадебного путешествия. Чтобы лучше слышать рассказ, она даже прерывает игру на пианино... На самой середине «Лунной сонаты».

Месье Визьо тоже падок до всего необычного и занимательного... Эдуард пришел с Томом послушать новости... У меня и мамы были кое-какие свои впечатления... Но отец не желал, чтобы мы об этом рассказывали... Он один говорил без умолку... Можно было подумать, что он успел увидеть нечто замечательное... и фантастическое... неслыханное... совершенно невообразимое... в конце дороги... там, за утесом... Когда скрылся в тумане... между «Бриштоном» и ураганом... Отец совсем один, отдельно ото всех!.. затерявшийся в вихре... между небом и землей...

Он уже больше не стеснялся, расписывал им настоящие чудеса... Брызгал слюной до изнеможения!.. Мама ему не противоречила... Она всегда была счастлива, когда он имел успех... «Не так ли, Клеманс?» – спрашивал он, когда байки становились совершенно неправдоподобными... Она все одобряла и подтверждала... Она, конечно, понимала, что он преувеличивает, но это же доставляет ему удовольствие!..

– Ну, а в Лондоне вы были? – спросил похожий на ребенка месье Лерозит, торговец очками из 37-го, получавший из Лондона стекла...

– Конечно! Но только в окрестностях... Мы видели главное!.. Это порт! В сущности, единственное, что заслуживает там внимания! И еще пригороды... У нас было всего несколько часов!..

Мама оставалась невозмутимой. Он врал направо и налево... Во время кораблекрушения поднялся такой шум... Женщин начали вытаскивать на утес при помощи лебедки... А как он прогуливался по Лондону, с теми, кто уцелел... В основном это были иностранцы! Его уже было не остановить!.. Он даже подражал их акценту.

Каждый вечер после обеда снова начиналось сборище... Чудеса... еще чудеса!.. Мадам Меон в своей хибаре опять заволновалась... Она расположилась прямо напротив, но не переходила дорогу... Ведь мы поссорились насмерть... Она заводила свой граммофон, чтобы прервать отца... Вынудить его остановиться... Чтобы шум не мешал, мама закрывала магазин. Спускала шторы... Тогда Меонша стала стучать в стекла, провоцируя отца, чтобы он вышел и вступил с ней в перебранку... Моя мать встала между ними... Это вывело всех соседей из себя... они все были на нашей стороне... Они уже почувствовали вкус к путешествиям... Однажды вечером, возвращаясь с прогулки, мы не услышали ни Меонши, ни ее граммофона... Обычные участники вечеров собирались по одному... Устраивались в комнате за лавкой... Отец начинает свой рассказ... но уже совсем по-новому... Когда вдруг со стороны этой гадины раздается... Тарарах!.. ужасный грохот!.. Взлетают ракеты!.. Целый сноп огня! Взрыв! Совсем рядом с лавкой!.. Дверь отскакивает! И мы видим, как эта старая кляча жестикулирует факелом и ракетами... Она поджигает порох!.. Раздается свист, все кружится! Вот что она придумала, чтобы разрушить очарование! Она беснуется, как дьявол! Огонь попадает на ее юбку, она тоже воспламеняется! Все бросаются к ней! Набрасывают на нее занавески, тушат ее! Но ее корсетная лавка уже горит! Прибывают пожарные! Эту сволочь больше никто не видел!.. Ее увезли в Шарантон!⁴⁵ Она осталась там навсегда! Никто не хотел ее возвращения! По Пассажу была пущена бумага для сбора подписей, что она сумасшедшая и ее невозможно выносить...

* * *

Снова настали плохие времена... Больше не было разговоров ни об отпуске, ни о рынках, ни об Англии... Наша стеклянная крыша гудела под ливнями, в галерее было не продохнуть от острого запаха прохожих и их собачек.

Наступила осень...

Я постоянно получал подзатыльники за то, что валял дурака, вместо того чтобы учиться. В школе я многого не понимал. Мой отец опять обнаружил, что я настоящий кретин. На море я подрос, но стал еще более ленивым. Я погряз в безделье. Он снова устраивал ужасные скандалы. Кричал, что я подлец. Мама опять принялась ныть.

Торговля шла очень плохо. Мода постоянно менялась. Изменились фасоны шляп, снова вернулись батистовые кружева, клиентки обкладывали себе ими сиськи, натывали в волосы, украшали ими сумочки. Мадам Эронд спешно попыталась перестроиться. Она изобрела болеро «в строгом ирландском стиле», рассчитанном на двадцать лет. Но, увы, это было лишь мимолетное веяние! Удостоившись Гран-при, вскоре они уже использовались только для украшения абажуров... Иногда мадам Эронд так уставала, что путала все заказы, однажды она вернула нам «нагрудник», украшенный вышивкой, предназначенной для пододеяльников... Происходили грандиозные скандалы... клиентки заливались слезами и грозили судом! Ее горе не знало границ, мы возмещали все убытки, а потом следовали два месяца лапши... Накануне моего аттестата в лавке разразилось настоящее землетрясение. Мадам Эронд выкрасила в цыплячий желтый цвет ночную сорочку, которую нужно было превратить в «подвенечное платье»!

⁴⁵ Шарантон – психиатрическая больница, называемая «Шарантон», находилась на территории городка Сен-Морис.

Это был удар ниже пояса!.. Ужасная оплошность! Клиентка сожрет нас!.. Ведь все совершенно ясно написано в записной книжке!.. Мадам Эронд рыдала на плече моей матери. Отец первым вышел из себя!

– Ах, ты навсегда останешься такой! Ты слишком добра. Разве я тебя не предупреждал? Они доведут нас до суда! Эти твои работницы!.. Ах! представь, что я хоть чуть-чуть ошибся в «Коксинель»!.. Ох! я так и вижу себя в конторе! – Предположение было настолько ужасным, что он почувствовал себя уже уволенным!.. Он побледнел!.. его усадили... Все!.. Я снова принялся за арифметику... Это он заставлял меня зубрить... Если я не мог ответить, он отвешивал мне подзатыльники, потому что сам запутывался в своих собственных объяснениях. Я слушал невнимательно... Понимал плохо... Витал в облаках... Он анализировал мои недостатки... Находил меня неисправимым... Я же считал его совершенно невменяемым... Он то и дело принимался что-то хрипеть по поводу моего «деления». Полностью запутывался... Еще раз давал мне по башке... Ему хотелось, чтобы я ревел... Ему казалось, что я хихикаю... что я издеваюсь над ним... Тут прибежала моя мать... Его ярость удваивалась... Он орал, что хочет умереть!

* * *

В утро экзамена мать закрыла лавку, чтобы иметь возможность подбодрить меня. Он проходил в общине Сен-Жермен-л'Оксеруа, в том же внутреннем дворе. В напутствие она дала мне совет чувствовать себя уверенно. Момент был торжественный, она вспомнила Каролину и немного всплакнула...

По дороге она заставила меня пересказать басни и список департаментов... Ровно в восемь мы были там перед решеткой, чтобы записаться. Одеты все были тщательно, мальчики вымыты, но нервы у всех были напряжены до предела, и у матерей тоже.

Сначала был диктант, потом задачи. Это было нетрудно, я помню, нужно было только списать. Сдавали те, кто провалился осенью на предыдущей сессии. Почти для всех это было трагедией... Особенно для тех, кто хотел стать подмастерьями... На устном я очень удачно попал к толстому человечку с носом, сплошь усеянным бородавками. Он носил большой галстук-бант, почти в стиле дяди Артура, но не был артистом... Это был аптекарь с улицы Гомбу. У нас были общие знакомые. Он задал мне два вопроса про растения... Этого я не знал совершенно... Он ответил сам себе. Я смутился. Тогда он спросил у меня расстояние от Солнца до Луны, а потом до Земли и обратно... Я не осмелился слишком вылезать. Ему пришлось меня выручать. О временах года я знал немногим больше. Я пробормотал что-то неопределенное... По правде говоря, он не был слишком требователен... На все он отвечал за меня.

Тут он задал мне вопрос о том, что я буду делать, когда получу аттестат.

– Я займусь торговлей, – подобострастно ответил я.

– Торговля – это тяжелое дело, малыш!.. – ответил он мне... – Могли бы вы еще подождать?.. Может быть, на следующий год?..

Он, должно быть, не считал меня здоровяком... Внезапно я подумал, что провалился... Я представил себе возвращение домой, драму, которую вызову... Я почувствовал головокружение... Мне показалось, что я сейчас упаду... меня как будто уже колотили... Я схватился за стол... Старик увидел, как я побледнел...

– Да нет, мой мальчик! – сказал он. – Успокойтесь же! Это все ерунда! Я приму у вас! Вы вступите в жизнь! Раз вы так этого хотите!

Я снова уселся на скамью у стены!.. Я был потрясен. Я спрашивал себя, не была ли это просто уловка с его стороны... Чтобы отделаться. Моя мать сидела около церкви на стульчике, ждала результатов...

Закончили еще не все... Еще оставались мальчишки... Теперь я заметил их. Они бормотали свои ответы, уткнувшись глазами в пол... карта Франции, континенты...

После его слов о вступлении в жизнь я смотрел на своих маленьких товарищей так, как будто увидел впервые... Страх не пройти пригвоздил их к столу, они корчились, как в ловушке.

Вот так и вступают в жизнь? Даже в это мгновение они старались уже не быть мальчишками... Старались придать лицам такое выражение, как у взрослых мужчин...

Одетые в фартуки, все они немного походили друг на друга. Это были такие же, как я, дети мелких торговцев из центра, имевших свои лавки или магазины... Все они были довольно хилые... Тарашили глаза, силясь ответить старику...

Сидящие вдоль стен родители следили за этой процедурой... Они наблюдали за своими детьми, бросая на них суровые взгляды, чтобы настроить их на серьезный лад. Мальчишки все время сбивались... Съеживались все больше... Старик был неумолим... Он отвечал за всех... Это была сессия кретинов... Матери постепенно выходили из себя... Они грозили жестокой расправой... В комнате пахло убийством... Наконец всех ребят проэкзаменовали... Оставалось огласить список получивших аттестат... Чудо из чудес!.. Экзамен выдержали абсолютно все! Инспектор Академии объявил об этом со сцены... На животе у него была цепочка с большим брелочком, который подпрыгивал при каждой фразе. Он немного запинаясь, перепутал все имена... Это уже не имело никакого значения...

Воспользовавшись случаем, он сказал несколько проникновенных слов... очень сердечных... очень ободряющих... Он заверил нас, что, если мы будем вести себя в жизни достойно, мы можем быть уверены, что позже будем вознаграждены.

Я описался и обкакался, мне было трудно двигаться. Я был не одинок. Все дети бегали через двор. Но моя мать сразу же почувствовала запах, когда сжимала меня в объятиях... От меня так воняло, что пришлось держаться подальше от остальных. Я не мог даже попрощаться со своими друзьями... занятия закончились... Чтобы побыстрее вернуться, мы сели в фиакр...

Там устроили сквозняк. При помощи забавных окошечек, которые хлопали всю дорогу. Она снова заговорила о Каролине. «Как бы она была счастлива, узнав, что ты выдержал экзамен!.. Ах! Если бы она была жива!..»

Мой отец, не зажигая света, ждал на первом этаже результатов. Он был так взволнован, что уже принялся приводить в порядок товар на витрине...

– Огюст! Он выдержал!.. Ты слышишь меня?.. Он выдержал!.. Он легко прошел!..

Он крепко обнял меня... Зажег свет, чтобы меня видеть. Он смотрел на меня с любовью. Он был невероятно взволнован... Его усы дрожали...

– Прекрасно, мой мальчик! Ты заставил нас сильно поволноваться!.. Теперь я поздравляю тебя!.. Ты вступаешь в жизнь... Будущее в твоих руках!.. Нужно найти достойный пример для подражания!.. Идти прямой дорогой!.. Работать!.. Упорно трудиться!..

Я попросил у него прощения за то, что всегда был таким неблагодарным. Расцеловал его от всего сердца... Но от меня так сильно воняло, что он стал принюхиваться...

– А! Что? – он оттолкнул меня. – Ах! свинья!.. Засранец!.. он весь в дерьме!.. Ах! Клеманс! Клеманс!.. Отведи его наверх, прошу тебя!.. Не выводи меня из себя! Он омерзителен!..

Излияния кончились.

Меня вычистили с ног до головы, протерли одеколоном. На следующий день приступили к поискам по-настоящему приличного дома, где я мог бы заняться торговлей. Места, где ко мне были бы поосторожнее, где бы мне ничего не спускали.

Не помучишься – не научишься! Таково было мнение Эдуарда. У него был двадцатилетний опыт. Остальные думали так же.

* * *

Самое главное в торговле – это внешний вид. Служащий, который не следит за собой, бросает тень на хозяев... Ваша репутация зависит от обуви!.. Не жалеете денег на ноги!..

Около Центрального рынка находился известный магазин «Принц Регент»... Как раз то, что нужно! Жесткие и заостренные формы всегда производят впечатление... стиль «утиные носы». Ногти впиваются вам в мясо, это чрезвычайно изящно! Моя мать купила мне сразу две пары, которые практически невозможно было носить. Потом мы пошли в магазин верхней одежды «Высший класс»... Чтобы закончить мою экипировку, мы воспользовались магазином уцененных товаров.

Она заплатила за три пары безупречных и прочных брюк, взятых с запасом на десять лет. Я рос быстро. Куртка тоже была самая темная, на руке у меня была повязка, траур по Бабушке. Я должен был производить серьезное впечатление. Ни в коем случае нельзя было ошибиться в выборе воротничков... В молодости, когда у тебя тонкая шея, их ширина чем-то подкупает. Единственным дозволенным украшением был галстук-бабочка, повязанный особым образом. И конечно, цепочка от часов, но тоже из-за траура выкрашенная в коричневый цвет. Все это у меня было. Я был корректен. Предупредителен. Отец тоже носил часы, но золотые, настоящий хронометр... Он считал на них секунды... Большая, быстро бегущая стрелка гипнотизировала его. Он часами, не двигаясь, мог смотреть на нее...

Моя мать повела меня к месье Берлопу в «Ленты и оборки» на улице Мишодьер, сразу за Бульварами.

Она была настолько щепетильна, что обо всем предупредила его заранее... Что они со мной намучаются, что от меня можно ждать чего угодно, что я довольно ленив, совершенно непослушен и чрезвычайно легкомыслен. Таково было ее мнение... Я же всегда старался изо всех сил. Более того, она сказала, что я постоянно ковыряю в носу и это настоящая мания. После ее рекомендации мне стало стыдно. Конечно, они все время пытались меня исправить, но немногого достигли... Месье Берлоп, слушая эти подробности, неторопливо чистил себе ногти... Он оставался серьезным и озабоченным. На нем был замечательный жилет, весь усыянный золотыми пчелами... Еще я помню его веерообразную бороду и круглую вышитую ермолку, которую он не снял и при нас.

Наконец он ответил... Он попытается меня воспитать... Он даже ни разу не взглянул на меня... Если я проявлю добрую волю, ум и старательность... Ну, а там видно будет... После нескольких месяцев работы в отделе он, может быть, переведет меня на другое место... К коммивояжеру... Носить коробки с образцами товаров... Я познакомлюсь с покупателями... но перед тем как меня взять, нужно посмотреть, на что я способен... Есть ли у меня коммерческая жилка!.. Призвание к торговле... Компетентность... Преданность...

Впрочем, после всего, что сказала моя мать, это становилось весьма сомнительным...

Во время беседы месье Берлоп причесывался, прихорашивался, у него всюду были зеркала... То, что он нас принял, было честью для нас... Впоследствии мама часто повторяла, что хозяин проявил любезность, удостоив нас личной беседы.

«Берлоп и сын» не брали кого попало на воспитание, даже бесплатно!

На следующий день, ровно в семь часов, я был уже на улице Мишодьер перед их жалюзи... Я сразу же помог мальчику поднять их... Я вертел ручку... Мне хотелось сразу же продемонстрировать усердие...

Ну конечно же, сам Берлоп не занимался моими первыми шагами, это делал месье Лавлонг... Без сомнения, редкая сволочь. Он следил за вами весь день, с первой же минуты... Ходил за вами по пятам, подошвы его были подбиты войлоком... Весь изгибаясь, сзади, из

коридора в коридор... С руками, висящими вдоль тела, готовый прыгнуть, наброситься на вас... Он собирал сигареты... даже самые маленькие окурки... брошенные неизвестно кем...

Не успел я снять пальто, как он меня уведомил:

– Я ваш непосредственный начальник! Как вас зовут?

– Фердинанд, месье...

– Так, я вас предупреждаю... В этом доме не паясничать! С сегодняшнего дня начинается испытательный срок, месяц... В моей власти выставить вас на улицу! Вот! Ясно? Понятно?

Проговорив это, он исчез, как призрак, между штабелями коробок... Он постоянно что-то бормотал... Мог появиться в любой момент, когда его совсем не ждали... Он был горбун. Прятался за спинами покупателей... Продавцы тряслись перед ним с утра до вечера. Он все время улыбался, но как-то странно... Настоящая зараза...

* * *

Когда весь товар перемешан в беспорядке, иметь дело с шелком хуже, чем с любой другой тканью. Все куски, отрезы, образцы, начатые рулоны разбрасываются, разматываются, бесконечно путаются... К вечеру на это невозможно смотреть. Попадаются чудесные нагромождения, совершенно невероятные, как кусты.

Весь день девушки на посылках, швейки кудахчут у прилавков. Они роются, что-то находят, ругают товар. Лихорадочно перешептываются. Ленты змеятся под ногами...

После семи часов начинают сматывать полотнища! Многие работают кое-как... В этом можно задохнуться. Настоящая оргия тряпок. Тысячи и тысячи красок... Муар, сатин, тюль... А когда собираются бабы и начинают галдеть и торговаться, то лучше умереть. Нет ни одной пустой коробки. Все номера перепутаны. На тебя сыплются ругательства... Тебя гонят все кому не лень! Эти жирные приказчики с прилизанными волосами и челками, как у Майоля⁴⁶.

Ученики обязаны снова складывать товар. Они старательно наматывают на бобины куски ткани, прикрепляют ленты на подставки, сматывают их в клубки... все начатые рулоны, плетный шнур, бергамский бархат... Тафта играет, переливается... Вся эта мешанина, бесформенная куча «непроданного» достается тебе одному. Но едва все намотано на прямоугольники, как появляются новые гадины, и все разматывается опять!.. Вся наша работа летит к чертям...

О, эти ужимки, это кудахтанье, отвратительное кокетство, «ридикюли» в руках, вечный поиск другого оттенка, именно того, которого нет...

Кроме того, в соответствии с достаточно исчерпывающей инструкцией, мне вменялось в обязанность таскаться вверх-вниз в склады. Примерно раз пятьдесят в день. Они были расположены на восьмом этаже. Я перебирал коробки. Там оставались только те, что были наполнены браком, беспорядочно перемешанным хламом или обрезками. Остальные я забирал. Маркизет, большие отрезы, все, что было в моде в этом сезоне, я таскал через семь этажей. По-настоящему каторжная работа. От нее можно было загнуться. Мой галстук-бабочка от постоянных усилий хлопал меня по ушам. Недаром его крахмалили в двойном растворе.

Месье Лавлонг относился ко мне крайне предвзято. Стоило появиться покупательнице, как он делал мне знак, чтобы я убирался. Я не должен был оставаться. Меня нельзя было показывать... Из-за густой пыли в складах и из-за обильного пота я постоянно был в грязи с головы до ног. Но стоило мне уйти, как он начинал орать, что меня нет на месте. Его указания невозможно было выполнить...

⁴⁶ ...как у Майоля – Феликс Майоль (1872–1941) – известный комический певец, был изображен на афишах того времени с челочкой на лбу, очень элегантно одетый, с веточкой ландыша в петлице. Достиг вершины славы в 1909 г. Именно тогда он купил парижский Концертный зал, который долгое время потом назывался «Концертный зал Майоля».

Остальных скотов из отдела забавляло то, как я надрывался, как бегал с бешеной скоростью с этажа на этаж. Лавлонг не хотел давать мне ни минуты покоя.

«Молодость, спорт!..» – так он все объяснял. Только я спускался, как он давал мне новое задание!.. «Пошевеливайся, куколка! Меня не проведешь!»

В то время в магазинах Сантье блуз не носили, это было не принято. От подобной работенки моя замечательная куртка быстро протерлась.

«На тебя будет потрачено больше, чем ты зарабатываешь!» – забеспокоилась мама. Это было вполне реальным, ведь я совсем ничего не получал. Правда, при обучении некоторым ремеслам подмастерья сами платили за обучение. Так что мне еще повезло... Со временем мне станут платить. Коллеги меня прозвали «белкой» – так много рвения я выказывал, когда карабкался в хранилище. Только Лавлонг, несмотря ни на что, продолжал меня третировать. Он не мог простить, что меня взяли по указанию самого месье Берлопа. Ему неприятно было даже видеть меня. Он не мог понять, кто я. Ему хотелось меня унижить.

Он нашел повод придраться даже к моим башмакам, мол, от них много шума на лестницах. Действительно, я немного шаркал ногами, у меня ужасно болели пятки, когда я возвращался вечером, на них места живого не было.

«Фердинанд, – обращался он ко мне. – Вы невыносимы! От вас одного здесь больше шума, чем от омнибуса!..» Это он, конечно, загнул.

Моя куртка уже порядком поизносилась, костюмы на мне просто горели. Нужно было сшить мне другой, из старого костюма дяди Эдуарда. Мой отец теперь ворчал непрерывно, к тому же у него в конторе тоже были неприятности, и все более и более серьезные. Всевозможные мерзавцы, редакторы, воспользовались его отпуском, наговорили про него с три короба...

Месье Лепрент, его начальник, верил каждому их слову. У него началось обострение гастрита. Когда ему становилось совсем плохо, ему мерещились черти... Это не способствовало благополучному разрешению ситуации.

* * *

Я уже не знал, что предпринять, чтобы понравиться у Берлопа. Чем быстрее я носился по лестнице, тем больше раздражал Лавлонга. Он видеть меня больше не мог.

В пять часов, когда он отправлялся жрать, я, воспользовавшись перерывом, ненадолго снимал башмаки, то же я делал и в уборной, когда никого не было. Стоило кому-нибудь, кого пробрал понос, начать стучать в дверь, Лавлонг тут же бросался туда, я был его манией... Он ни на шаг не отходил от меня.

«Вы выйдете оттуда? Маленький бездельник! И это называется работой? Дрочить по углам!.. Это так вы учитесь? Не правда ли? Болтать яйцами! Махать членом!.. Вот программа молодежи!»

Я забивался в другое убежище, чтобы там дать подышать ногам. Я подставлял их под кран. Меня со всех сторон дергали из-за моих башмаков, а моя мать, всегда такая уступчивая, ни за что не соглашалась, что они слишком узки. Всему причиной моя лень! Отсутствие старания! Мне нечего было возразить.

Наверху, на складах, куда я бегал с коробками, работал малыш Андре, он приводил в порядок коробки, ставил на них черные номера при помощи ваксы и кисти. Андре поступил сюда еще в прошлом году. Он жил далеко, в пригороде, чтобы приехать сюда, ему нужно было совершить настоящее путешествие... его дыра находилась за Ванв и называлась «Кокосовые пальмы».

Чтобы не тратить денег на трамвай, ему приходилось вставать в пять часов. Он носил с собой корзину. Там был весь его скарб, закрытый железной скобой с висячим замком.

Зимой он вообще не выходил, ел в хранилище, но летом отправлялся перекусить на скамейку в Пале-Рояль. Он убегал немного пораньше, чтобы успеть ровно к полудню, к выстрелу из пушки⁴⁷. Ему это нравилось.

Он старался не показываться на люди, у него был постоянный насморк, он все время сморкался, даже в разгар августа.

Обноски у него были еще хуже моих, одни лохмотья. Остальные ученики из отдела не прочь были его отлупить, потому что он был хилый, у него по куртке были размазаны сопли, и он постоянно мямлил... Он предпочитал находиться наверху, где никто не мог его тронуть.

Его тетка тоже обращалась с ним плохо, особенно из-за того, что он мочился в постель; она устраивала ему ужасные взбучки, он подробно мне их описывал, все мои невзгоды были ничто в сравнении с ними. Он уговаривал меня сходить с ним в Пале-Рояль, он хотел показать мне шлюх, утверждая, что беседовал с ними. Еще там были воробьи, которые клевали у него хлеб. Но я не мог туда пойти. Я не мог позволить себе опоздать ни на минуту. Отец поклялся, что упрячет меня в Рокетт, если я буду где-нибудь шляться.

Все, что касалось женщин, ужасало моего отца; стоило ему заподозрить во мне желание дотронуться до них, как он становился особенно жестоким. Достаточно и того, что я занимался онанизмом. Он говорил мне об этом каждый день по малейшему поводу. Малыш Андре не внушал ему доверия... У него были манеры простолюдина... Он из семьи какого-то проходимца... Я – это совсем другое дело, у меня порядочные родители, мне не следует об этом забывать, мне напоминали об этом каждый вечер, когда я, совершенно обессиленный, одуревший, возвращался от Берлопа. Я получал взбучку за малейшую попытку что-то возразить!.. Мне нельзя распускаться!.. У меня и так достаточно неизвестно откуда взявшихся дурных наклонностей!.. Если я буду общаться с малышом Андре, я конечно стану убийцей. Мой отец в этом не сомневался. К тому же мои пороки были главной причиной его неприятностей и несчастий, которые посылала нам Судьба...

У меня просто пугающие наклонности, это было неоспоримо и ужасно. Да, он уже не знал, как меня спасти... Я же не знал, как искупить свою вину... Ведь бывают же безгрешные дети.

От малыша Андре плохо пахло, от него исходил запах еще более едкий, чем от меня, запах настоящей бедности. Он отравлял воздух в своих складах. Его тетка сама подстригала ему волосы ножницами, в результате на голове у него получалось что-то вроде газона с торчащим пучком волос спереди.

От пыли, которой он дышал, корки в его носу превращались в настоящую замазку. От них невозможно избавиться... Любимым его развлечением было их сдирать, а потом потихоньку есть. Из-за того что он сморкался в ладонь и постоянно пользовался ваксой, козьявки становились абсолютно черными, как номера.

Малышу Андре нужно было обработать по меньшей мере триста коробок за день... Он изо всех сил тарачил глаза, чтобы лучше видеть в этой камерке. Его штаны держались только на веревочках и булавках.

С тех пор как я стал выполнять роль лебедки, он больше не спускался в отделы, ему это было только на руку. Он избегал пинков. Он приходил со двора, пробирался мимо консьержки по черной лестнице... Если «регистрационных номеров» было слишком много, я задерживался, чтобы помочь ему. В такие моменты я снимал башмаки.

Здесь, в этом углу, можно было спокойно поговорить. Мы устраивались между двумя балками, стараясь, из-за его носа, укрыться от сквозняка.

⁴⁷ ...к выстрелу из пушки – еще несколько лет назад в южной части сада Пале-Рояль в Париже рядом со статуей Эвридики была пушка, установленная там в 1799 г. Расположенная на парижском меридиане и действующая при помощи сложной оптической системы, она стреляла ровно в полдень, с мая по октябрь, до 1914 г.

Что касается ног, то ему везло. Андре больше не рос. Двое его братьев жили у другой тетки, в Лиля. Сестры остались в Обервилье⁴⁸ с его стариком. Его папаша проверял газовые счетчики в районе... Он почти не видел сына, у него не было времени.

Иногда мы показывали друг другу свои члены. Кроме того, я рассказывал ему новости о том, что затевается в отделах, кого собираются уволить, всегда были субъекты, висевшие буквально на волоске... эти придурки только и думали, как бы сожрать друг друга... какую бы пустить грязную сплетню... или обсуждали множество способов, при помощи которых можно рассмотреть задницу покупательницы, когда она садится.

Среди девушек на посылках попадались довольно порочные... Они иногда специально так ставили ногу на лесенку, чтобы все было видно, и убегали с хихиканьем... Одна из них, когда я проходил мимо, показывала мне свои подвязки... Она издавала звуки, как будто сосала... Я поднялся наверх, чтобы рассказать об этом Андре... Мы рассуждали о том, что может быть у нее между ног. Сильно ли оттуда течет? желтое? красное? жжется ли? А какие ляжки? Мы тоже издавали звуки языком и слюнями, имитировали поцелуй... Но все же мы обрабатывали от двадцати до тридцати кусков материи в час. Малыш Андре научил меня одной хитрости – главному, когда разворачиваешь материю с одного конца... После первого надреза надо наискось немного отвернуть атлас. И именно так аккуратно и точно закрепить... Нужно уметь не запачкать гладкую лицевую сторону... Сперва надо вымыть руки. Это настоящее искусство.

* * *

Дома понимали, что мне долго не продержаться у Берлопа, что мой дебют не удался... Лавлонг, встречая маму то там, то тут в квартале, когда она делала покупки, все время наговаривал на меня. «Ах! Мадам, ваш мальчик не злой, это верно! Но какой же он легкомысленный!.. Ах! как вы были правы!.. Безмозглая голова!.. Я просто не знаю, что с ним делать!.. Он все портит. Все, до чего ни дотронется!.. О! ля! ля!..»

Это была ложь, грязная клевета... Я прекрасно это осознавал. Мне уже было все равно! Эта вонючая трепотня нужна лишь для того, чтобы я еще больше ишачил!.. Он использовал моих родителей... Потому что они еще могли меня содержать... Он обесценивал мою работу, чтобы заставлять меня вкалывать бесплатно. Я мог говорить и делать что угодно, мои старики все равно не поверили бы мне, только орали бы еще больше...

Малыш Андре, как бы он ни был плох, все же зарабатывал тридцать пять франков в месяц. На большее он не был способен... Мой отец ужасался, думая о том, что меня ждет в будущем. Где я смогу устроиться? Он себе не представлял... Для контор я не подходил... Вне всякого сомнения, еще больше, чем он!.. У меня совсем не было образования... Если я буду отлынивать от торговли, все полетит к чертям! Он отпускал язвительные замечания... Просил пощадить его... Однако я делал все что мог... Не жалел себя... Приходил в магазин на час раньше... Только чтобы быть на хорошем счету... Уходил позже всех... И все же обо мне сложилось плохое мнение... Я делал только глупости... Я был в панике... Я все время ошибался...

Нужно пройти через все это, чтобы до конца понять себя...

Теперь мне часто встречаются недовольные... Но это всего лишь несчастные задолбанные задницы... мелкие людишки, неудачники, цепляющиеся за наслаждения... Их злоба, как укусы клопа... За нее не надо платить, она достается почти даром... Жалкие недоумки...

Откуда им знать это... Не из лица же... Трепотня, блеф. Настоящая ненависть идет изнутри, из молодости, растроченной на непосильную работу. Такую, от которой сдыхают.

⁴⁸ Лиля, Обервилье – парижские пригороды.

Только тогда она будет так сильна, что останется навсегда. Она проникает всюду, ее достаточно, чтобы отравить все, чтобы победить всю подлость среди живых и мертвых.

Каждый вечер, когда я возвращался, моя мамаша интересовалась, неужели я еще не получил жалование... Она все время готовилась к худшему. За ужином об этом начинали говорить снова. Эта тема была просто неисчерпаема. А если я вообще его никогда не получу?..

Эти разговоры, особенно во время еды, были очень тяжелы для меня. Я почти не осмеливался просить добавки. Я торопился покончить с едой. Моя мать тоже ела быстро, тем не менее я ее раздражал.

«Фердинанд! Сколько раз тебе говорить! Ты даже не замечаешь, что ешь! Ты глотаешь, не прожевывая! Ты жрешь, как собака! Посмотри на себя! Ты же весь прозрачный! Зеленый!.. Разве это может пойти тебе на пользу? Для тебя делают все, что могут, но ты только понапрасну переводишь пищу!»

* * *

На складе у малыша Андре было относительно спокойно. Лавлонг почти никогда туда не поднимался. Если он исправно писал номера, ему особенно не надоедали.

Андре любил цветы, что часто бывает с убогими, он привозил их из деревни и расставлял в бутылки... Он украсил ими все балки своего чердака... Однажды утром он привез огромную охапку боярышника. Все это видели... Было решено, что подобное непозволительно. Все так долго обменивались мнениями по этому поводу при Лавлонге, что тот сам решил подняться и посмотреть... Андре изругали и заставили выбросить все во двор...

Внизу, в больших отделах, работали только старые козлы, «экспедиторы». Я никогда не видел более лицемерных и склочных ублюдков... А им впору было бы подумать о мире ином.

Там был один продавец, долговязый Магадю из «Парижской доставки», козел из козлов. Он и настроил против меня Андре... испортил наши отношения... Они часто вместе шли по дороге из Порт де Лиля... Он сделал все, чтобы Андре почувствовал ко мне неприязнь... Это было нетрудно: тот легко поддавался влияниям. Сидя часами в одиночестве в углу своего хранилища, он весь издергался. Стоило кому-то что-нибудь наболтать, дать понять ему, что он в опасности... Его было уже не переубедить... Неважно, что это было вранье... Придя к Андре, я нашел его возмущенным...

– Это правда, Фердинанд? – спросил он. – Это правда? Что ты хочешь занять мое место?.. Я ничего не понимал... Я стоял как олух... Я был поражен... Андре продолжал...

– Ах! Я прошу тебя, уходи! Не прикидывайся! Все в магазине это уже давно знают! Только я один сомневался!.. Я просто болван, вот и все!..

Всегда мертвенно-бледный, он пожелтел; со своими выбитыми зубами, весь в соплях, он был просто ужасен, на него было противно смотреть, к тому же он волновался... Прыщавое лицо, взлохмаченные волосы, вонь. Я не мог ничего ему сказать... Мне было неприятно...

Он подозревал, что я хочу занять его место... Да в тысячу раз больше я бы хотел, чтобы меня немедленно вышвырнули за дверь... Но куда бы я потом пошел? Это было бы прекрасно... Но я не мог себе этого позволить... Напротив, я должен был цепляться, стараться изо всех сил, выкручиваться... Я попытался его переубедить. Он мне больше не верил. Эта сволочь Магадю его хорошо обработал.

С этого момента он остерегался каждого моего движения. Он больше не показывал мне член, он боялся, что я об этом всем расскажу. Он уходил один в уборную, специально, чтобы спокойно покурить. Он больше не говорил о Пале-Рояле...

На седьмом этаже, между лестничными пролетами, я, скинув свою ношу, забивался в угол, снимал башмаки, куртку и ждал, когда же все это кончится...

Андре делал вид, что не видит меня, он специально принес к себе наверх «Замечательные иллюстрированные приключения». Он читал их, раскладывая по полу... Если я заговаривал с ним, даже очень громко... он делал вид, что не слышит. Он выписывал свои цифры кистью. Все, что я говорил или делал, казалось ему подозрительным. В его глазах я был предателем. Если он потеряет место, тетка устроит ему такое, что он попадет в больницу... Конечно! Я всегда об этом знал... Все же я не мог вынести, что он считает меня подлецом.

– Послушай, Андре, – сказал я ему в конце концов. – Пойми ты наконец, что я совсем не хочу тебя подсиживать!..

Он ничего не ответил, продолжал бормотать над своими картинками... Он читал вслух. Я подошел ближе посмотреть, про что там... Это была история про Короля Крогольда... Я прекрасно ее знал... Давно... Еще когда Бабушка Каролина была жива... Мы учились по ней читать... Потрепанная, старая книжка...

– Слушай, Андре, – предложил я ему. – Хочешь, я расскажу, что там дальше! Я знаю это наизусть!..

Он ничего не ответил. Но все же на него подействовало... Он заинтересовался... У него же не было продолжения...

– Слушай, я расскажу тебе дальше... – Я воспользовался обстоятельствами. – «Все население Христиании укрылось в церкви... В соборе, огромном, в четыре раза большем, чем Нотр-Дам... Все встают на колени... в соборе... Ты слышишь?.. Они боятся Короля Крогольда... Просят прощения у Неба за то, что ввязались в войну... За то, что защищали Гвендора!.. Принца-изменника!.. Им некуда деться... Под сводами церкви их несколько тысяч!.. Выйти не осмеливается никто!.. Все так перепуганы, что даже забыли молитвы!.. Они бесвязно бормочут! Старики, торговцы, юнцы, матери, кюре, трусы, маленькие дети, смазливый шлюхи, архиепископы, полицейские, все наделали в штаны... Все жмутся друг к другу... Это ужасное месиво... Оно бурлит, стонет... Никто даже не смеет вздохнуть, так им тяжело... Все умоляют... Просят... Чтобы Король Крогольд не сжигал все... Пусть он сожжет только пригороды... Пусть он не сжигает все, чтобы наказать их!.. Центральный рынок просит об этом! склады, весы, дом священника, дворец Правосудия и Собор!.. Святая Христиания... Самая чудесная на свете! Им некуда деться! Все так съежились... Как будто бы хотели исчезнуть...

Из-за стены слышно, как нарастает ужасный шум... Это передовой отряд Короля Крогольда... грохот железа по подъемному мосту... Ах! Да, точно! Кавалерийский эскорт!.. Король Крогольд у ворот... Он привстает в стремях... Слышно, как гремят доспехи... Рыцари проезжают через пригород Станисла... Огромный город кажется пустыней... Нигде ни души... За королем следует шумная толпа слуг... Ворота недостаточно широки... Повозка застревает в проходе... Высокие стены крушатся с двух сторон... Все рушится!.. Крытые повозки, легионеры, варвары проталкиваются вперед, катапульты, слоны, гидравлические насосы проходят через пробоину... В городе царят безмолвие, оцепенение... Дозорные башни... Монастыри... Дома... мастерские ремесленников... Все неподвижно...

Король Крогольд останавливается возле паперти... Вокруг него лают, прыгают, встают на задние лапы двадцать три дога... Эта свора уже отличилась в битвах с медведями и с зубрами... Эти огромные псы разносили в щепки целые леса... от Эльбы до Карпат... Сквозь шум Крогольд слышит звуки гимнов... которые поет затаившаяся толпа, спрятавшаяся, загнанная под своды... Черная месса... огромные двери поворачиваются... И Крогольд видит, что рокошет перед ним... В глубоком мраке... Скрывается целый народ?.. Он боится подвоха... Органы рокохочут... Их гул слышен на паперти... Но он не верит!.. Это предательский город!.. Он всегда останется таким!.. Он бросает Судье приказ сейчас же освободить весь Собор... Три тысячи слуг все сминают, бьют... растаскивают... Толпа подается, окружает их... напирает на двери... расплзается вдоль стен... Соппротивление подавлено... Ружья не нужны... Король ждет в седле... Его першерон, большой и мохнатый, бьет копытом. Король пожирает

огромный кусок мяса, целую баранью ногу; он вгрызается в нее, отрывая большие куски... Он рвет ее на части, приходит в ярость... Что там застряли?.. Король вдруг поднимается в стременах... Из всей орды он самый крепкий... Он свистит... Зовет... Собирает свору вокруг себя... Потрясает мясом над головой... И с размаху бросает его далеко в темноту... Оно падает посреди церкви... Прямо среди сидящих на корточках... Вся свора с визгом и рычанием бросается туда... Доги рвут направо и налево... душат... грызут... Страшная паника. Стоны усиливаются... Вся толпа в ужасе бросается на ступени... Давка... толчея, человеческая лавина достигает подъемных мостов... Людей давят о стены... Пиками и повозками... Теперь путь перед Крогольдом свободен... Собор принадлежит ему... Он пришпоривает лошадь... Въезжает... Требуется полной тишины... Пусть замолчит свора... люди... орган... войско... Он еще немного проезжает вперед... проезжает три портика... медленно слезает... Обнажает огромную шпагу... Чертит ею большой крест... А потом отбрасывает ее далеко... далеко вверх... На самую середину алтаря!.. Война окончена!.. Подходит его брат, архиепископ... Он становится на колени... Сейчас он споет „Верую“...»

Конечно, что ни говори, а рассказ возымел определенное действие. Малыш Андре не прочь, чтобы я продолжил... с подробностями... Он очень любил занимательные истории... Но он боялся попасть под мое влияние... Он копошился в своей конуре... перебирал тряпки... Он не хотел, чтобы я его заморозил... Чтобы мы, как раньше, опять стали друзьями...

Чуть позже я поднимаюсь снова уже с другим грузом... Он все не разговаривает со мной... Я очень устал и сел. Мне хочется, чтобы он со мной заговорил. И я начинаю: «Слушай, я знаю еще одну главу, в которой все купцы отправляются в Палестину... с Тибальдом в крестовый поход... Они оставляют трубадура стеречь замок с принцессой Вандой... Ты ничего не знаешь об этом? Это очень интересно! Особенно про месть Ванды, как она смывает кровью нанесенное ей оскорбление... как унижает своего отца».

Малыш Андре развесил уши. Он меня не прерывал, но я услышал в коридоре шуршание... Мне жаль было разрушать очарование. И тут в маленьком окошке я заметил рожу Лавлонга!.. Я вскакиваю. Он, должно быть, поднялся специально, чтобы меня поймать... Я подхожу... шмыгаю носом... Он делает мне знак...

«Прекрасно! Прекрасно, Фердинанд! Мы разберемся с этим чуть позже! Оставайтесь на месте, мой мальчик!..»

Долго ждать не пришлось. На следующий день в полдень, не успев я прийти, как моя мать мне выкладывает...

«Фердинанд, – с ходу начинает она, уже смирившись с неизбежным, полностью расстроенная... – Месье Лавлонг был здесь!.. собственной персоной!.. Знаешь, что он мне сказал?.. Он не хочет больше видеть тебя в магазине! Так-то! Вот такие дела! Он давно уже был недоволен, но сейчас его терпению пришел конец! Он говорит, что ты часами сидишь, спрятавшись на чердаке!.. И это вместо того, чтобы работать!.. И ты развращаешь малыша Андре! Он поймал тебя! Не отрицай!.. Ты рассказывал истории, просто отвратительные!.. Тебе нечего возразить! Ребенку из народа! Беспризорному! К счастью, месье Лавлонг знает нас уже десять лет! Боже мой! Он знает, что мы не просто так это затеяли! Он знает, как мы трудимся! Вдвоем – твой отец и я, чтобы дать тебе все!.. Он понимает, чего это стоит! Он нас уважает! Всегда предупредителен с нами. Он просил меня забрать тебя... Из сочувствия к нам он тебя не уволит... Он избавит нас от этого оскорбления!.. Ах! Когда я скажу об этом твоему отцу!.. Он этого не переживет!..»

Он как раз вернулся, пришел из конторы. Едва он открыл дверь, она начала свой рассказ... Слушая, он держался за стол. Он не верил своим ушам... Смотрел на меня сверху вниз, поднимал плечи... Потом в изнеможении опускал... От такого чудовища, как я, голова идет кругом! Он не вопил... Даже не бил меня... Он спрашивал себя, как это вынести?.. У него

опускались руки. Он раскачивался на стуле... «Гм!.. Гм!.. Гм!..» – повторял он, покачиваясь взад-вперед... Наконец он все же произнес:

«Значит, ты гораздо больше развращен, испорчен и лжив, чем я мог себе представить, Фердинанд?»

После чего посмотрел на мою мать, приглашая ее в свидетели, мол, что тут сделаешь... Я неисправим...

Я же был совершенно ошеломлен и силился понять, в каких ужасных пороках, неслыханных извращениях я, в конце концов, повинен?.. Я не понимал... Я был в полном недоумении. Я находил в себе множество недостатков, но остановиться на чем-то определенном не мог...

Мой отец поднялся со стула, пошел в комнату, он хотел все обдумать в одиночестве... Я заснул и видел кошмары... Мне снилось, что малыш Андре рассказывает что-то ужасное месье Берлопу.

На следующие утро мы с мамой отправились за моим аттестатом... Месье Лавлонг вернул нам его лично... Более того, он захотел со мной побеседовать...

– Фердинанд! – сказал он. – Из уважения к вашим добрым родителям я вас не увольняю... Они вас просто забирают!.. По собственному желанию! Вы осознаете разницу?.. Поверьте, мне неприятно, что вы от нас уходите. И тем не менее! Ваше поведение подорвало дисциплину во всех отделах!.. Я же отвечаю за это, не правда ли!.. Я строг! Но справедлив!.. Пусть же этот срыв заставит вас серьезно задуматься! То небольшое, чему вы здесь научились, пригодится вам в другом месте! Любой опыт полезен! Вы встретите других хозяев, может быть, еще более взыскательных!.. Это как раз тот урок, который вам был нужен... Ну ладно! Вы его получили, Фердинанд! И пусть он пойдет вам на пользу!.. В вашем возрасте надо учиться!..

Он убежденно пожал мне руку. Моя мать была сильно взволнована... Она прослезилась.

– Извинись, Фердинанд! – приказала она, когда мы встали, чтобы уходить... – Он еще молод, месье, слишком молод!.. Поблагодари месье Лавлонга, ведь он дал тебе, несмотря ни на что, прекрасную характеристику... Ты знаешь, что не заслужил этого!

– Но это сущие пустяки, дорогая мадам, сущие пустяки, поверьте мне. Это все не страшно! Фердинанд не первый молодой человек, который не слишком удачно начинает! Э! ля! ля! нет. Лет через десять он сам, я уверен в этом, придет и скажет мне... здесь же... Именно мне, лично: «Месье Лавлонг, вы правильно поступили! Вы благородный человек! Благодаря вам я многое понял!..» А сегодня ему неприятно меня видеть!.. Но это же нормально!..

Моя мать протестовала... Он похлопал меня по плечу. И показал нам на дверь.

На следующий день они взяли другого ученика... Я узнал об этом... Он не продержался и трех месяцев... Он спотыкался о каждую ступеньку... Он спекся на этой работе.

Но независимо от того, был я виновен или нет... Я становился настоящей обузой для семьи. Дядя Эдуард начал поиски другого места для меня, чтобы я попытался начать все сначала. Было удобнее, чтобы этим занялся он... Он хотел, чтобы я сменил занятие...

У меня уже был опыт... Впрочем, об этом лучше не вспоминать. На том и порешили.

* * *

Как только потрясение прошло, мой отец опять принялся за старое... Он снова и снова перечислял все мои недостатки... Отыскивал пороки, скрытые в глубине моей натуры, будто это были какие-то явления природы... Вопил не своим голосом... впадал в невменяемое состояние... Ему казалось, что его преследует целое скопище чудовищ... Повсюду он подозревал происки врагов... Самых разных... Евреев... заговорщиков... карьеристов... И особенно франкмасонов... Я не понимал, при чем здесь они... Он постоянно нес эту чушь... И так заиклился на этом, что почти забыл про меня...

Он обрушивался на Лепрента, желая ему новых обострений гастрита... на барона Меф-эза, своего генерального директора... без разбору на всех и вся, только бы распалиться и кипеть... Он устраивал ужасные скандалы, которые слышали все соседи...

Моя мать ползала у его ног... Он не прекращал орать... Его снова начала волновать моя судьба... Он прозрел во мне ужасающие наклонности... Неслыханную испорченность! После всего этого он просто умывает руки!.. Как Понтий Пилат!.. так он говорил... Он давал понять, что снимает с себя всякую ответственность...

Моя мать смотрела на меня... своего «окаянного»... Она делала трагический выбор... Она не хотела бросать меня... Было совершенно ясно, что я кончу на эшафоте, она должна быть со мной до конца...

* * *

Единственное, что объединяло нашу семью в Пассаже, – это тоска и заботы. Их хватало. Я повстречался с ними, едва появившись на свет... Они окружили меня сразу же... Весь дом был заполнен ими...

Страх полностью подчинил нас себе. Во всех комнатах страх неудачи буквально сочился сквозь стены... Из-за него мы даже ели впрок, стараясь незаметно припрятать еду. Мы вечно торопились и прыгали, как блохи, по парижским кварталам от площади Мобер до площади Этуаль, в страхе перед разорением, перед квартплатой, перед служащим газовой компании, неотвязно думая о налогах. У меня даже не было возможности как следует подтереться, потому что всегда требовалось куда-то спешить.

С тех пор как меня выгнали от Берлопа, прибавился еще страх, что я никогда не устроюсь... Я уже знал о нищих и безработных, о сотнях людей здесь и во всем мире, находящихся на волосок от полного краха... Они были совсем беззащитны!

А меня уже развлекало это постоянное лавирование, своеобразное соревнование с хозяевами... Я всегда заранее чувствовал готовящуюся подлость... Был начеку... Стоит мне заметить, что работа уплывает... И я уже готов чем-то ответить. Хозяин – это всегда сволочь, он только и думает, как тебя выгнать... В глубине души у каждого живет страх остаться однажды «на бобах», без работы... Потом я всегда тянул ляжку, какой бы гнусной эта работа ни была... Не спеша... Торопиться некуда... Едва сводя концы с концами, я продолжал этим заниматься всегда и везде. Я занимался чем-то, что невозможно даже как-то назвать, пощупать или определить... Мне абсолютно все равно... Все это не имеет никакого значения. Чем работа бессмысленнее, тем больше она меня успокаивает...

Я испытываю отвращение к любой работе. Стоит ли их тогда различать?.. Пусть их воспевают другие... Будь моя воля, я вообще положил бы на это... Но обстоятельства иногда оказываются сильнее вас...

* * *

Дядя Эдуард все больше и больше преуспевал в механике. Он торговал фарами и оборудованием для автомобилей, главным образом в провинции. К несчастью, я был слишком мал, чтобы ездить с ним. Нужно было немного подождать... Я еще нуждался в присмотре...

Дядя Эдуард в отношении меня был не столь пессимистичен, он считал, что все еще можно поправить! Он говорил, что, если я ничего не стою в сидячей работе, то, возможно, я еще покажу себя отличным агентом, настоящим асом в качестве коммивояжера.

Нужно было попробовать... Главное – это внешность, особенно одежда... Чтобы я выглядел солиднее, меня состарили на два года, я получил сверхжесткий воротничок из целлулоида, а все прочие уничтожил. Вдобавок на мои башмаки натянули серые гетры, чтобы мои

ноги не казались такими большими и мои опорки занимали меньше места на половиках. Мой отец относился к этому скептически, он уже не верил в мое будущее. Все делали соседи, они буквально засыпали меня советами... Они тоже не особенно надеялись на мой успех... Даже сторож в Пассаже был обо мне невысокого мнения... Когда зажигались фонари, он ходил по лавкам. Разносил сплетни. Он без конца повторял, что я кончу канцелярской крысой, как и мой отец; по его мнению, о лучшем нельзя и мечтать, если хочешь изводить людей... К счастью, существовал еще Визьо, марсовый, который был более доброжелателен, он понимал мои трудности и придерживался мнения, что я не злой мальчик. Вообще было много разговоров... но я оставался по-прежнему не у дел... Мне нужно было найти хозяина.

Тут все стали ломать голову, что же я буду рекламировать?.. Что до моей матери, то ее самым большим желанием было видеть меня ювелиром... Это казалось ей очень престижным. Холеный коммивояжер, прекрасно, с иголки одетый... И потом, стоя за роскошным прилавком, он держит в своих руках целые сокровища. Но быть ювелиром довольно опасно! Нужно все время трястись за эти побрякушки! Тут в два счета могут ограбить, задушить и поджечь!.. Ах!..

Самое главное, что здесь требуется, – это кристальная честность! В этом отношении нам нечего было бояться! Мои родители, всегда столь щепетильные, маниакально приверженные чести в делах, были прекрасными поручителями!.. Я мог идти представляться любому хозяину!.. Самому известному, самому мнительному: со мной он мог быть абсолютно спокоен! Никогда, сколько мы себя помним, в нашей семье не было ни одного вора, ни одного!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.